

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год.**

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

1

2021

Москва

Громыко Ал.А.
главный редактор, член-корр. РАН

Ананьева Е.В.
заместитель главного редактора, к. филос. н.

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л.С., академик РАО
Валентей С.Д., д.э.н.
Дынкин А.А., академик РАН

Кокошин А.А., академик РАН
Полтерович В.М., академик РАН
Торкунов А.В., академик РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И.О., член-корр. РАН
Байсингер Марк Р., профессор
Принстонского университета (США)
Буторина О.В., член-корр. РАН
Водолазов Г.Г., д. филос. н.
Войтоловский Ф.Г., член-корр. РАН
Габов А.В., член-корр. РАН
Гарбузов В.Н., д.и.н.
Дискин И.Е., д.э.н.
Кондаков И.В., д. филос. н.
Либман А.М., профессор
Мюнхенского университета (Германия)
Наумкин В.В., академик РАН

Нестик Т.А., д. психол. н.
Паин Э.А., д. полит. н.
Петренко В.Ф., член-корр. РАН
Порфирьев Б.Н., академик РАН
Ремингтон Томас Фредерик, профессор
Гарвардского университета (США)
Синеокая Ю.В., член-корр. РАН
Тихонова Н.Е., д. социол. н.
Фомин-Нилов Д.В., к.и.н.
Хабриева Т.Я., академик РАН
Чубарьян А.О., академик РАН
Яковлев А.А., к.э.н.

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала “Общественные науки и современность”, 2021

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-014-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.

Адрес в Интернете: ras.jes.su/ons

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ – ЗАПАД: ВОЙНА САНКЦИЙ (ЭКСПЕРНОЕ МНЕНИЕ)

- Кузнецов А.В.** Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года 5

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

- Михайлова О.В., Коньков А.Е., Батоврина Е.В.** Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом? 16
- Малышев М.А.** Государство в системе социального партнерства Российской Федерации 29

СЧАСТЬЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

- Антипина О.Н.** Этические аспекты экономической теории счастья 48

ЦИФРОВАЯ ЭПОХА: ПРИНУЖДЕНИЕ К ПРОГРЕССУ

- Розанова Н.М.** Конкуренция и монополия в цифровую эпоху 63
- Кондратьева Н.Б.** Декалог аграрной цифровизации ЕС 73

ЕС: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И СМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

- Понеделко Г.Н.** Устойчивое развитие как фактор взаимодействия природы и общества (на примере стран ЕС) 85
- Квашнин Ю. Д.** Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике 94

ЭКОНОМИКА БРИТАНИИ: АМБИЦИИ И СТРАТЕГИИ

- Кузнецов А.В.** Антикризисная альтернатива в Великобритании 105
- Хромаков Д.О.** Брекзит с точки зрения торговли фармацевтической продукцией 117

РЕСПУБЛИКИ ЮЖНОГО КАВКАЗА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

- Айвазян А.С.** Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа 132
- Ананьев А.В.** Армянский информационно-политический разлом 145

СТРАНЫ ТРЕТЬЕГО МИРА: НАЦИОНАЛИЗМ VS НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

- Фролова А.С., Куран М.С.** Восстание сапатистов: нищие мексиканские индейцы против мирового неолиберального капитализма 157

CONTENTS

RUSSIA AND THE WEST: THE WAR OF SANCTIONS (EXPERT OPINION)

- Kuznetsov A.** Direct Investment from Russia Abroad: Changes since 2018 5

GOVERNMENT AND SOCIETY: LOOKING FOR A COMPROMISE

- Mikhaylova O., Konkov A., Batovrina E.** State and Society in Search of Solidarity: Together or Side by Side? 16
- Malyshev M.** State in the System of Social Partnership of the Russian Federation 29

HAPPINESS AS AN ECONOMIC PHENOMENON

- Antipina O.** Ethical Aspects of the Economics of Happiness 48

THE DIGITAL AGE: FORCED TO PROGRESS

- Rozanova N.** Competition and Monopoly in a Digital Era 63
- Kondratieva N.** The EU Agricultural Digitalization Decalogue 73

EU: SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND CHANGING THE SOCIAL MODEL

- Ponedelko G.** EU: Sustainable Development as an Interaction Factor of Nature and Society 85
- Kvashnin Y.** The Coronavirus Pandemic and the U-turn in European Social Policy 94

THE UK ECONOMY: AMBITIONS AND STRATEGIES

- Kuznetsov A.** The United Kingdom Anti-Crisis Alternative 105
- Khromakov D.** Brexit Scenarios and Trade in Pharmaceutical Products 117

REPUBLICS OF THE SOUTH CAUCASUS: DEMOCRATIZATION AND NATIONAL INTERESTS

- Ayvazyan A.** The Role of the EU in Democracy Promotion in the South Caucasus Countries 132
- Ananiev A.** The Armenian Info-political Rift 145

THIRD WORLD COUNTRIES: NATIONALISM VS NEOLIBERALISM

- Frolova A., Kuran M.** Zapatistas' Uprising: Poor Mexican Indians against World Neoliberal Capitalism 157

РОССИЯ – ЗАПАД: ВОЙНА САНКЦИЙ
(ЭКСПЕРНОЕ МНЕНИЕ)
*RUSSIA AND THE WEST: THE WAR OF SANCTIONS
(EXPERT OPINION)*

**Прямые инвестиции из России за рубеж:
изменения с 2018 года**

*А.В. КУЗНЕЦОВ**

***Кузнецов Алексей Владимирович** – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук. Профессор МГИМО МИД России. Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. ВРИО директора, главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Адрес: 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21. E-mail: Kuznetsov_alexei@mail.ru

В статье рассмотрена специфика экспорта прямых инвестиций из России в 2018–первой половине 2020 гг. Выявлены три основные причины новой стагнации российской зарубежной инвестиционной экспансии – усиление “войны санкций” с Западом после избрания В. Путина на 4-й президентский срок, замедление в 2018–2019 гг. темпов роста мировой экономики на фоне сравнительно низких цен на углеводороды и другое экспортируемое из России сырье, вызванный пандемией коронавируса кризис в 2020 г. Эти факторы обусловили сокращение объемов накопленных капиталовложений российских ТНК (в том числе из-за переоценки созданных ими активов вследствие обвала курса рубля). Кроме того, снизились как инвестиции состоятельных россиян в зарубежную недвижимость, так и псевдоиностранные инвестиции вследствие очередных попыток провести деофшоризацию. На основе проведенного в ИНИОН РАН исследования в рамках международной программы изучения ТНК с растущих рынков представлен перечень ведущих российских нефинансовых ТНК по итогам 2019 г. Показаны дальнейшие перспективы российских прямых инвестиций.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, ПИИ, российские транснациональные корпорации, ТНК, статистика ПИИ, капиталовложения в зарубежную недвижимость, путешествующие по кругу ПИИ, “война санкций” с Западом, последствия пандемии коронавируса для экономики.

DOI: 10.31857/S086904990013992-3

Цитирование: Кузнецов А.В. (2021) Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S086904990013992-3

Direct Investment From Russia Abroad: Changes Since 2018

*Alexey V. KUZNETSOV**

***Alexey V. Kuznetsov** – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (Econ.). Professor of MGIMO-University. Address: 119454, Moscow, Vernadskogo avenue, 76. Acting director and chief researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of

Sciences (INION). Address: 117418, Moscow, Nakhimovskiy avenue, 51/21. E-mail: Kuznetsov_alexei@mail.ru

Abstract: The article considers the specifics of Russian foreign direct investment outflows in 2018 – the first half of 2020. Three main reasons for the new stagnation of Russian foreign investment expansion are identified: 1) the strengthening of “sanctions war” with the West after the election of Vladimir Putin for the 4th presidential term; 2) the slowdown in the global economy in 2018-2019 against the background of relatively low prices for hydrocarbons and other raw materials exported from Russia; and 3) the crisis caused by the coronavirus pandemic in 2020. These factors resulted in a reduction of both outward foreign direct investment stocks by Russian MNEs (partially due to revaluation of their assets after the collapse of the ruble rate), and a decrease in investments of wealthy Russians in foreign real estate as well as pseudo-foreign investment because of the regular attempts to conduct de-offshorization. Based on a study conducted at INION within the framework of the international program for studying MNEs from emerging markets, a list of leading Russian non-financial MNEs by the end of 2019 is presented. Further prospects of Russian direct investment are shown at the end of the article.

Keywords: foreign direct investment, FDI, Russian multinational enterprises, MNEs, FDI statistics, investments in foreign real estate, round-tripping FDI, “sanctions war” with the West, effects of the coronavirus pandemic on the economy.

DOI: 10.31857/S086904990013992-3

Citation: Kuznetsov A. (2021) Direct investment from Russia abroad: changes since 2018. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.31857/S086904990013992-3 (In Russ.).

За несколько лет до мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. в научном мире резко возрос интерес к экспорту из России прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Появились не только многочисленные работы в самой России, но и почти полсотни статей за рубежом [Liuhto, Majuri 2014]. Факт не случаен – если по итогам 1995 и 2000 гг. Россия занимала, по данным ЮНКТАД, соответственно, 35-е и 30-е места в мире по накопленному объему экспортированных ПИИ, то к 2007 г. страна переместилась на 13-е место (с долей 1,95% и абсолютным показателем, равным 363,5 млрд долл.). За 12 лет накопленные российские ПИИ увеличились почти в 109 раз, притом что за следующие 12 лет – до конца 2019 г. – показатель возрос лишь в 1,1 раза [World Investment Report 2020, annex table 04]. Разумеется, в первом случае речь шла о быстром росте с низких базовых значений, однако в 2010-е гг. активность российских ТНК за рубежом сократилась: на передний план вышли инвесторы из других стран – “новичков” заграничной экспансии. Например, по динамике ПИИ в 2002–2015 гг. Россию опередили Китай, Ирландия, Республика Корея, ЮАР, Австрия, Сингапур и др. [Kalotay 2020].

В начале 2010-х гг. размер накопленных российских ПИИ интенсивно колебался из-за падения курса рубля, резких изменений стоимости акций компаний, в которые инвестировали средства российские ТНК, но ни разу не превышал 400 млрд долл. Это привело к постепенному “сползанию” страны на 20-е место к концу 2014 г. (там она остается до сих пор). Вместе с тем по текущим ПИИ Россия даже иногда входила в первую десятку в мире (6-е место в 2013 г. и 7-е в 2014 г. с долей, превышающей 5%) [World Investment Report 2020, annex table 02]. С 2015 г. Россия перестала попадать в число лидеров и по масштабам годового экспорта ПИИ, в результате чего интерес ученых постепенно переключился на капиталовложения из Китая и других развивающихся стран. В то же время устойчивое место России среди 20 ведущих стран по экспорту ПИИ обуславливает необходимость сохранить исследовательское внимание. Тем более что, на наш взгляд, после 2018 г. наблюдается новый этап в российской зарубежной экспансии, черты которого особенно

зримо проявляются с 2020 г. В данной статье процесс проиллюстрирован сначала на основе статистики Банка России (ЦБ РФ), а затем корпоративной отчетности, собранной при анализе ведущих российских ТНК и их последующего анкетирования летом 2020 г.

Динамика российских ПИИ в 2018-2020 годах

Если проводить анализ только официальной статистики ЦБ РФ, то однозначная картина вряд ли получится. На конец 2017 г., по данным ЦБ РФ, накопленные российские ПИИ составили 388,7 млрд долл. при расчете по принципу направленности (его применение позволяет хотя бы отчасти исключить из учета псевдоиностранные капиталовложения). По итогам года показатель оказался максимальным за все время наблюдений – даже уровень конца 2013 г. был превзойден на 3,4 млрд долл. К 1 апреля 2018 г. объем российских ПИИ еще увеличился – до 398,4 млрд долл. Затем началось падение, сменившееся ростом в течение 2019 г., вновь спадом в I кв. 2020 г. и увеличением во II кв. 2020 г.

Таким образом, наращивание российских ПИИ за рубежом замедлилось, продемонстрировав неустойчивость от квартала к кварталу, особенно за счет единичных крупных сделок (как по покупке новых активов, так и по продаже зарубежных дочерних структур российских ТНК). Однако в целом зарубежная активность россиян отнюдь не прекратилась. Колебания накопленных объемов ПИИ происходили на фоне неизменно положительных текущих нетто-потоков ПИИ (хотя в III кв. 2018 г., III кв. 2019 г. и I кв. 2020 г. показатели были на много ниже обычного уровня). Отчасти их трансформации связаны с экономической конъюнктурой, что подтверждается пересчетом показателя по текущим курсам доллара в рублях – его падение в рублевом выражении наблюдалось только в IV кв. 2018 – I кв. 2019 гг., а затем во II кв. 2020 г. (см. табл. 1). В итоге за рассматриваемые 2,5 года накопленные российские ПИИ в рублевом выражении выросли на 21%, а в долларовом выражении упали на 1%. При этом суммарный нетто-поток ПИИ из России достиг 58,7 млрд долл. или примерно 15% зарегистрированных за весь период накопленных прямых российских капиталовложений за рубежом.

Подчеркну, что российские ПИИ распадаются на три потока капитала, почти сопоставимых по масштабам, – реальные вложения компаний и инвестиционных фондов за рубежом, “путешествующие по кругу” ПИИ через офшоры и другие перевалочные базы, а также капиталовложения россиян в заграничную недвижимость.

Эксперты еще в 2015 г. заговорили о негативном влиянии “войны санкций” с Западом на ПИИ российских компаний, в том числе через косвенные каналы воздействия (подрывающие финансовую основу компаний вывозить капитал за рубеж) [Лухто 2015]. Усиление санкций после избрания Путина на 4-й президентский срок, все большее понимание российскими бизнесменами затяжного характера противостояния России с США и их европейскими союзниками привело к распродаже активов в США, странах ЕС и на Украине. Даже те российские ТНК, которые решили не делать этого в первые годы после государственного переворота на Украине и воссоединения Крыма с Россией, были вынуждены на это пойти. Влияние “войны санкций” сочеталось с негативным воздействием замедления в 2018–2019 гг. темпов роста мировой экономики на фоне сравнительно низких цен на углеводороды и другое экспортируемое из России сырье, а также кризисом в 2020 г., вызванным пандемией коронавируса. Детали конкретнее стали проявляться лишь при анализе на уровне отдельных российских ТНК, результаты которого представлены в следующем разделе статьи.

Внешнеполитические события последних лет влияют и на степень “офшоризации” российского бизнеса. Она, став в последние десятилетия одной из ключевых черт внешнеэкономической модели России, объясняет значительные масштабы экспорта ПИИ в отсутствие ТНК, входящих в число мировых лидеров [Булатов 2020]. Формально нерос-

Таблица 1

Динамика российских ПИИ в 2018–2020 гг.

Показатель	2017	2018				2019				2020	
	4 кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1 кв.	2 кв.	3 кв.	4 кв.	1 кв.	2 кв.
Курс доллара в рублях, на первое число месяца после конца периода	57,60	57,26	62,76	65,59	69,47	64,73	63,08	64,64	61,91	77,73	70,44
Накопленные ПИИ из России, трлн руб., на конец периода	22,4	22,8	23,9	24,2	24,1	23,6	24,2	24,7	25,2	28,0	27,1
Накопленные ПИИ из России, млрд долл., на конец периода	388,7	398,4	380,3	368,2	346,6	364,7	383,1	382,2	407,3	360,7	384,9
<i>Кипр</i>	175,2	179,6	168,9	187,7	166,4	178,8	193,8	192,2	203,1	167,8	186,5
<i>Нидерланды</i>	48,5	47,6	46,4	45,4	40,4	49,7	47,1	47,9	34,5	35,4	34,0
<i>Виргинские (Брит.) о-ва</i>	41,7	43,2	38,4	11,2	11,3	10,9	12,4	12,8	5,6	4,9	1,8
Три основные "перевалочные" базы в целом	265,4	270,4	253,7	244,3	218,1	239,4	253,3	252,9	243,2	208,1	222,3
Их доля, %	68	68	67	66	63	66	66	66	60	58	58
Текущий поток ПИИ из России, млрд долл.	11,7	13,4	4,9	1,3	11,9	9,7	4,7	2,1	5,5	0,6	4,6

Источники: [ЦБ РФ 2020^а, ЦБ РФ 2020^б, ЦБ РФ 2020^г].

сийский статус компаний, зарегистрированных на Кипре и в подобных ему юрисдикциях, в 2014–2016 гг. неоднократно помогал российским ТНК избегать дополнительных притеснений на Украине или в странах Запада. Однако в последние два-три года российский частный бизнес стал настороженно относиться к “страхованию” активов от посягательств собственного государства и снижения налогообложения путем их перерегистрации в офшорах. Регистрация ТНК вне России перестала защищать частные ТНК от новых антироссийских санкций. К тому же сама Российская Федерация начала пересматривать налоговые соглашения с “перевалочными базами” (Кипром, Люксембургом, Мальтой, Нидерландами).

С одной стороны, удельный вес трех важнейших “перевалочных” баз, в которых почти не сосредоточены реальные российские активы (Кипр, Нидерланды и Виргинские (Брит.) острова), за последние 2,5 года сократился в накопленной сумме российских ПИИ на 10 проц. пунктов (см. табл. 1). С другой стороны, в течение этого периода на 3-е место вышел остров Джерси (31,9 млрд долл. к концу II кв. 2020 г.). Таким образом, на текущую тройку лидеров приходится не 58%, а почти 66%, что лишь на 2,7 проц. пункта ниже значения конца 2017 г. Если взять текущие потоки ПИИ, то на традиционные топ-8 “перевалочных баз” (Кипр, Нидерланды, Люксембург, Сингапур, Виргинские (Брит.) острова, Багамы, Джерси и Ирландию) в 2017 г. приходилось 25,2 млрд долл. или 68,7% всего нетто-экспорта российских ПИИ. В 2018 г. показатель составил 22,2 млрд (70,7%), в 2019 г. – 19,7 млрд (но в относительном выражении уже 90%) и лишь в первом полугодии 2020 г. снизился до 1,8 млрд долл. или 34,1%.

Вряд ли пока уместно говорить о существенной деофшоризации российских ПИИ. Государственная политика деофшоризации по-прежнему противоречива, что отчасти как раз и объясняется разнонаправленным воздействием на российские ТНК внешнеполитических изменений последних лет [Хейфец 2018]. Тем не менее отдельные попытки изменить место регистрации российских ТНК проводятся (например, компания “UC Rusal” после введения санкций США против ее ключевого владельца О. Дерипаски перерегистрирована с острова Джерси на специальный административный район в Калининградской области – новый внутренний офшор на острове Октябрьский).

Третий основной поток российских ПИИ наиболее энергично трансформировался в последнее время. Происходит явное сворачивание инвестиционной активности россиян, нацеленной на приобретение зарубежной недвижимости (в том числе ради получения вида на жительство). Основными источниками информации по этому виду капиталовложений служат публикации риэлторских фирм, так как ЦБ РФ не учитывает должным образом вложения физических лиц за рубежом. Тем не менее благодаря ориентации на “зеркальную статистику” стран, получающих российские ПИИ, и по публикациям ЦБ РФ можно выявить ряд стран, которые, выделяясь объемами этих капиталовложений, не относятся ни к “перевалочным базам”, ни к местам сосредоточения существенных активов российских ТНК (см. табл. 2).

По итогам 2018 г. тройку лидеров по инвестициям русскоязычных покупателей недвижимости (как физических лиц, так и инвесторов, использующих свои небольшие фирмы) составили, по данным агентства “Prrian”, Испания, Болгария и быстро догоняющая их Турция. По-прежнему выделяются Германия, Италия, Чехия, а вне ЕС – США. Значимое место занимают Кипр, Греция и Финляндия, тогда как попадавшие ранее в списки лидеров Латвия и Черногория в топ-10 не значатся [В каких странах... 2019]. По данным агентства “Tranio”, ведущие страны – реципиенты российских ПИИ в недвижимость в 2018 и 2019 гг. были одинаковыми – Испания, Греция, Италия и Германия [Качмазов 2020]. Не входящая в число лидеров Черногория даже после присоединения к антироссийским санкциям и вступления в НАТО привлекательна для российских инвесторов в недвижимость – среди иностранцев россияне остаются лидерами по расходам на покупку местного жилья (уже 14 лет подряд) [Ватник 2020].

Российские ПИИ в некоторых странах с традиционно высокой долей капиталовложений в недвижимость (млн долл.)

Страна	Поток ПИИ		Накопленные ПИИ на 1.1.2014	Поток ПИИ				Накопленные ПИИ на 1.1.2018	Поток ПИИ			Накопленные ПИИ на 1.1.2020
	2012	2013		2014	2015	2016	2017		2018	2019	1–2 кв. 2020	
Испания	980	1356	4772	1879	152	125	130	6382	136	131	30	6339
Болгария	716	554	2853	308	48	41	37	3330	314	22	-100	2712
Чехия	265	340	1706	277	24	43	-96	1791	96	45	26	2024
Латвия	348	568	2821	513	-22	-62	-30	1546	136	20	10	1633
Черногория	185	173	1222	187	31	37	40	1288	51	71	33	1415
Греция	63	98	569	185	12	15	30	733	18	39	6	656

Источники: [ЦБ РФ 2020^b; ЦБ РФ 2020^c].

Потоки новых ПИИ ощутимо уменьшились уже в 2015 г., особенно в Латвию, где резко ужесточились правила получения вида на жительство в ЕС “в обмен” на инвестиции в недвижимость. Однако наибольший спад российских ПИИ в зарубежные дачи и квартиры наблюдался в 2020 г. из-за пандемии коронавируса (см. табл. 2). Помимо внешних факторов, обуславливающих распродажу недвижимости россиянами, на потоки ПИИ негативно влияет ужесточение правил для российских чиновников (например, по мнению риэлторов, такова главная причина распродаж объектов в приморских городах Болгарии).

Ведущие российские ТНК по итогам 2019 года

Российские компании ни разу не входили в перечень 100 крупнейших нефинансовых ТНК мира, который ежегодно публикует ЮНКТАД. По итогам 2019 г. крупнейшая российская ТНК “ЛУКОЙЛ” отставала по величине зарубежных активов от замыкающего список топ-100 “Volvo”, шведского производителя грузовиков и автобусов, более чем в 1,5 раза. В данном списке уже 9 китайских компаний, есть ТНК из Республики Корея, с Тайваня, из Малайзии. В списке 100 крупнейших ТНК развивающихся и постсоциалистических стран позиции российского бизнеса также скромны – по итогам 2018 г. “ЛУКОЙЛ” был только на 37-м месте, присутствовали также лишь “Газпром” и “Роснефть”. В то же время Китай в этом перечне представляли 34 компании, Гонконг – 10 ТНК, Южную Корею и Сингапур – по 8 компаний, Тайвань – 7, Мексику – 6, Индию – 5, ЮАР – 4 [World Investment Report 2020, annex tables 19, 20].

Небольшое представительство российских компаний в мировых рейтингах вынуждает самостоятельно составлять списки ведущих отечественных ТНК (помимо прочего это позволило привлечь внимание экспертов ЮНКТАД к компании “Роснефть” – ранее в топ-100 фигурировали только две российские нефтегазовые ТНК). Работа началась более 10 лет назад в рамках инициированной Колумбийским университетом в Нью-Йорке международной программы “Emerging Markets Global Players” (<https://emgp.org/>). Летом 2020 г. автор провел в ИНИОН РАН очередное анкетирование российских ТНК, которому пред-

Прямые инвестиции из России за рубеж: изменения с 2018 года

шествовал анализ годовой и финансовой отчетности компаний. Подробные результаты исследования будут опубликованы в начале 2021 г., а в данной статье представлены только итоги, связанные с ранжированием российских ТНК (см. табл. 3).

Таблица 3

**Ведущие российские нефинансовые ТНК по величине зарубежных активов
(в 2018–2019 гг.)**

№	Компания	Отрасль	Долгосрочные зарубежные активы, млрд. долл.		Суммарные зарубежные активы, млрд. долл.		Доля зарубежных активов в суммарных активах, %	
			2018	2019	2018	2019	2018	2019
1	ЛУКОЙЛ	Нефтегазовая	18,37	21,29	24,76	28,82	30	30
2	Газпром	Нефтегазовая	14,75	15,61	18,49	18,92	6	5
3	Роснефть	Нефтегазовая	8,31	11,11	10,79	13,63	6	7
4	VEON	Телекоммуникации	6,20	6,76	7,95	8,01	56	50
5	РУСАЛ	Цветная металлургия	3,68	4,19	5,42	6,46	34	36
6	Совкомфлот	Транспорт	5,55	5,51	6,00	6,09	84	83
7	Атомэнергопром	Атомная	3,77	4,07	5,71	5,46	12	10
8	РЖД	Транспорт	1,68	1,98	3,07	3,32	4	4
9	Евраз	Черная металлургия	2,13	1,88	3,71	3,17	40	32
10	НЛМК	Черная металлургия	1,35	1,34	2,92	2,53	29	24
11	ЕвроХим	Производство удобрений	1,36	1,43	1,72	1,78	18	15
12	НордГолд	Цветная металлургия	1,32	1,32	1,63	1,68	64	61
13	Русснефть	Нефтегазовая	1,20	1,59	1,36	1,65	37	36
14	ВСМПО-Ависма	Цветная металлургия	0,10	0,22	1,20	1,38	25	25
15	Зарубежнефть	Нефтегазовая	0,48	0,56	1,01	1,15	37	35
16	Мегафон	Телекоммуникации	0,20	0,52	0,24	1,02	3	9
17	ТМК	Черная металлургия	0,90	0,28	1,93	0,83	38	15
18	Норильский никель	Цветная металлургия	0,48	0,44	0,68	0,67	4	3
19	ММК	Черная металлургия	0,33	0,32	0,53	0,50	7	6
20	АФК Система	Конгломерат	0,91	0,27	1,63	0,48	8	2
В сумме топ-20			73,07	80,69	100,75	107,55	–	–

Источники: годовая и финансовая отчетность компаний, оценки автора, ответы представителей компаний в ходе анкетирования летом 2020 г. (ответы “РЖД”, “ВСМПО-Ависма” и “ММК” пришлось учесть лишь частично).

При составлении любого рейтинга возникает ряд методологических проблем [Кузнецов 2018, с. 44–47]. Во-первых, из ранжирования обычно исключают транснациональные банки, поскольку невозможно корректно сопоставлять активы нефинансовых и финансовых ТНК. Два ведущих российских транснациональных банка – “Сбербанк”

и “ВТБ” – инвестировали за рубежом более чем по 1 млрд долл. каждый. Во-вторых, ряд интегрированных бизнес-групп российских “олигархов” осуществляют ПИИ в основном через инвестиционные фонды с непрозрачной отчетностью, причем покупая обычно пакеты в 10–49% акций в компаниях самой разной отраслевой специализации.

Причислять эти структуры к “классическим” ТНК довольно спорно, хотя по меньшей мере три из них – “Ренова” В. Вексельберга, “Севергруп” А. Мордашова и “LetterOne” М. Фридмана, Г. Хана и А. Кузьмичева – инвестировали за рубежом по несколько миллиардов долларов. В-третьих, не совсем ясно, можно ли считать российскими ТНК-мигрантов типа “VEON” (бывший “ВымпелКом”, перенесший не только формальную регистрацию за рубеж, но и разместивший головную штаб-квартиру в Нидерландах). Однако “VEON” был учтен, так как его по-прежнему контролируют российские бизнесмены, а первым по значению рынком для компании остается Россия.

Наконец, традиционное ранжирование ТНК по величине суммарных зарубежных активов не позволяет даже приблизительно оценить ПИИ – куда более удобен показатель масштаба долгосрочных зарубежных активов, в который не включаются оборотные (краткосрочные по своей сути) активы.

За 2019 г. 20 ведущих российских ТНК в целом нарастили масштабы зарубежных активов, в том числе долгосрочных (см. табл. 3). Однако лишь у трех компаний (“Роснефть”, “РУСАЛ” и “Мегафон”) увеличилось значение зарубежных предприятий в общей сумме активов, причем в отношении компании “Мегафон” речь идет о регистрации в Сингапуре совместного с китайской компанией “Alibaba” предприятия для работы преимущественно на территории России.

Наиболее комфортное положение российских нефтегазовых ТНК, которые продолжают расширять свое присутствие за рубежом, в том числе в нетрадиционных для России регионах инвестиционной экспансии (пусть их капиталовложения растут не всегда столь активно, как на родине). Например, в 2019 г. “ЛУКОЙЛ” инвестировал 0,8 млрд долл. в Республику Конго, войдя в крупный проект по добыче нефти на шельфе “Magine XII”. Наиболее динамичны показатели “Роснефти”, которая прежде всего продолжила (через сингапурскую дочернюю структуру) наращивать исчисляемые уже несколькими миллиардами долларов вложения в добычу сырья и трубопроводную инфраструктуру в Иракском Курдистане.

Вместе с тем, представители многих отраслей российской экономики распродают важные зарубежные дочерние структуры. Именно в 2019 г. “ТМК” продала свой трубный дивизион в Северной Америке, последовав за компанией “Северсталь” и некоторыми другими российскими ТНК, которые покинули США после начала “войны санкций”. В том же году “АФК Система” ушла из Украины (после нескольких лет попыток ее телекоммуникационной дочерней компании “МТС” работать хотя бы под чужим брендом “Vodafone”). Прежде всего с “войной санкций”, хотя и в форме опосредованного влияния, связана продажа “Сбербанком” дочернего “Denizbank” в Турции почти за 5 млрд долл., резко сократившей масштабы ПИИ ведущего российского банка.

Таким образом, нельзя согласиться с рядом экспертов, что в 2019 г. применение санкций против России стало существенно более стабильным [Тимофеев, Морозов, Тимофеева 2020, с. 6–9]. Скорее, это сигнал о затяжном характере проблем для российских ТНК на Западе. К сожалению, приходится констатировать несколько неутешительных выводов относительно текущего характера зарубежной инвестиционной экспансии российских ТНК:

1) лишь несколько крупнейших российских компаний, в основном подконтрольных государству (прежде всего “Газпром” и “Роснефть”), либо тесно связанных с властью (“Лукойл”, “РУСАЛ” и т.п.) действуют как глобальные ТНК, опираясь прежде всего на немногие конкурентные преимущества, которые дает сырьевой характер российской экономики;

2) даже самые известные лидеры российских отраслей могут распродавать крупные зарубежные активы, причем “война санкций” лишь усилила их долгосрочные проблемы с удержанием конкурентоспособности. В России они не столь заметны в силу доминирующего положения этих ТНК на рынке и обычно попадают в поле зрения СМИ лишь в связи с претензиями клиентов к качеству работы (упомянем здесь лишь “Сбербанк” и входящую в “АФК Система” телекоммуникационную компанию “МТС”);

3) степень интернационализации большинства российских ТНК невелика (лидерство компании “Совкомфлот” весьма условно, так как связано лишь с регистрацией почти всех ее судов под иностранными “удобными флагами”). Более того, они не могут воспользоваться ни продуманной государственной политикой по регулированию определенных форм экспорта ПИИ в интересах национальной экономики, ни разветвленной инфраструктурой дипломатической, экспертно-аналитической и информационной поддержки (в силу их отсутствия при наличии в России большого потенциала по развитию квалифицированных консультационных услуг для российских ТНК, в том числе на новых направлениях ведения бизнеса в странах глобального Юга).

Ожидания перемен после президентских выборов 2018 г. оказались напрасными – Россия сохранила прежнюю, во многом неэффективную модель экономического развития. Сильные внешние “шоки”, появление которых ввиду цикличности развития мирового хозяйства было лишь делом времени, обострили и без того имевшиеся проблемы в сфере ПИИ. Достаточно упомянуть усиление “санкционного давления” со стороны стран Запада, когда уже даже нейтрально относящиеся к России эксперты не обещают улучшения отношений в ближайшие годы. В 2020 г. ситуацию усугубил обвал рубля в 2020 г. после неудачно проведенных переговоров с ОПЕК и общие для всей мировой экономики негативные последствия пандемии коронавируса. Последние могут быть особенно тяжелыми для России из-за неспособности властей убедить население в опасности вируса, хотя положение может измениться.

Перспективы российских ПИИ в 2020-е годы

Характер и интенсивность легального экспорта капитала в определяющей степени зависят от уровня развития национальной экономики и конкурентоспособности национальных компаний, вывозящих ПИИ. Разумеется, не следует абсолютизировать теорию пути инвестиционного развития Дж. Даннинга, ставящую во главу угла уровень развития страны – экспортера капитала, хотя бы из-за наличия других стимулов для инвестиционной экспансии. Можно упомянуть как “выталкивающие” факторы (например, трудности для национальных компаний выгодно вкладывать капитал на родине из-за неблагоприятного инвестиционного климата), так и “притягивающие” (в частности, ликвидацию барьеров для движения капитала вследствие развития региональной интеграции).

Существуют и политические ограничители – в частности, российские ТНК нередко сталкиваются с инвестиционным протекционизмом в странах Запада, которые долгое время были самым популярным направлением для российских ПИИ. Однако успешное развитие глобальной активности национальных ТНК в любом случае обусловлено их финансовыми возможностями наращивать капиталовложения, а также способностью выживать в конкурентной борьбе во всегда более сложной для предпринимательства зарубежной среде.

В ближайшие годы вряд ли стоит ожидать нового всплеска российских ПИИ. В-первых, модернизация российской экономики идет крайне вяло – трансфер технологий из-за рубежа и их внедрение в стране затруднены “войной санкций” с Западом, а в самой стране существенного роста расходов на НИОКР не ожидается. За 2010–2018 гг. численность исследователей в стране сократилась на 5,3%, доля расходов на НИОКР к ВВП

уменьшилась с 1,13% до 1,10%, в том числе расходы федерального бюджета – с 0,51% до 0,39% [Росстат 2019, с. 508–509], тогда как все высоко- и среднеразвитые страны стремятся увеличить данные показатели.

Во-вторых, несмотря на многочисленные призывы экспертов, в России по-прежнему не созданы условия для стимулирования зарубежных инвестиций, полезных для развития национальной экономики, на которые способны российские ТНК “второго эшелона” (речь идет как о расширении рынков сбыта российской продукции с помощью ПИИ, так и о встраивании в глобальные цепочки создания стоимости компаний-инвесторов из третьих стран).

В-третьих, ни мировая экономическая конъюнктура (особенно вследствие пандемии коронавируса), ни международные отношения не создают благоприятный фон для российских ПИИ. Возможно, некоторые российские ТНК, особенно нефтегазовые, продолжают укреплять свои позиции в ограниченном количестве стран. Не исключено появление и нескольких новых значимых отечественных ТНК при благоприятном стечении обстоятельств и активности “снизу”. Однако скорее всего отставание России от других восходящих держав формирующегося полицентричного мира будет усиливаться, по крайней мере в первой половине 2020-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булатов А.С. (2020) Современная российская внешнеэкономическая модель и ее внешнеэкономические аспекты // *Россия и современный мир*. №2, С. 158–168. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.09.
- Ватник К. (2020) Россияне остаются крупнейшими покупателями недвижимости в Черногории (<https://ria.ru/news/rossiyane-ostayutsya-krupneyshimi-pokupatelyami-nedvizhimosti-v-chernogorii.html>).
- В каких странах чаще покупают недвижимость россияне (2019) <https://www.cre.ru/analytics/74296>
- Качмазов Г. (2020) С капиталом за границу // *Коммерсант* – (<https://www.kommersant.ru/doc/4299818>).
- Кузнецов А.В. (2018) Методы оценки прямых российских инвестиций за рубежом // *Экономическая наука современной России*. №4. С. 37–50.
- Лиухто К. (2015) Российские внешние инвестиции: влияние санкций на объем внешних прямых иностранных инвестиций из России // *Балтийский регион*. №4. С. 7–26. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-4-1.
- Росстат (2019) *Российский статистический ежегодник*. 2019. Москва.
- Тимофеев И., Морозов В., Тимофеева Ю. (2020) Санкции против России: взгляд в 2020 г. // *Доклад РСМД*. №51.
- Хейфец Б.А. (2018) Влияние антироссийских санкций на процесс деофшоризации // *Российский внешнеэкономический вестник*. №8. С. 15–31.
- ЦБ РФ (2020^а) Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно (http://cbr.ru/currency_base/daily/).
- ЦБ РФ (2020^б) Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж: исходящие остатки по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности) (http://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/16-dir_inv.xlsx).
- ЦБ РФ (2020^в) Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж: операции по инструментам и странам-партнерам (http://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/18-dir_inv.xls).

REFERENCES

- Bank of Russia (2020^a) Official Exchange Rates on Selected Date (http://cbr.ru/eng/currency_base/daily/).
- Bank of Russia (2020^b) Direct Investment of the Russian Federation Abroad: Positions by Instrument and Partner Country (Directional Principle) (http://cbr.ru/vfs/eng/statistics/credit_statistics/direct_investment/16e-dir_inv.xlsx).

Bank of Russia (2020^e) Direct Investment of the Russian Federation Abroad: Flows by Instrument and Partner Country (http://cbr.ru/vfs/eng/statistics/credit_statistics/direct_investment/18e-dir_inv.xls).

Bulatov A.S. (2020) *Sovremennaya rossiyskaya vneshneekonomicheskaya model' i eyo vneshneekonomicheskiye aspekty* [Today's Russian Economic System and its External Economic Aspects]. *Rossiya i sovremennyy mir*, no. 2, pp. 158–168. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.09.

Kachmazov (2020) *S kapitalom za granitsu* [With Capital Abroad]. *Kommersant* (<https://www.kommersant.ru/doc/4299818>).

Kalotay K. (2020) A Quarter Century of Global Foreign Direct Investment: A Shifting Landscape. *Encyclopedia of International Economics and Global Trade*, vol. 1: Foreign Direct Investment and the Multinational Enterprise. World Scientific, pp. 11–43.

Kheyfets B.A. (2018) *Vliyaniye antirossiyskikh sanktsiy na protsess deofshorizatsii* [Deoffshorization and Anti-Russian Sanctions]. *Russian Foreign Economic Bulletin*, no 8, pp.15–31.

Kuznetsov A.V. (2018) *Metody otsenki pryamih rossiyskikh investitsiy za rubezhom* [Evaluation Methods of Russian Direct Investments Abroad]. *Economics of Contemporary Russia*, no. 4, pp. 37–50.

Liuhto K. (2015) Motivations of Russian Firms to Invest Abroad: How Do Sanctions Affect Russia's Outward Foreign Direct Investment? *Baltic Region*. no. 4, pp. 4-19. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-1.

Liuhto K.T., Majuri S.S. (2014) Outward Foreign Direct Investment from Russia: A Literature Review. *Journal of East-West Business*. vol. 20, no. 4, pp. 198–224. DOI: 10.1080/10669868.2014.967434.

Rosstat (2019) *Russian Statistical Yearbook*. Moscow.

Timofeev I., Morozov V., Timofeeva Yu. (2020) *Sanktsii protiv Rossii: vzglyad v 2020 g.* [Sanctions against Russia: Outlook 2020]. *Russian International Affairs Council Report*, no. 51.

Vatnik K. (2020) *Rossiyane ostayutsya krupneyshimi pokupatelyami nedvizhimosti v Chernogorii* [Russians Remain the Largest Buyers of Real Estate in Montenegro] (<https://prian.ru/news/rossiyane-ostayutsya-krupneyshimi-pokupatelyami-nedvizhimosti-v-chernogorii.html>).

V kakih stranah chasche pokupayut nedvizhimost' rossiyan (2019) [In Which Countries Do Russians Buy Real Estate More Often?] (<https://www.cre.ru/analytics/74296>).

World Investment Report 2020. International Production beyond the Pandemic. Geneva: UNCTAD.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО:
В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА
*GOVERNMENT AND SOCIETY:
LOOKING FOR A COMPROMISE*

Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом?

*О.В. МИХАЙЛОВА**
*А.Е. КОНЬКОВ***
*Е.В. БАТОВРИНА****

***МИХАЙЛОВА Ольга Владимировна** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, Москва, 119991. E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

****КОНЬКОВ Александр Евгеньевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, Москва, 119991. E-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

*****БАТОВРИНА Екатерина Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. Адрес: Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, Москва, 119991. E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru

Общественная солидарность – один из ключевых факторов стабильности социального порядка, политической легитимации правящего режима и условием эффективного управления развитием общества. В условиях неопределенности, экономического и социального кризисов и появления иных угроз общественному развитию – в частности, COVID-19, спрос на общественную солидарность растет. Его успеху препятствует расслоение общества по целому ряду признаков – экономических, конфессиональных, культурных, ценностных и др. Для преодоления групповых различий, дискриминации, общественной сегментации необходимо активное участие как государства, проводящего справедливую политику и поддерживающего функционирование эффективных институтов, так и общества, члены которого проявляют социальную инициативу, инвестируют ресурсы в решение важных проблем. Сравнительный анализ мировой и российской практики взаимодействия государства и общества демонстрирует готовность граждан и государств, в том числе России, – к солидарным действиям ради общего блага. Вместе с тем, как показывают результаты глубинного экспертного интервью (июль–сентябрь 2020 г.), взаимодействие государства и общества в России имеет свои особенности. Прежде всего, правящая элита не всегда достаточно активно участвует в выполнении исторически сложившейся роли государства как главного актора формирования солидарного общества. Кроме того, отмечена разнонаправленность мер и решений, принимаемых на государственном уровне (если одни объединяют граждан, другие, напротив, дестабилизируют общество. Наконец, мало положительных примеров формирования и укрепления солидарных связей по инициативе граждан.

Ключевые слова: солидарность, солидарные связи, государство, гражданское общество, государственная политика, коммуитаризм.

DOI: 10.31857/S086904990013642-8

Цитирование: Михайлова О.В., Коньков А.Е., Батоврина Е.В. (2021) Государство и общество в поисках солидарности: вместе или рядом? // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 26–28.

DOI: 10.31857/S086904990013642-8

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31040 «Государственная политика как фактор укрепления общественной солидарности».

State and Society in Search of Solidarity: Together or Side by Side?

*Olga V. MIKHAYLOVA**

*Alexander E. KONKOV***

*Ekaterina V. BATOVIRINA****

***Olga V. Mikhaylova** – Doctor of science (Political science), associate professor, professor of the Policy analysis department, School of public administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4, Lomonosovskiy prosp., Moscow, 119991. E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru

****Alexander E. Konkov** – Candidate of science (Political science), associate professor of the Policy analysis department, School of public administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4, Lomonosovskiy prosp., Moscow, 119991. E-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

*****Ekaterina V. Batovrina** – Candidate of science (Sociology), associate professor of the Human resource management department, School of public administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4, Lomonosovskiy prosp., Moscow, 119991. E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru

Abstract. Social solidarity is one of the key factors of social order stability and political legitimization of the ruling regime and is a prerequisite for effective governance of social development. At a time of uncertainty, economic and social crises, and emergence of other threats to social development – in particular, COVID-19, the demand for public solidarity predictably grows. However, the stratification of society by economic, confessional, cultural, value distinctions hinders its successful satisfaction. The possibility of overcoming group differences, discrimination, social segmentation is seen in the active participation of both the state, pursuing a fair policy and supporting the functioning of effective institutions, and the society, whose members show social initiative, invest resources in solving important problems. The comparative analysis of international and Russian practices of how state and society come together to form and realize a policy of solidarity confirms the willingness of citizens for solidarity actions aimed at common good, and the one of states, including Russia, for making efforts to strengthen solidarity. At the same time, according to the results of an in-depth expert interview (July – September 2020), the interaction of state and society in search of solidarity in Russia has its specific features. They are a lack of participation of the ruling elite in implementing the historically evolved role of the state as the main actor in forming a solidary society, multidirectional measures and decisions taken at the state level (if some of them really strengthen solidarity and unite citizens, the others, on contrary, destabilize society and destroy solidarity ties), a limited number of positive examples of forming and strengthening solidarity ties on the initiative and participation of citizens.

Keywords. Solidarity, solidarity ties, state, civil society, public policy, communitarianism.

DOI: 10.31857/S086904990013642-8

Citation: Mikhaylova O., Konkov A., Batovrina E. (2021) State and society in search of solidarity: together or side by side? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 16–28. DOI: 10.31857/S086904990013642-8 (In Russ.)

Формирование и укрепление солидарных связей в современном российском обществе – важнейшая задача действующих властей. Внутреннее единство государства и общества, стабильность социального порядка, легитимность принимаемых решений, эффективная система государственного управления способны своевременно и результативно отвечать на внешние и внутренние угрозы и вызовы. Политическое управление в условиях кризиса в решающей степени зависит от способности социума действовать солидарно, преодолевая возможные индивидуальные и групповые реакции, – проявления эгоизма, возрастание эмоциональных факторов в социальной коммуникации.

Государство как центральный актор формирования солидарных связей

Несмотря на высокую значимость солидарности для проведения государственной политики и общественного развития, внимание к ней со стороны научного сообщества длительное время было весьма незначительным. Глобализация и усиление тренда на индивидуализацию общества заставили задуматься о последствиях ослабления социальных связей, что способствовало развитию коммунитарной мысли [Etzioni 2004; Crow 2002; Putman 2001]. В европейском научном дискурсе остро встал вопрос – к чему приведет отказ от модели государства всеобщего благоденствия с высоким налогообложением в пользу минимального государства с низким налогообложением. Солидарность длительное время связывали с высоким уровнем социального обеспечения, а его снижение – в представлении ряда исследователей – угрожает ее ослабить.

Распространилось элитистское представление о солидарности как «готовности делиться ресурсами с другими посредством личного содействия нуждающимся через налогообложение и перераспределение, организованное государством» [Stjernø 2004, p. 2]. Вместе с тем акцент на перераспределительной политике государства в формировании солидарности не принимает во внимание отрицательный потенциал государственного обеспечения. Опора исключительно на бюрократические практики способствует в большей степени формированию патерналистской культуры, а не солидарности, поскольку игнорирует значительную роль общественных институтов в этом процессе. Следует учитывать также тот факт, что у людей отнюдь не всегда превалирует утилитарная мотивация. Солидарность – это и «чувство взаимной симпатии и ответственности среди членов группы, способствующие взаимной поддержке» [Wilde 2009, p. 171].

Консенсус политических элит относительно необходимости отойти от модели государства всеобщего благоденствия отнюдь не означал, что правительство отказывается от участия в укреплении солидарных связей. В новых условиях научное сообщество сосредоточилось на ключевых направлениях, требующих пристального внимания государства для укрепления солидарности, не допуская дискриминации меньшинств и развивая сети межличностного доверия в обществе. Среди них принципиальное значение имеют, как представляется, усилия государства в экономической, политической и институциональной сферах.

В экономической сфере для укрепления солидарных связей важно сотрудничество экономических агентов с государством в вопросах поддержания определенного уровня дохода граждан, обеспечения их занятости и эгалитарного распределения доходов. Таким образом, сегментации общества будут препятствовать: инклюзивное покрытие рисков утраты доходов (всеохватные программы социальной защиты, пенсионное обеспечение); гарантии гражданам доступности качественной занятости (создание постоянных высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих мест), справедливое распределение дохода.

Благосостояние – наиболее чувствительная область, в которой солидарность ощущается очень остро. Поэтому приоритетными остаются меры по усилению социаль-

ной защиты населения, приведению экономического положения более слабых групп в соответствие с имеющими сильные позиции на рынке. Отметим, что управленческое воздействие государства предполагает не уравнивание экономических ресурсов и социальных статусов, а обеспечение всем гражданам страны равенства в определенном наборе важных для них товаров и услуг, позволяющих реализовать свой потенциал [Rawls 1971]. Иными словами, речь идет о сохранении определенных стандартов жизни – высококачественной медицинской помощи, социальных услуг, системе социального страхования для поддержки граждан, не имеющих по разным причинам достаточного объема ресурсов. Подобные меры повысят для них вероятность самореализации, что благоприятно скажется на социальном и экономическом развитии страны.

В то же время в вопросах укрепления солидарности государство не должно воспринимать граждан исключительно как реципиентов экономической и социальной помощи. Задача и в формировании поведенческой модели, в которой доминирует взаимность, а не утилитаризм. Как демонстрируют результаты ряда эмпирических исследований, люди гораздо чаще, чем принято считать, готовы включаться в отношения взаимной помощи и поддержки [Strimling, Lindberg, Ehn, Eriksson, Rothstein 2013]. Однако главное условие взаимодействия – уверенность в том, что таким же образом будут себя вести и другие. Граждане готовы вовлекаться в кооперативные солидарные связи для достижения общественно значимых целей, даже ничего не получая в материальном плане, если они убеждены в том, что: (1) политика государства морально оправдана, (2) большинству других людей можно доверять, или не проявится «проблема безбилетника»; (3) политика может быть честной и беспристрастной.

Солидарность в обществе обусловлена не только экономической политикой государства, но и институциональным дизайном, способным укрепить равенство и справедливость. Например, Дж. Роулз писал, что справедливая система должна поддерживать сама себя, то есть вызывать у граждан чувство справедливости, желание действовать в соответствии с ее правилами [Rawls 1971]. Используя современную терминологию, следует говорить о качестве государственных институтов, их способности выполнять предписанные им функции в общественных интересах в соответствии с установленными нормами. Ключевая характеристика в данном случае – беспристрастность, то есть отсутствие или крайне низкий уровень в политической системе дискриминации, коррупции, политического фаворитизма и клиентелизма. Иными словами, общественная солидарность связана не только с межличностным, но и институциональным доверием, уверенностью граждан в том, что они имеют дело с компетентными и честными институтами [Rothenstein 2013].

Относительно недавнее сравнительное исследование в 29 европейских государствах продемонстрировало, что граждане, поддерживающие идею большего экономического равенства, но живущие, по их мнению, в странах с низким качеством государственных институтов, выступают за политику снижения налогов и сокращения объемов социальной поддержки. В противоположность им граждане, также согласные с идеей большего экономического равенства, но живущие в странах со справедливыми государственными институтами, готовы платить больше налогов для проведения более широкомасштабной социальной политики [Svallfors 2013]. Таким образом, чем выше качество государственных институтов и управления в стране, тем больше правительства готовы тратить на обеспечение социальной справедливости, пользуясь при этом поддержкой общества. В политических системах с коррумпированными и неэффективными государственными институтами граждане не доверяют политикам, не верят в солидарность, а следовательно, не готовы отдавать значительную часть своего дохода в виде налогов. Заколдованный круг: нет средств на меры по установлению социальной справедливости – не будет и гражданской солидарности.

В политическом плане усилия государства по ее укреплению связаны также с развитием инклюзивных институтов, например пропорциональной избирательной системы и многопартийности (они способствуют более справедливой адаптации общества к вызовам благодаря широкому спектру интересов при разработке национальной политики). Консенсус нескольких политических сил, представляющих значительную часть общества, повышает вероятность поддержки гражданами правительственных инициатив. В европейской политической практике укреплению солидарности способствовали социалистические и социал-демократические правительства, имевшие плотные сетевые связи с профсоюзами и рабочим движением. На современном этапе популярность и политическое влияние профсоюзов, заметно снизившись, не сошли на нет, позволяя успешно выстраивать трехсторонние отношения между государством, экономическими агентами и работниками в реализации государственной политики.

Безусловно, экономический рост обуславливает повышение уровня и качества жизни граждан страны, позитивно сказывается на укреплении солидарных связей. Однако еще в 1970-е гг. и научному сообществу, и действующим политикам стало очевидно, что даже в экономически благополучных обществах сохраняются расовые, этнические, гендерные предрассудки. Растущее разнообразие в целом негативно влияет на социальное доверие и тормозит развитие социального капитала, что не может оставаться вне внимания государства [Schaeffer 2014; Putnam 2007]. Борьба с дискриминацией и социальной изоляцией, продвижение идей толерантности и взаимопонимания – не менее важные направления деятельности государства по укреплению солидарности. Образование и просветительство дают результат только в отдаленной перспективе, но без них невозможно изменить ценностные ориентации граждан в сторону роста доверия и укрепления солидарности.

Опыт формирования солидарных связей в современной России: мнения экспертов

Западная коммунитарная мысль оказывает значительное влияние на осмысление проблемы солидарности в российской социологии и политологии. Вместе с тем страна имеет уникальный опыт формирования солидарности в советский период. Во-первых, доминировала безальтернативная идеология, призванная объединить плотными сетевыми связями всех граждан как внутри страны, так и граждан других коммунистических стран. Во-вторых, проведение экономической политики, уравнивающей всех граждан в доходах, лишало их мотивации больше работать, но внушало ощущение равенства. Отличаясь высоким уровнем солидарности, этот период в то же время сформировал традицию, связывающую солидарность исключительно с инициативами власти, стремящейся достичь согласия принудительными мерами [Пантин, Лапкин 2006].

Современная Россия многие годы испытывает серьезный дефицит солидарных связей, что связано как с отсутствием ценностных оснований единства, так и с остротой социально-экономических проблем. На протяжении десятилетий не преодолена социальная аномия, из года в год исследования фиксируют низкий уровень межличностного доверия. Они констатируют, например, что «последнее прибежище солидарности в России – это... семья, сузившаяся до размеров самых близких людей, социально-коммуникативный круг, в котором чувства ответственности и единства все еще имеют вес и значение» [Кармадонов, Зверев 2012, с. 200]. Граждане не склонны объединяться, координировать усилия по достижению общих целей, что объясняется в том числе и тем, что «...нынешний порядок, а вместе с ним и моральная система общества, не стали по-настоящему легитимными» [Реутов, Реутова, Шавырина 2016].

Некоторые авторы весьма пессимистично оценивают перспективы формирования солидарных связей, подчеркивая историческую несвойственность этого процесса русскому

народу, не сумевшему в должной степени развить «институты диалога» как предельной цели солидарности – гражданского общества [Ахмезер 2004].

В академической среде осознают неэффективность конструирования солидарных связей сверху-вниз – по инициативе государства, без поддержки общества [Барков 2012, с. 195]. Однако в последние годы государство сосредоточилось на поиске «национальной идеи», отбирая знаковые исторические события и усиливая патриотическое воспитание. Вместе с тем на первом плане при определении национальной идентичности оказался «образ врага», что не формирует позитивного потенциала для единства [Селезнева 2017].

Если усилия и ресурсы государства сосредоточены на развитии крупных общесоциальных проектов, призванных консолидировать общество, то граждане чаще организуются внутри первичных групп, используя «сетевые формы виртуального общения» [Лапкин, Семенов 2013]. Российские исследователи больше внимания уделяют изучению солидарности на уровне повседневных связей в интернет-сообществах, оперируя, например, такими понятиями, как «онлайн-солидарность» [Юдина, Алексеенко 2020], или «коммуникативная солидарность» [Юдина 2016]. В виртуальном пространстве граждане предпочитают не только общаться, но и создавать группы взаимопомощи, минуя контакты с государством и не полагаясь на его содействие. Это позволяет говорить, во-первых, о «сетевом фронтире» – новой подвижной границы контакта, взаимодействия и взаимопроникновения различных практик для совместного решения социально значимых проблем [Мирошниченко, Морозова 2017]. Во-вторых, речь идет о формировании приватного пространства, движущей силой которого становится субъективный фактор, доминирование индивидуальных интересов и опора на собственные силы при расширении сферы невмешательства государства в жизнь общества [Сауткина 2019].

Для российской коммунитарной мысли характерно повышенное внимание к изучению виртуальной реальности. Общество сосредоточивается на мобилизации ресурсов, отказываясь от традиционного патернализма, завышенных ожиданий в отношении государства. Для укрепления солидарных связей, гражданское общество все чаще мобилизует ресурсы, опираясь на сетевые контакты, компенсирует инертность российской власти. Поддержка людей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, демонстрирует готовность россиян к солидарным действиям ради общего блага, что, в свою очередь, благоприятствует восстановлению межличностного доверия.

Ведущие российские социологические центры, представители академического сообщества проводили целый ряд социологических исследований, посвященных проблеме общественной солидарности в России. Их предмет весьма многогранен: это представления о содержании понятия «общественная солидарность», сложившиеся у различных категорий населения [Реутов 2017; Сомхишвили 2019], формы и уровень ее проявления в отдельных сферах жизни общества [Сердюков 2018; Реутов, Реутова, Шавырина 2016], укрепление общественной солидарности различных социальных групп [Заливанский, Самохвалова 2017]. Многие исследования сфокусированы на оценке состояния общественной солидарности в России с помощью конкретных индикаторов – уровня доверия к органам власти, их общественного одобрения [Левашов, Афанасьев, Новоженина, Шустанова 2019], отношения населения к различным политическим инициативам и проектам, проявления протестных настроений¹ и др.

При всей разнонаправленности проводимых социологических исследований общественной солидарности большинство из них сосредоточено на изучении особенностей конструирования солидарных связей снизу-вверх. Изучение влияния государства на эти процессы в российском обществе на сегодняшний день явно недостаточно. Данный про-

¹ См. Аналитический отчет Левада-центра «Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.» (2012) (<https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>).

бел может быть восполнен путем качественных исследований – в частности, глубинных экспертных интервью. Мнения экспертов, хорошо осведомленных о тенденциях в этой сфере российского общества – в том числе при поддержке государства, могут существенно дополнить эмпирические данные о целостной картине формирования и укрепления общественной солидарности в России.

Определение характера и направлений влияния государства на общественную солидарность в России стало основной задачей глубинного экспертного интервью в июле – сентябре 2020 г. В целевую выборку вошли эксперты в области государственного управления и связей с общественностью, известные политологи, профессора ведущих вузов (в общей сложности – 20 экспертов). Экспертное интервью проводилось на основе разработанного опросника, включающего 14 вопросов (10 основных и 4 уточняющих). Интервью с каждым респондентом было транскрибировано. Обработка ответов на каждый вопрос осуществлялась с помощью SEO-анализа транскриптов. Определено семантическое ядро текста – перечень ключевых слов и словосочетаний, чаще других употребляемых респондентами и характеризующих направленность их ответов.

Результаты интервью указывают на необходимость более тщательного и разностороннего изучения роли государства как актора формирования солидарных связей в российском обществе. По мнению экспертов, она традиционно крайне высока: государство в России исторически «выступает и позиционируется как лидер общественного развития»; «специфика российской политической культуры предполагает, что изначально инициатива по оздоровлению социума должна проистекать от государства»; «государство выступает в роли “главного координатора”, предлагает общезначимые цели развития». Значимость влияния государства на солидарность российского общества объясняется не только историческими и политическими традициями, но и уникальным набором доступных ему ресурсов и средств воздействия на граждан: «государство обладает исключительными инструментами в решении задач консолидации общества».

Несмотря на формально высокую роль государства как актора формирования солидарных связей в России, с этой ролью оно справляется не всегда. С одной стороны, «у государства нет образа будущего», с другой – государство не заинтересовано в решении этой задачи, «препятствует проявлениям и развитию общественной солидарности»; «формирование благоприятных условий для подлинной, глубинной общественной солидарности несовместимо с сохранением позиций правящего класса»; «государство, скорее, обслуживает себя и свои интересы».

Негативное влияние на состояние общественной солидарности в России оказывают и другие факторы: «явные конфликты и несовпадения основополагающих идей, интересов и ценностей граждан»; «национальные интересы ряда народов, принимающие крайние формы выражения»; «межрегиональные и межэтнические противоречия»; «существенные различия в уровне доходов населения». Результат – относительно невысокий уровень общественной солидарности в России.

Рассматривая общественную солидарность на нескольких уровнях – групповом, региональном и государственном, эксперты оценивают ее состояние по-разному. На групповом, локальном уровне ситуация, по их мнению, не безнадежна и даже вызывает оптимизм. Как отмечает один из участников интервью, «в настоящее время можно говорить о различных проявлениях гражданской солидарности, когда граждане без участия государства решают проблемы, связанные с частными интересами определенных групп с опорой на собственные силы». О положительных тенденциях в укреплении общественной солидарности на низовых уровнях свидетельствует и упомянутый экспертами «увеличивающийся интерес граждан к неполитическим гражданским практикам, а также структурная дифференциация фактически складывающихся отношений, предполагающих повседневное гражданское участие».

Участники интервью допускают, что «уровень общественной солидарности в разных регионах и даже муниципальных образованиях может быть разным», не исключая, что в некоторых случаях он достаточно высок. На государственном уровне дела, с их точки зрения, обстоят иначе: «в масштабах всего общества солидарность не достижима». Причина, как отмечает один из участников интервью, кроется в том, что «правительство живет на другой планете».

Мнения экспертов вскрывают парадоксальную ситуацию: с одной стороны, государству в России исторически отводится главенствующая роль в формировании и укреплении общественной солидарности, традиционно рассматривая ее как идущую сверху. С другой стороны – интересы политических элит, а также иные факторы препятствуют реализации государством своего потенциала и ресурсов как актора формирования общественной солидарности. Большинство положительных сдвигов – результат процесса, идущего снизу, а именно, проявления активности граждан.

Независимо от направленности оценок роли государства в формировании солидарного общества в России (положительной или отрицательной), многие эксперты признают: решение этой задачи могло бы помочь государству справиться с целым рядом социальных и экономических проблем, «сократить неравенство», «гармонизировать отношения власти и общества», обеспечить устойчивость, стабильность («своего рода гарантия от народных волнений, всевозможных потрясений»). По мнению участников интервью, формирование солидарного общества в России приведет к «утверждению социальной справедливости», «ослаблению политической оппозиции», «государство сможет, наконец, выполнить важнейшие функции реальной интеграции общественных интересов, политического целеполагания, выработки и реализации политики развития». Кроме того, будут решены социокультурные задачи – произойдет «укрепление “русского мира”», «продвижение интересов» России, повысится уровень ее влияния в мире. Учитывая масштаб задач, очень важно выбрать правильные инструменты влияния государства на уровень общественной солидарности.

При всем разбросе мнений экспертов при оценке общественной солидарности и перспектив ее укрепления, к основным инструментам влияния государства на солидаризацию общества в России, по их мнению, относятся:

- правотворчество и правоприменение;
- социальная политика, направленная на «обеспечение определенного стандарта благосостояния для всех членов общества (социальная помощь) и обеспечение всем трудоспособным благоприятных возможностей для предпринимательства и труда»;
- поддержка гражданских инициатив;
- культурно-идеологическая работа, формирование общенациональных ценностей;
- разработка и реализация «политики идентичности», проведение политики «исторической памяти», «активизация работы среди молодежи по воспитанию гражданской позиции и патриотизма».

По мнению экспертов, практически все инструменты влияния государства на уровень общественной солидарности, так или иначе, используются в России, но успешность их применения относительно невысока. Многие инструменты используются ситуативно, носят «характер очередной / внеочередной кампании».

В числе государственных решений и мер, оказавших позитивное влияние на формирование солидарного общества в России, эксперты называют Стратегию формирования солидарного общества в ряде регионов России:

- поощрение прогосударственной деятельности (например, «через награды, обучение, неформальные льготы и допуск к нематериальным ресурсам, моральное одобрение»);
- борьбу с коррупцией («увольнение проворовавшихся губернаторов»);
- присоединение Крыма, спортивные и культурно-массовые мероприятия (чемпионат мира по футболу, Олимпиада в Сочи);

- политику памяти (проекты «Память народа», «Архивная революция», «Бессмертный полк»);
- инициативы по поддержке и воспитанию молодежи и поддержку волонтерского движения.

Эксперты не преминули перечислить и негативные примеры государственных решений и мер, приведших к снижению уровня общественной солидарности в России. Лидером антирейтинга стала пенсионная реформа – ее упомянули десять экспертов из двадцати. Были названы также конституционная реформа, реформа медицины, налоговая политика («рост налогов»), силовое подавление протестных выступлений, политика в отношении партий («зачистка поля»), «неоднозначные меры во время пандемии». Вместе с тем, по мнению экспертов, основная проблема кроется не в конкретных государственных решениях и мерах, а в «отсутствии внятных общегосударственных идей», «непоследовательности политики», фрагментарной, «грантовой, отрывочной, проектной работе». Подрывая доверие населения к власти, это снижает уровень солидарности.

Еще один вскрытый в интервью парадокс – двусмысленная роль государства в солидаризации общества в России. Проводя меры по укреплению солидарных связей, конструктивно влияя на солидаризацию российского общества, государство одновременно разрушает достигнутые результаты из-за непопулярных, неоднозначных решений, прямо или косвенно ухудшающих положение граждан. Если положительные меры – это прежде всего, символическая политика и политика памяти, то к деструктивным, негативным проявлениям относится социальная и экономическая политика.

Мнения экспертов разделились по поводу возможностей повысить уровень общественной солидарности в России с помощью государственной политики. Чуть больше половины экспертов полагают, что «возможности есть». Их прогнозы варьируют от достаточно скромных («В настоящий период наблюдаются некоторые осторожные позитивные изменения, говорящие об усилении темы солидарности в актуальной повестке дня государственной власти. В первую очередь это связано с подготовкой выборов в Государственную думу в 2021 г.») до явно оптимистичных («Возможности повышения уровня социальной солидарности в России через государственную политику практически безграничны. У государства есть абсолютно все рычаги и средства для реализации этой концепции»).

Осуществлению данных прогнозов, по мнению участников интервью, препятствует сопротивление элиты («Шанс есть. Но сопротивление элиты – серьезный фактор»). Ссылки на элиту присутствуют и в ответах экспертов, считающих, что повышение уровня общественной солидарности в России с помощью государственной политики «затруднительно». Как отмечают респонденты, «Возможности ограничены и определяются волей и интересами правящей элиты. Многие ее представители весьма специфично истолковывают и понимают национальные интересы страны, а свое будущее и будущее детей видят за ее пределами»; «Нужна другая государственная политика и другие люди, которые станут ее проводить. Без перемены команды и правящего класса в целом (да и политического режима тоже) проблема не имеет решения». Напрашивается вывод, что снижение сопротивления со стороны политической элиты – основное условие выполнения государством своей исторической роли актора формирования и укрепления солидарных связей в российском обществе.

Пути и препятствия укрепления общественной солидарности в современной России

Несмотря на множественную смысловую дисперсию экспертных оценок, можно уверенно постулировать востребованность идей солидарности, совместности, объединения усилий среди рефлексирующей части общества. Подобная востребованность, как правило,

сопряжена с ожиданиями относительно соответствующей коррекции государственной политики.

Солидарность в последние годы не относилась к используемым для воспроизводства и укрепления актуальных социальных нарративов российской действительности. Вместе с тем соответствующие государственные меры продолжали – пусть и в несколько «фоном» режиме – оставаться в арсенале политического класса. Проблема дефицита связующих нитей в современном российском социуме не нова. Однако основные усилия государства по ее преодолению носили характер во многом инерционный, ориентированный на объединяющие успехи прошлого.

Согласно данным «Левада-центра», для россиян основными связующими элементами остаются исторические символы, достижения или, наоборот, возможные упущения прежних поколений сограждан: «Представление жителей России о “нас” как об общности по-прежнему преимущественно обращено в прошлое, и Победа в Великой Отечественной войне остается главным событием, за которое россияне испытывают гордость»². Такого рода солидарность, сформированная прошлыми поколениями, – важная опора и для целеполагания действующей власти.

Современная Россия не выработала достаточных оснований для солидаризации своих граждан, представляющих различные социальные группы и слои, на длительную перспективу. За исключением, разве что, «крымского консенсуса», с одной стороны, сплотившего граждан вокруг возвращения Крыма и Севастополя в состав России. С другой – имевшего все же ограниченный временной эффект как в силу краткосрочности возникшей синергии, так и, возможно, несогласованных ожиданий у разных социальных групп.

COVID-19 и серьезные вызовы системе здравоохранения, экономике и социальной среде по-разному повлияли на состояние общественной солидарности как в России, так и во всем мире. На фоне активных гражданских инициатив по поддержке и людей в группе риска, и медицинских работников, разного рода благотворительных проектов государственные системы (и в большей степени их наднациональные институты) зачастую демонстрировали спонтанность и неочевидность принимаемых мер и решений. Невысокая эффективность государственных структур не могла не вызвать падения доверия к ним и роста протестных настроений по всему миру.

В России, с одной стороны, ощутимо возник запрос на взаимную поддержку и сопричастность к общей беде, востребованы столь активно развивавшиеся в последние годы волонтерство и социальное предпринимательство. С другой стороны, социальное дистанцирование, самоизоляция и возникающие экономические сложности стали формировать совершенно разные модели профессиональной деятельности, потребления и коммуникации в целом. Они вызвали к жизни, в частности, специфические федеративные практики на фоне децентрализации ответственности за введение и снятие ограничительных мер, а также региональные особенности в гармонизации общественных настроений.

Согласно результатам исследования Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, «За время эпидемии коронавируса россияне стали меньше доверять друг другу, но многие готовы помогать тем, кто в этом нуждается»³. Авторы отмечают пятипроцентное снижение доли людей, считающих, что большинству можно доверять. Однако 61% россиян были готовы помогать незнакомым, оказавшимся в самоизоляции, в решении их бытовых проблем.

Современная Россия по-прежнему весьма сложный по своей структуре и ценностным

² Опрос Левада-центра «Гордость и идентичность» (2020) (<https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-identichnost/>).

³ Опрос Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ «Россияне в условиях пандемии: от кризиса и тревоги к настроениям «мирного» времени» (2020) (<https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>).

воззрениям социальный организм. Пестрый этнонациональный, конфессиональный, идеологический, хозяйственно-стратификационный состав населения неравномерно распределен по разным географическим зонам и смешанным культурно-цивилизационным ареалам. Исторически сложилась ориентация на воспроизводство локальных моделей общественной самоорганизации при устойчивой политической лояльности иерархическим элементам государства. Государственная политика традиционно остается ведущим инструментом конструирования гражданской солидарности, хотя отнюдь не монопольным.

Вместе с тем государству исторически приписывают ключевую роль в формировании солидарного общества в России, однако ее затрудняют множество факторов. Один из них, как можно судить по результатам исследования, – недостаточно активная роль правящей элиты. В отличие от классической (и весьма рискованной, как известно) дилеммы «верхи не могут – низы не хотят», складывается парадоксальная ситуация: вроде бы все и могут, и хотят, но не могут быть решены в силу сложного баланса интересов в верхах и противоречивости завышенных ожиданий в низах.

Формально весь арсенал инструментов влияния государства на укрепление солидарных связей в обществе широко используется в России, но результат оставляет желать лучшего. Основная причина – разнонаправленность мер и решений, принимаемых на государственном уровне: одни (прежде всего, инструменты символической политики) действительно укрепляют солидарность и объединяют граждан. Другие (прежде всего, социальные и экономические меры), напротив, дестабилизируют общество. Споры вокруг воззрений относительно формы социального устройства не позволяют своевременно перейти к выработке солидарных решений по фундаментальным проблемам содержания общественных отношений в условиях вызовов, регулярно встающих перед Россией.

Есть надежда, что процессы, идущие снизу, прежде всего, социальная активность граждан, позволят решить задачу формирования солидарного общества в России без прямого вовлечения государства, чья многомерность – устойчивая константа. Однако такова долгосрочная перспектива. На данный момент количество положительных примеров формирования и укрепления солидарных связей по инициативе и благодаря участию граждан ограничено. Вместе с тем властные институты масштабируют свои компетенции обратной связи. Это общемировой тренд, а потому социальная самоорганизация, развитие саморегулируемых общностей и диалектика их сетевого капитала при агрегировании идей и механизмов их реализации служат важной предпосылкой для формирования подлинно солидарного общества. Государственная политика станет лишь инструментом легитимации и дальнейшего повышения эффективности реальной и продуктивной горизонтальной активности ответственных граждан своей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аналитический отчет Левада-центра «Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.» (2012) (<https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>).
- Ахизер А.С. (2004) Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 24–34.
- Барков Ф.А. (2012) Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте российской модели гражданского общества // *Гуманитарий Юга России*. № 2. С. 193–202.
- Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. (2017) Конструирование социальной уверенности у молодежи в процессе формирования ценностей солидарности // *Теория и практика общественного развития*. № 12. С. 13–17.
- Индикатор «Одобрение органов власти» Левада-центра (<https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>).
- Кармадонов О.А., Зверев М.К. (2012) Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ.

- Лапкин В.В., Семененко И.С. (2013) «Человек политический» перед вызовом «infomodernity» // ПОЛИС. № 6. С. 64–84.
- Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. (2019) Состояние гражданского общества в России. XLIX этап социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». М.: Перспектива.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. (2017) Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // ПОЛИС. № 2. С. 82–102.
- Опрос Левада-центра «Гордость и идентичность» (2020) (<https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>).
- Пантин В.И., Лапкин В.В. (2006) Политическое самоопределение российского общества // Общественные науки и современность. № 4. С. 74–87.
- Реутов Е.В. (2017) Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) // Социологическая наука и социальная практика. Т. 5. № 3. С. 111–125.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. (2016) Социальная солидарность в установках и практиках населения // Власть. Т. 24. № 4. С. 94–99.
- Опрос Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ «Россияне в условиях пандемии: от кризиса и тревоги к настроениям “мирного” времени» (2020) (<https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>).
- Сауткина В.А. (2019) Общественный запрос общества на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность // Южно-Российский журнал социальных наук. Т. 20. № 2. С. 70–85.
- Селезнева А.В. (2017) Ценностные основания национально-государственной идентичности // Вестник российской нации. № 4. С. 82–94.
- Сердюков Б.В. (2018) Гражданская солидарность в сфере общественной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 11. № 2. С. 172–189.
- Сомхишвили К.О. (2019) Социальная солидарность в обыденных представлениях мужчин // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. Т. 19. № 2. С. 172–178.
- Юдина Е.Н. (2016) Формирование солидарных групп в сети Интернет // Локус. № 2. С. 101–108.
- Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. (2020) Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. Т. 8. № 1. С. 114–127.

REFERENCES

- Akhiezer A.S. (2004) *Monologizatsiya i dialogizatsiya upravleniya (opyt rossiyskoy istorii)* [Monologization and dialogization of management (the experience of Russian history)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 24–34.
- Analiticheskiy otchet Levada-tsentra «Protestnoye dvizheniye v Rossii v kontse 2011–2012 gg.» [Analytical report of Levada centre ‘Protest movements in Russia at the end of 2011–2012’] (2012) (<https://www.levada.ru/2012/11/18/protestno.e-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>).
- Barkov F.A. (2012) *Grazhdanskaya aktivnost solidarnosti i samoorganizatsiya v kontekste rossiyskoy modeli grazhdanskogo obshchestva* [Civic engagement, solidarity and self-organization in the context of the Russian model of civil society]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, no. 2, pp. 193–202.
- Crow G. (2002) *Social Solidarity: Theories, Identities and Social Change*. Buckingham: Open Univ. Press.
- Etzioni A. (2004) *The Common Good*. Cambridge: Polity.
- Indikator «Odobreniye organov vlasti» Levada-tsentra [Indicator ‘Approval of the authorities’ of Levada Center] (<https://www.levada.ru/indikator/odobrenie-organo.v-vlasti/>).
- Karmadonov O.A., Zverev M.K. (2012) *Konsolidatsiya rossiyskogo obshchestva: potoki i pregrady* [Consolidation of Russian society: flows and barriers]. Irkutsk: Izd-vo IGU.
- Lapkin V.V., Semenenko I.S. (2013) «Chelovek politicheskiy» pered vyzovom «infomodernity» [‘Political man’ before the challenge of ‘info-modernity’]. *POLIS*, no. 6, pp. 64–84.
- Levashov V.K., Afanasyev V.A., Novozhenina O.P., Shushpanova I.S. (2019) *Sostoyaniye grazhdanskogo obshchestva v Rossii. XLIX etap sotsiologicheskogo monitoringa «Kak zhivesh, Rossiya?»* [The state of civil society in Russia. XLIX stage of sociological monitoring ‘How do you live, Russia?’]. Moscow: Perspektiva.
- Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. (2017) *Setevaya publichnaya politika: kontury predmetnogo polya* [Network public policy: outlines of the subject field]. *POLIS*, no. 2, pp. 82–102.

Opros Levada-tsentra «Gordost i identichnost» [Survey 'Pride and Identity' of Levada Center] (2020) (<https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichno.st/>).

Opros Tsentra issledovaniya grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora NIU VShE «Rossiyane v usloviyakh pandemii: ot krizisa i trevogi k nastroyeniyam "mirnogo" vremeni" (2020) [Survey of the Center of the Study of the Civil Society and the Non-Profit Sector of the National Research University Higher School of Economics 'Russians in a pandemic: from crisis and anxiety to the moods of peacetime'] (<https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>).

Pantin V.I., Lapkin V.V. (2006) Politicheskoye samoopredeleniye rossiyskogo obshchestva [Political self-identity of Russian society]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 74–87.

Putman R. (2001) *Bowling Alone: The Collapse and revival of American Community*. New York: Simon&Schuster.

Putnam R. (2007) E Pluribus Unum: Diversity and community in the twenty-first century. *Scandinavian Political Studies*, no. 30 (2), pp. 137–174.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Reutov E.V. (2017) Sotsialnaya solidarnost v obshchestvennom diskurse (opyt regionalnogo issledovaniya) [Social solidarity in public discourse (experience of regional research)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, vol. 5, no. 3, pp. 111–125.

Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. (2016) Sotsialnaya solidarnost v ustanovkakh i praktikakh naseleniya [Social solidarity in attitudes and practices of the population]. *Vlast'*, vol. 24, no. 4, pp. 94–99.

Rothenstein Bo. (2013) Corruption and Social Trust: Why the Fish Roots from the Head Down. *Social Research*, no. 80 (4), pp. 1009–1023.

Sautkina V.A. (2019) Obshchestvennyy zapros obshchestva na solidarnost: istoricheskaya retrospektiva i sovremennaya realnost [Social demand for solidarity: historical retrospective and modern reality]. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, vol. 20, no. 2, pp. 70–85.

Schaeffer M. (2014) *Ethnic Diversity and Social Cohesion. Immigration, Ethnic Fractionalisation and Potentials for Civic Action*. Farnham: Ashgate.

Selezneva A.V. (2017) Tsennostnyye osnovaniya natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti [Value foundations of national-state identity]. *Vestnik rossiyskoy natsii*, no. 4, pp. 82–94.

Serdyukov B.V. (2018) Grazhdanskaya solidarnost v sfere obshchestvennoy bezopasnosti [Civil solidarity in public safety]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, vol. 11, no. 2, pp. 172–189.

Somkhishvili K.O. (2019) Sotsialnaya solidarnost v obydennykh predstavleniyakh muzhchin [Social solidarity in the everyday ideas of men]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, vol. 19, no. 2, pp. 172–178.

Stjernø S. (2004) *Solidarity in Europe: The History and Idea*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Strimling P., Lindberg S., Ehn M., Eriksson K., Rothstein Bo. (2013) Can Efficient Institutions Induce Cooperation Among Low Trust Agents? An Experimental Approach? *Working Paper*, no. 2013:7. The Quality of Government institute. Gothenburg.

Svallfors S. (2013) Government Quality, Egalitarianism, and Attitudes to Taxes and Social Spending: A European Comparison. *European Political Science Review*, no. 5 (3), pp. 363–380.

Wilde R. (2009) The Concept of Solidarity: Emerging from the Theoretical Shadows? *The British Journal of Politics and International Relations*, no. 9 (1), pp. 171–181.

Yudina E.N. (2016) Formirovaniye solidarnykh grupp v seti Internet [Formation of solidarity groups in Internet]. *Lokus*, no. 2, pp. 101–108.

Yudina E.N., Alekseyenko I.V. (2020) Solidarno.st v sotsialnykh setyakh [Solidarity in the social networks]. *Kommunikologiya*, vol. 8, no. 1, pp. 114–127.

Zalivanskiy B.V., Samokhvalova E.V. (2017) Konstruirovaniye sotsialnoy uverenosti u molodezhi v protsesse formirovaniya tsennostey solidarnosti [Construction of social confidence among young people in the process of forming values of solidarity]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 12, pp. 13–17.

Государство в системе социального партнерства Российской Федерации

*М.А. МАЛЫШЕВ**

***МАЛЫШЕВ Максим Алексеевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: Ленинские горы, д. 1, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 119991. E-mail: Malishev@spa.msu.ru

В статье впервые обобщен опыт государства, которое может выступать в роли посредника, регулируя конфликты между работниками и работодателями; партнера в их взаимоотношениях не только с целью собственного влияния на эти процессы, но и, что особенно важно, вовлекая эти мощные социальные группы в активную выработку социальной, экономической политики государства. Главный посыл статьи – обоснование того факта, что позиция государства в значительной мере определяет и модель социального партнерства, и его эффективность. Несмотря на декларации о ведущей роли государства в социальном партнерстве, наблюдаются тенденции его постепенного «ухода» из трудовых отношений. Необходимость взаимодействия с гражданским обществом находится в противоречии с осознанием представителями государства потребности в социальном диалоге, отсутствуют навыки его ведения. Представители власти в большей степени тяготеют к контактам с объединениями работодателей, несмотря на то, что они еще не стали подлинно массовыми. Незаинтересованность государства рассматривается профсоюзными лидерами как одна из важных причин малой эффективности социального партнерства.

Ключевые слова: государство, работники, работодатели, стабильность, социальное партнерство, равноправие, эффективность, интересы.

DOI: 10.31857/S086904990013160-8

Цитирование: Малышев М.А. (2021) Государство в системе социального партнерства Российской Федерации // Общественные науки и современность. № 1. С. 29–47. DOI: 10.31857/S086904990013160-8

State in the System of Social Partnership of the Russian Federation

*Maksim A. MALYSHEV**

***Maksim A. Malyshev** – Candidate of science (Sociology), associate professor, Faculty of Public Administration Lomonosov Moscow State University. Address: Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991. E-mail: Malishev@spa.msu.ru

Abstract. For the first time, the article summarizes the experience of the state, which can act as a mediator, regulating conflicts that arise between employees and employers; a partner participating in the relationship between workers and employers not only with the aim of influencing the relationship between them, but also, most importantly, with the aim of involving these powerful social groups in the active development of social and economic policy of the state. The main message of the article is that it shows that the position of the state largely determines both the model of social partnership and its effectiveness. Despite the declarations about the leading role of state in social partnership, there are tendencies of gradual «withdrawal» of the state from labor relations. The declared understanding of the need to interact with civil society is at odds with the personal awareness of the state representatives of the need for social dialogue, there are no skills for conducting it. Representatives of the authorities are more inclined towards contacts with employers' associations, despite the fact that these associations have not yet become truly massive. The lack of interest of the state is viewed by trade union leaders as one of the important reasons for the low efficiency of social partnership.

Keywords: government, workers, employers, stability, social partnership, equality, efficiency, interests.

DOI: 10.31857/S086904990013160-8

Citation: Malyshev M. (2021) State in the system of social partnership of the Russian Federation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 29–47. DOI: 10.31857/S086904990013160-8 (In Russ.)

Законодательная база социального партнерства в Российской Федерации в период рыночных реформ сформировалась до того, как каждый из субъектов социального партнерства, в том числе и государство, реально осознали свои интересы, роль и место в рыночных условиях. Социальное партнерство как особая разновидность таких отношений призвана снимать напряжение в обществе и гасить трудовые конфликты, включая органы власти в диалог между работниками и работодателями. Налаживая рыночный механизм регулирования сферы труда, российское государство на первоначальном этапе реформ имело дело далеко не с рыночными, по сути, партнерами, да и ему самому далеко было до реальной демократичности. Заложенное в начале пути противоречие неизбежно сказывается как на развитии социального партнерства в целом, так и на месте в нем органов государственной власти. Более того, до настоящего времени не идентичны законодательство и практика развития социального партнерства, законодательное определение роли и реальная роль органов власти во взаимодействии.

По мере развития рыночных отношений роль государства в регулировании экономики, рынка труда постепенно снижалась [Малышев, Малышева 2017]. Государство уходило от централизованного установления норм в сфере труда, передавая их регулирование, преимущественно, на уровень организации [Татарникова, Малышев, Малышева 2014; Малышев 2019]. Взаимодействие между работниками и работодателями усложняется, что приводит к нежелательным социальным последствиям на рынке труда [Duval, Furceri 2018; Калашиников, Шаров 2017; Mühlberger 2009; Володин, Малышев, Татарникова 2015]. Возникает острая потребность в совершенствовании форм взаимодействия в системе социально-трудовых отношений [Малышев 2020; Daneshjo et al. 2019; Ibrahim et al. 2019; Деханова 2018; Клементьев, Корнилович, Малышев 2016], развитию социального партнерства [Frolova et al. 2016; Малышев 2020], улучшается единая переговорная кампания [Vinichenko et al. 2019; Малышев 2019]. Однако уход государства от диалога с работниками и работодателями в процессе установления этих норм ничем не был оправдан [Малышев 2020].

Проблема в механизме влияния на эти отношения. Прежде всего неприемлемы диктат и прямое управление. Участие в диалоге на равных правах, необходимость корректировать собственную политику исходя из его результатов – целесообразный и закономерный процесс. Значительное число исследований по вопросу развития социально-трудовых

отношений, проблемам защищенности работников свидетельствует о важности данной проблематики и многообразию подходов к достижению цели.

В реализации описанного механизма защиты прав трудящихся в системе социального партнерства важно подчеркнуть роль в этом процессе государства, распространении действия соглашения на более широкий круг работников и работодателей. Федеральный орган по труду обладает правом вносить соответствующее предложение работодателям. Однако механизм расширения с участием органов власти предусмотрен в законодательстве только для отраслевых соглашений на федеральном уровне. Развитие договорного регулирования социально-трудовых отношений представляет определенную проблему. Функция государства по расширению действия соглашений при условии равноправного участия во взаимодействии с работниками и работодателями может быть одним из инструментов формирования социального государства и требует своего развития.

Методология исследования

Цель настоящего исследования – анализ условий, определяющих это позиционирование для современной России, а также оценка представителями государственной власти своего места в социальном партнерстве.

Российская, да и мировая практика, знает немало примеров несоответствия провозглашаемых целей и результатов социально-экономической, политической деятельности. Объяснить это можно ненадлежащими способами достижения цели или негативным влиянием так называемого «человеческого фактора» – степени осознания участниками процесса его целей и сути. Необходима, кроме того, и профессиональная готовность к выполнению стоящих задач. Анализ оценки представителями власти социального партнерства в целом, роли власти вообще и своей личной роли в этих процессах позволит осознать значимость взаимодействия с профсоюзами и объединениями работодателей на принципах равноправия, взаимного уважения интересов.

Исследование проводили в октябре 2018 г. – апреле 2019 г. сотрудники кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова. В его ходе опрашивали экспертов по малой выборке с использованием комплексного метода отбора респондентов (приняли участие 417 человек). Квоты задавались по полу, возрасту, статусу респондентов. Среди экспертов (см. табл. 1) – слушатели факультета госуправления МГУ, госслужащие Министерства труда и социальной защиты РФ (Минтруд России) (27%), сотрудники аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЦФО (8%), члены рабочей группы Московской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (3%), сотрудники профильных исполнительных органов государственной власти различных субъектов РФ и другие категории государственных служащих и работников органов муниципального управления в сфере социальной защиты, к компетенции которых относятся социально-трудовые отношения (56%). Около 6% опрошенных составляют представители профсоюзных органов, работодатели, работники СМИ.

Выбор данных целевых групп был продиктован необходимостью полнее проанализировать роль государственной власти в социальном партнерстве РФ. Критерием отбора респондентов как представителей органов государственной власти, так и органов местного самоуправления выступало знание объекта исследования, опыт участия в регулировании социально-трудовых отношений.

Основными методами исследования стали анкетный опрос, анализ документов. При определении объема выборочной совокупности использовались принципы конструирования средней выборки, а также экспертный анализ. Для сбора и обработки информации применялась методика активного непрерывного мониторинга на базе кафедры социологии

управления факультета государственного управления МГУ. Сбор первичной информации осуществлялся методом стандартизированного анкетирования по месту работы и учебы респондентов. Анкетирование респондентов проводилось анонимно методом самостоятельного заполнения анкеты. Выбор данного метода был продиктован минимальным влиянием интервьюера на опрашиваемых и необходимым контролем над формированием группы респондентов.

Эмпирические данные обрабатывались с помощью программ Excel и IBM SPSS Statistics 22, затем осуществлялся их содержательный анализ. Итоги исследования представлены в виде таблиц, которые содержат результаты анализа и статистической обработки полученных данных.

Таблица 1

Характеристика опрошенных экспертов

Пол	%	Возраст	%
Женщины	53,5	до 20 лет	0
Мужчины	46,5	20-30 лет	9,2
		31-40 лет	23,0
		41-50 лет	33,3
		50-60 лет	31,0
		св. 60 лет	3,4

Образование (% от численности опрошенных)

юридическое	7,0	инженерно-техническое	38,4
экономическое	29,1	сельскохозяйственное	0
гуманитарное (педагогическое, журналистское и т.п.)	23,3	политическое	3,5
военное	3,5	медицинское	2,3
естественное	1,2	другое	1,2

Место работы (% от численности опрошенных) Place of work (% of the number of respondents)

в президентских структурах	20,5
в правительственных структурах федерального уровня	8,0
в государственных структурах на уровне субъекта РФ	59,1
в органах местного самоуправления	6,8
другое	5,7

Несмотря на некоторые погрешности, полученные экспертные оценки определяют общие закономерности и тенденции, могут послужить основой для продолжения полномасштабных социологических исследований в этом направлении.

Результаты исследования

Государство прежде всего дает важнейшую базу социального диалога – законодательное закрепление обязанности исполнять достигнутые договоренности (что наблюдается и в России). Кроме того, «расширение» – распространение действия коллективных договоров и соглашений на всех или большинство работников и работодателей, что в России наблюдается лишь частично. Как работодателю бюджетной сферы органы государства берут на себя обязательства по инициированию увеличения бюджетных ассигнований на оплату труда. В некоторых соглашениях содержатся конкретные размеры заработной платы работников бюджетной сферы. К сожалению, значительное большинство принимаемых органами государства обязательств носят общий характер, что, однако, характерно и для обязательств других сторон.

Какова степень реального влияния социального партнерства, трехсторонних соглашений и трехсторонних комиссий среди представителей органов власти? Факты свидетельствуют, что большинство опрошенных не знают о существовании каких-либо соглашений с профсоюзами и работодателями и трехсторонних комиссий (см. табл. 2, 3).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос анкеты: «В какой степени вы знакомы с содержанием Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2018–2020 гг., действующими региональными соглашениями, отраслевыми соглашениями, связанными с вашей работой?» (в %)

	Наименование соглашения:	Генеральное соглашение	Региональное соглашение	Отраслевое соглашение
	Степень информированности:			
1.	Не знаю о существовании	20,4	12,3	16,1
2.	Знаю о существовании, но документа не видел (а)	42,0	29,5	33,0
3.	В общих чертах знаком (а) с содержанием	14,8	18,2	29,5
4.	Знаю содержание хорошо	10,2	20,5	4,5
5.	Постоянно использую в работе	3,4	12,5	6,8
6.	Затрудняюсь ответить	9,1	8,0	21,6

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос анкеты: «В какой степени вы знакомы с деятельностью Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, региональных трехсторонних комиссий, отраслевых трехсторонних (двусторонних) комиссий, связанных с вашей работой?» (в %)

Наименование комиссии:		Российская трехсторонняя комиссия	Региональная трехсторонняя комиссия	Отраслевая трехсторонняя комиссия
Степень информированности:				
1.	Не знаю о существовании	16,8	12,3	15,7
2.	Знаю о существовании, но не знаком (а) с работой	52,9	39,1	42,5
3.	Знаком (а) с принимаемыми комиссией документами	14,9	21,8	17,2
4.	Использую в работе принимаемые комиссией документы	6,9	12,6	8,0
5.	Участвую в работе комиссии	0,0	11,5	3,4
6.	Затруднились ответить	8,0	4,6	12,6

Вероятная причина поверхностного отношения представителей государства к взаимодействию с профсоюзами в рамках системы социального партнерства – недоверие, порожденное, прежде всего, отсутствием информации. 42,5% экспертов низко оценили степень информированности госслужащих о профсоюзах. Высокую оценку дают лишь 2,4%, которые, что вполне закономерно, постоянно контактируют с профсоюзами. Однако все они, кроме того, работают на уровне субъектов РФ. Наиболее критично информированность о профсоюзах оценивают представители федеральных правительственных структур (57,1%).

Результаты ответа опрошенных экспертов на вопрос о сформировавшемся у них понимании социального партнерства как общественного явления представлены в таблице 4.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Какая из приведенных формулировок наиболее соответствует вашему взгляду на социальное партнерство?» (в %)

1.	Разработка и реализация социальной политики государства с участием профсоюзов и объединений работодателей	37,5
2.	Регулирование взаимоотношений в сфере труда на основе норм, вырабатываемых совместно органами власти, профсоюзами и объединениями работодателей	25,0
3.	Реализация государственных социальных обязательств перед населением с участием общественных организаций	15,9
4.	Диалог государства и гражданского общества	12,5
5.	Договорное регулирование взаимоотношений работников и работодателей в сфере труда	4,5
6.	Метод регулирования конфликтов между работниками и работодателями путем переговоров	2,3
7.	Затруднились ответить	2,3
8.	Другое	0,0
	Всего	100

Большинство опрошенных рассматривают социальное партнерство как разработку и реализацию социальной политики государства с участием профсоюзов и объединений работодателей или регулирование взаимоотношений в сфере труда на основе норм, вырабатываемых совместно органами власти, профсоюзами и объединениями работодателей.

Бросается в глаза отличие в понимании социального партнерства разными группами опрошенных респондентов (см. табл. 4а).

Таблица 4а

Сравнительный анализ представления о социальном партнерстве разными группами респондентов (доля ответов в %) (по частоте контактов с общероссийскими объединениями профсоюзов)

		Контакт постоянный	Нет контакта	Среднее значение
1.	Диалог государства и гражданского общества	8,6	35,7	13,3
2.	Реализация государственных социальных обязательств перед населением с участием общественных организаций	8,6	21,4	16,9
3.	Разработка и реализация социальной политики государства с участием профсоюзов и объединений работодателей	45,7	7,1	34,9
4.	Регулирование взаимоотношений в сфере труда на основе норм, вырабатываемых совместно органами власти, профсоюзами и объединениями работодателей	31,4	0,0	25,3
5.	Договорное регулирование взаимоотношений работников и работодателей в сфере труда	2,9	7,1	4,8
6.	Метод регулирования конфликтов между работниками и работодателями путем переговоров	2,9	14,3	2,4

(по месту работы)					
	Президентские структуры	Федеральные органы	Субъекты Федерации	Муниципальные образования	Среднее значение
Диалог государства и гражданского общества	5,6	28,6	13,5	33,3	13,3
Реализация государственных социальных обязательств перед населением с участием общественных организаций	11,1	0,0	15,4	50,0	16,9
Разработка и реализация социальной политики государства с участием профсоюзов и объединений работодателей	33,3	14,3	40,4	0,0	34,9
Регулирование взаимоотношений в сфере труда на основе норм, вырабатываемых совместно органами власти, профсоюзами и объединениями работодателей	38,9	42,9	21,2	0,0	25,3
Договорное регулирование взаимоотношений работников и работодателей в сфере труда	5,6	0,0	3,8	16,7	4,8
Метод регулирования конфликтов между работниками и работодателями путем переговоров	5,6	14,3	0,0	0,0	2,4

Социально-политическую составляющую социального партнерства осознают категории респондентов, чаще всего контактирующие с общероссийскими объединениями профсоюзов. Такое понимание присуще, прежде всего, представителям субъектов РФ, где, по-видимому, реально влияние партнеров органов государственной власти на вырабатываемую и реализуемую ими социальную политику.

Половина опрошенных представителей органов муниципального управления рассматривают социальное партнерство как «реализацию государственных социальных обязательств перед населением с участием общественных организаций». Эта категория более всего нуждается в поддержке общественными организациями своей деятельности, рассчитывает на их помощь в выполнении собственных задач. Кроме того, среди этой категории наибольшая доля приверженцев взаимодействия при выработке и реализации государственной социальной политики с крупными фирмами и корпорациями (33,2% против 7,2% в среднем).

Представители президентских структур почти вдвое чаще, чем в среднем, рассматривают социальное партнерство лишь как метод регулирования конфликтов между работниками и работодателями путем переговоров.

Эксперты в возрасте до 30 лет гораздо чаще (42,9% против 34,9% в среднем) рассматривают социальное партнерство как разработку и реализацию социальной политики государства с участием общероссийских объединений профсоюзов и объединений работодателей. Еще чаще (42,0% против 25,3% в среднем) – как регулирование взаимоотношений в сфере труда на основе норм, вырабатываемых совместно органами власти, объединениями профсоюзов и объединениями работодателей. Респонденты в возрасте от 31 до 40 лет, напротив, рассматривают социальное партнерство прежде всего как диалог государства и гражданского общества. Людей такого возраста больше среди представителей президентских структур и федеральных правительственных органов.

На вопрос о том, с кем в первую очередь необходимо взаимодействовать органам власти при выработке государственной социальной политики, 74% опрошенных представителей органов власти назвали общероссийские объединения профсоюзов, а объединения работодателей отметили только 41% (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос анкеты: «При выработке и реализации государственной социальной политики представителям органов власти необходимо, прежде всего, взаимодействовать с:...» (в%)

1.	Профсоюзами	20,6
2.	Политическими партиями, движениями	7,5
3.	Молодежными, женскими, другими общественными самодетельными организациями	18,6
4.	Общественными объединениями предпринимателей	31,2
5.	Оппозиционными партиями, движениями	17,1
6.	Крупными фирмами и корпорациями	3,0
7.	Затруднились с ответом	0,5
8.	Предпочтительно действовать самостоятельно	0,5
9.	Другие ответы	1,0

Однако, когда речь заходит о собственной оценке важности взаимодействия и анализе конкретных направлений такого взаимодействия, картина совершенно иная. По-видимому, здесь отражается разрыв между общим представлением о закономерностях общественного развития и их осознанием, реализацией на практике.

Вызывает беспокойство, что в целом данная респондентами совокупная (по всем предложенным для оценки направлениям) оценка важности взаимодействия с общероссийскими объединениями профсоюзов ниже, чем с работодателями (см. табл. 6а).

Таблица 6а

Средняя оценка респондентами важности взаимодействия с общероссийскими объединениями профсоюзов и объединениями работодателей по отдельным направлениям

		Профсоюзы	Работодатели
1.	Контроль исполнения законодательства	1,72	1,72
2.	Разработка законопроектов	2,01	1,71
3.	Посредничество в регулировании трудовых конфликтов	1,46	1,59
4.	Выработка и реализация эффективной социальной политики	1,66	1,62
5.	Выработка и реализация эффективной экономической политики	1,96	1,57
	Общая оценка	1,76	1,64

Исключение составляет лишь посредничество в регулировании трудовых споров, где взаимодействие с профсоюзами на 8,3% выше, чем с работодателями. Наиболее существенно различие в оценке важности участия партнеров в выработке эффективной экономической политики. Здесь профсоюзы как партнеры оцениваются на 19,9% ниже, чем работодатели. Чтобы соотношение, при котором «богатые платят за бедных, а здоровые за больных», не выходило за рамки справедливости, необходимо вырабатывать и проводить социальную политику при активном участии общества. Однако представители государства, как видно из проведенного опроса, сегодня ближе к объединениям работодателей, чем к профсоюзам, притом что общественные объединения работодателей пока не объединяют большинство представителей бизнеса.

Представляет интерес выявленное исследованием различие в оценке важности взаимодействия с профсоюзами и работодателями у респондентов различных категорий государственных и муниципальных служащих. Сравнение проведено по двум самым много-

численным категориям: президентские структуры (20,5% от общего числа опрошенных) и представителям органов исполнительной власти субъектов РФ (59,1% от общего числа опрошенных). Представители президентских структур существенно выше, чем в среднем, оценивают важность взаимодействия с работодателями, чем с профсоюзами, а представители исполнительной власти на уровне субъектов РФ, напротив, несколько ниже (см. табл. 6б)

Таблица 6б

Совокупная оценка респондентами важности взаимодействия с общероссийскими объединениями профсоюзов и объединениями работодателей по отдельным направлениям в зависимости от места работы опрошенных (в % к средней оценке)

		Президентские структуры		Органы власти субъектов РФ	
		Проф.	Раб.	Проф.	Раб.
1.	Контроль исполнения законодательства	109,3	82,0	98,3	107,6
2.	разработка законопроектов	79,1	82,5	109,0	105,8
3.	Посредничество в регулировании трудовых конфликтов	88,4	78,0	106,8	107,5
4.	Выработка и реализация эффективной социальной политики	95,8	83,3	98,2	104,3
5.	Выработка и реализация эффективной экономической политики	114,3	75,2	98,0	106,4
	Общая оценка	97,7	80,5	102,3	106,7

Следует, однако, подчеркнуть, что респонденты из президентских структур, по-видимому, достаточно поверхностно представляют общероссийские объединения профсоюзов. Эта категория опрошенных на 24,7% чаще, чем в среднем по всем категориям, отмечает эпизодические контакты с профсоюзами и на 13,7% реже – контакты постоянные. В то же время отсутствие контактов с общероссийскими объединениями профсоюзов представители президентских структур признают на 17,3% реже, чем все респонденты в среднем. Отсутствие системного взаимодействия приводит к недооценке возможностей профсоюзов. Это тенденция достаточно тревожная.

Общая средняя оценка важности взаимодействия с общероссийскими объединениями профсоюзов у представителей органов власти субъектов РФ ниже средней. Однако анализ оценки данной экспертами в зависимости от частоты контактов с общероссийскими объединениями профсоюзов подтверждает общую закономерность: чем больше общения, тем больше доверия (см. табл. 6в).

Таблица 6в

Средняя совокупная оценка важности взаимодействия с профсоюзами и работодателями по всем направления (в зависимости от частоты контактов с профсоюзами)

	Профсоюзы	Работодатели
Все эксперты	1,76	1,64
Постоянно контактирующие с профсоюзами	1,71	1,53
Контакты эпизодические	1,82	1,70
Контактов практически нет	1,60	1,63

Критичнее к оценке важности взаимодействия с общероссийскими объединениями профсоюзов относятся эксперты возрасте до 40 лет (см. табл. 6г).

Таблица 6г

Отношение оценки респондентами важности взаимодействия с общероссийскими объединениями профсоюзов и объединениями работодателей по отдельным направлениям (в зависимости к средней оценке от возраста опрошенных)

		До 40 лет % от средней		Свыше 40 лет % от средней	
		Проф.	Раб.	Проф.	Раб.
1.	Контроль исполнения законодательства	102,9	96,2	99,0	102,0
2.	Разработка законопроектов	82,2	99,1	108,1	100,7
3.	Посредничество в регулировании трудовых конфликтов	89,4	89,8	104,3	105,1
4.	Выработка и реализация эффективной социальной политики	106,7	97,2	97,3	101,7
5.	Выработка и реализация эффективной экономической политики	97,9	92,9	101,0	103,7
	Общая оценка	102,9	96,2	99,0	102,0

Существенно выше, чем в среднем, они оценивают взаимодействие в регулировании трудовых конфликтов, разработке законопроектов. Молодое поколение, в отличие от старших, признает взаимодействие с общероссийскими объединениями профсоюзов в выработке экономической политики более важным, чем в выработке политики социальной. Молодежь демократичнее. Она сходится во мнении, что действия органов власти должны фактически соответствовать предложениям профсоюзов. В то же время все ответы, свидетельствующие о предпочтении фактического подчинения профсоюзов государству, принадлежат старшему поколению.

Люди в возрасте до 40 лет в 1,6 раза чаще, чем в среднем, рассматривают социальное партнерство как метод регулирования конфликтов между работниками и работодателями путем переговоров. На этом фоне яснее ожидания молодого поколения государственных служащих в отношении профсоюзов о необходимости реального влияния в сфере труда, в экономике, защиты трудовых прав работников.

Не секрет, что личностное восприятие партнера довольно часто играет определяющую роль во взаимодействии. В этой связи экспертам было предложено дать характеристику профсоюзным лидерам, с которыми им приходится сталкиваться (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Профсоюзные лидеры (активисты или функционеры) с которыми вы сталкивались в работе в большинстве своем были...» (в % от числа ответивших на вопрос)

компетентны	46,5
общительны	45,3
ответственны	36,0
настойчивы	32,6
профессиональны	29,1

Окончание табл. 7

интеллигентны	14,0
верны данным обязательствам	9,3
необъективны	8,1
заносчивы	7,0
сговорчивы	4,7
некомпетентны	3,5
безответственны	3,5
малообразованны	2,3
замкнуты	0

В этой оценке позитивные качества лидируют. Вместе с тем о наличии определенной предубежденности свидетельствует распределение ответов на данный вопрос в зависимости от частоты контактов с профсоюзами (см. табл. 8).

Таблица 8

Сравнительный анализ характеристики, данной экспертами профсоюзным лидерам и активистам в зависимости от частоты контактов
(в % от среднего показателя)

	Пост. контакты	Эпизод. контакты	Нет контактов
компетентны	116,2	95,4	64,0
профессиональны	165,8	76,1	0
интеллигентны	23,6	175,6	62,6
настойчивы	132,4	89,2	46,2
ответственны	82,1	128,2	43,0
общительны	77,2	112,5	117,7
верны данным обязательствам	159,5	109,5	104,1
некомпетентны	0	0	624,3
необъективны	137,2	94,2	0
малообразованны	0,0	0,0	616,0
заносчивы	118,9	36,5	208,1
сговорчивы	78,4	145,9	0
замкнуты	0	0	0
безответственны и необязательны	78,4	145,9	208,1

Представители органов власти и муниципального управления, постоянно контактирующие с общероссийскими объединениями профсоюзов, чаще отмечают профессионализм, верность данному слову. При отсутствии контактов в профлидерах подозревают малообразованность, некомпетентность и заносчивость.

Вызывает беспокойство для российских профсоюзов тот факт, что такие качества, как некомпетентность, необъективность, малообразованность, гораздо чаще отмечают люди в возрасте до 40 лет (соответственно, в 2,1, 1,9 и 1,5 раза чаще, чем в среднем по всем категориям). Любопытно, что оценка государственными служащими своего авторитета в глазах профсоюзов достаточно высока, так же как и оценка уровня доверия к государственной службе (см. табл. 9, 9а).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос анкеты «Об оценке некоторых показателей, характеризующих потенциал и результаты взаимодействия госслужащих и общероссийских объединений профсоюзов» (в %)

Оценка	высокая	средняя	низкая	затрудняюсь ответить
Информированность государственных служащих о деятельности профсоюзов	2,3	51,7	42,5	3,4
Авторитет государственных служащих в глазах профсоюзных лидеров	6,9	49,4	20,7	23
Уровень доверия к государственной службе со стороны профсоюзов	1,1	54	21,8	23
Готовность к сотрудничеству государственной службы и профсоюзов	17,2	46	26,4	10,3
Фактическое сотрудничество государственной службы и профсоюзов	12,6	43,7	28,7	14,9

Таблица 9а

Оценка респондентами некоторых показателей, характеризующих потенциал и результаты взаимодействия госслужащих и общероссийских объединений профсоюзов

	Совокупная оценка (ед.)	Средняя оценка
Информированность государственных служащих о деятельности профсоюзов	191	2,33
Авторитет государственных служащих в глазах профсоюзных лидеров	134	1,63
Уровень доверия к государственной службе со стороны профсоюзов	140	1,71
Готовность к сотрудничеству государственной службы и профсоюзов	154	1,88
Фактическое сотрудничество государственной службы и профсоюзов	152	1,85

Наиболее высокие оценки своего авторитета и уровня доверия к госслужбе отмечены у признающих отсутствие своих контактов с общероссийскими объединениями профсоюзов (см. табл. 9б).

Как ни странно, именно эта категория наиболее позитивно отзывалась о фактическом сотрудничестве с общероссийскими объединениями профсоюзов. Эксперты в возрасте до 40 лет дали оценку готовности к сотрудничеству с профсоюзами на 14,7% ниже, чем в среднем. На 10% ниже средней их характеристики степени информированности госслужащих о профсоюзах. Они также критичнее, чем люди старшего поколения, в оценках по всем позициям вопроса анкеты.

Опрошенные респонденты примерно одинаково и достаточно высоко признают важность взаимодействия с профсоюзами и работодателями на различных уровнях (см. табл. 10, 10а).

Таблица 9б

Средняя оценка респондентами некоторых показателей, характеризующих потенциал и результаты взаимодействия государственных служащих и общероссийскими объединениями профсоюзов (в зависимости от частоты контактов с ними)

	Контакты постоянные	Контакты эпизодические	Контактов нет	Все категории
Информированность государственных служащих о деятельности профсоюзов	2,09	2,46	2,36	2,33
Авторитет государственных служащих в глазах профсоюзных лидеров	1,56	1,76	1,36	1,63
Уровень доверия к государственной службе со стороны профсоюзов	1,66	1,78	1,50	1,71
Готовность к сотрудничеству государственной службы и профсоюзов	1,72	2,03	1,71	1,88
Фактическое сотрудничество государственной службы и профсоюзов	1,91	1,95	1,36	1,85

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос анкеты: «В какой степени, с вашей точки зрения, важно взаимодействие органов власти с профсоюзами и работодателями на уровне...» (в %)

	Высокой	Средней	Низкой	Совсем не важно	Затрудняюсь ответить
1. Правительства РФ	60,4	37,7	3,8	0	0
2. Федеральных министерств, агентств, комитетов и т.д.	52,8	39,6	5,7	3,8	0
3. Федеральных округов	50,9	35,8	11,3	3,8	0
4. Субъектов РФ	71,7	26,4	1,9	0	0
5. Региональных министерств, департаментов, комитетов и т.д.	58,5	34	7,5	1,9	0
6. Муниципальных образований	52,8	37,7	5,7	1,9	3,8
7. Учреждений, организаций	52,8	41,5	1,9	3,8	1,9

Таблица 10а

Средняя совокупная оценка степени важности взаимодействия государства с работодателями и профсоюзами на различных уровнях

Правительства РФ	1,47
Федеральных министерств, агентств, комитетов и т.д.	1,64
Федеральных округов	1,72
Субъектов РФ	1,30
Региональных министерств, департаментов, комитетов и т.д.	1,49
Муниципальных образований	1,53
Учреждений, организаций	1,56

Однако возможность реализации на практике такой высокой оценки невысока. Большинство экспертов отмечают важность взаимодействия органов власти с профсоюзами на уровне учреждения, организации. Вместе с тем вряд ли кто-то из респондентов смог бы предложить реальную схему такого взаимодействия.

Подавляющее большинство экспертов отмечают, что деятельность государственных и муниципальных служащих при взаимодействии с общероссийскими объединениями профсоюзов должна быть, прежде всего, направлена на поиск взаимоприемлемого решения (см. табл. 11) и предпочитают диалог как вид взаимодействия (см. табл. 12).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос анкеты: «При взаимодействии с общероссийскими объединениями профсоюзов деятельность государственных и муниципальных служащих должна быть в большей степени направлена на:...» (в %)

поиск взаимоприемлемого решения	50,6
отстаивание интересов граждан	40,2
отстаивание интересов государства	6,9
отстаивание интересов ведомства	1,1
другой ответ	1,1
Всего	100

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Какой из ниже перечисленных видов взаимодействия представителей органов власти с общероссийскими объединениями профсоюзов представляется лично вам предпочтительным...» (в %)

1.	диалог, поиск взаимоприемлемых решений	91,8
2.	действия органов власти, фактически соответствующие предложениям профсоюзов	3,5
3.	затрудняюсь ответить	2,3
4.	фактическое подчинение профсоюзов органам государственной власти	1,2
5.	автономия, невмешательство в дела друг друга	1,2
6.	другой ответ	0
	Всего	100

Вместе с тем постоянно контактируют с общероссийскими объединениями профсоюзов только 38,6% опрошенных представителей российской власти. Среди субъектов РФ этот процент выше (46,2%), а среди работников правительственных структур федерального уровня существенно ниже (14,3%). 83,3% муниципальных служащих контактируют с общероссийскими объединениями профсоюзов лишь эпизодически (против 44,6% в среднем по всем категориям представителей власти).

При взаимодействии с общероссийскими объединениями профсоюзов, выработке механизма распространения действия соглашений и коллективных договоров органы власти неизбежно должны оценивать степень этой представительности. Было бы интересно выявить предпочтительные критерии такой оценки (см. табл. 13).

Наличие договоров и соглашений – бесспорный лидер среди показателей влияния профсоюзов, что вполне закономерно. Способность заключить соглашение свидетельствует и о численности профсоюза, и о его возможности, в случае необходимости, продемонстрировать «мускулы» в виде массовых акций. Однако такой подход может приводить к «закольцовыванию» ситуации. Чтобы заключить соглашение – нужен авторитет, а авторитет – это наличие соглашения.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос анкеты: «По вашему мнению, важнейшим критерием наибольшего влияния профсоюзов и профобъединений в социально-трудовой сфере является, прежде всего:...» (в %)

1.	наличие договоров (соглашений) с работодателями и органами власти	65,5
2.	численность объединяемых ими работников	14,9
3.	активные контакты со средствами массовой информации	9,2
4.	активная организация забастовок, пикетов, митингов	5,7
5.	другой ответ	3,4
6.	затруднились ответить	1,1
	Всего	100

Отметим, что в качестве дополнительного варианта ответа на данный вопрос эксперты предлагают: «способность выполнять взятые обязательства», «результативность, социальная стабильность в регионе», «улучшение жизни населения». Здесь же просматриваются некоторые различия представлений о профсоюзах по категориям опрошенных. Почти вдвое чаще, чем в среднем, представители президентских структур рассматривают численность общероссийских объединений профсоюзов как показатель его влияния. *Никто* не рассматривает в качестве такого показателя активную организацию массовых протестных акций. Представители «высших эшелонов» власти - президентских и федеральных правительственных структур чаще рассматривают контакты со СМИ как показатель влиятельности общероссийских объединений профсоюзов (15,7 и 50%, соответственно, против 8,6 в среднем). В то же время на муниципальном уровне выше, чем в среднем, авторитет профсоюзов, имеющих соглашения с партнерами по регулированию взаимоотношений в социально-трудовой сфере.

Значительная часть опрошенных, прежде всего из эпизодически контактирующих с профсоюзами, в качестве критерия их влиятельности рассматривают активные контакты со СМИ. По-видимому, отсюда они черпают и свое понимание о профсоюзах. К сожалению, в российской профсоюзной среде достаточно хорошо известно, что практически ничего позитивного из СМИ о профсоюзах услышать нельзя. Если не учитывать, конечно, собственно профсоюзные издания, выходящие малым тиражом и рассчитанные на свою профсоюзную аудиторию.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос анкеты: «В какой степени, с вашей точки зрения, является важным взаимодействие органов исполнительной власти с общероссийскими объединениями профсоюзов по следующим направлениям:...» (в %)

		высокой	средней	низкой	совсем не важны	Затрудняюсь ответить
1.	контроль исполнения законодательства	40,2	37,9	18,4	1,1	2,3
2.	разработка законопроектов	36,8	41,4	16,1	2,3	3,4
3.	посредничество в регулировании трудовых конфликтов	52,9	33,3	9,2	0	4,6
4.	выработка и реализация эффективной социальной политики	44,8	35,6	13,8	1,1	4,6
5.	выработка и реализация эффективной экономической политики	25,3	37,9	19,5	8	10,3

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос анкеты: «В какой степени, с вашей точки зрения, важно взаимодействие органов исполнительной власти с объединениями работодателей по следующим направлениям...» (в %)

		высокой	средней	низкой	совсем не важны	Затрудняюсь ответить
1.	контроль исполнения законодательства	44,0	32,1	19,0	2,4	6,0
2.	разработка законопроектов	31,0	44,0	15,5	2,4	10,7
3.	посредничество в регулировании трудовых конфликтов	48,8	27,4	19	1,2	7,1
4.	выработка и реализация эффективной социальной политики	46,4	26,2	22,6	1,2	7,1
5.	выработка и реализация эффективной экономической политики	48,8	26,2	15,5	4,8	8,3

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос анкеты: «Как часто вам приходится контактировать с общероссийскими объединениями профсоюзов?» (в %)

контакты постоянны	37,5
контакты эпизодические	45,5
контактов фактически нет	15,9
затрудняюсь ответить	1,1
Всего	100

* * *

Социальное партнерство в России находится в периоде своего становления, так же как и все его субъекты, в том числе органы государства. Противоречивость позиции государственной власти в социальном партнерстве, заложенная на первом этапе развития рыночных отношений, до настоящего времени отражена в законодательстве и на практике. С одной стороны, продекларирована ведущая роль государства в социальном партнерстве, ее право быть арбитром, стимулировать взаимодействие работников и работодателей. С другой стороны, наблюдаются тенденции постепенного «ухода» государства из трудовых отношений. Либеральная идеология утверждает: устранившись, оно становится более умеренным. Однако наблюдаем обратное – государство усиливается, при этом отказывая населению в государственной опеке [Фуко 2010].

Необходимость взаимодействия с гражданским обществом, диалога, поиска компромисса вроде бы декларируется, однако противоречит собственному восприятию представителями государства потребности в таком диалоге, при отсутствии навыков его ведения.

Общие представления о закономерностях общественного развития требуют участия в нем профсоюзов как представителей работников, с которыми нужно взаимодействовать здесь и сейчас. Однако контакты носят, как правило, поверхностный, эпизодический характер. Информация о достигнутых в ходе переговоров договоренностях, даже на самом высоком уровне, не всегда доступна широкому кругу государственных служащих. Представители власти не видят в общероссийских объединениях профсоюзов своего

союзника в противодействии политическому влиянию крупных корпораций, в большей степени тяготея к контактам с объединениями работодателей, еще не ставшими подлинно массовыми.

Общероссийские объединения профсоюзов, в свою очередь, по-видимому, не полностью отвечают требованиям, предъявляемым к ним государством как к партнерам. Не случайно в ответе одного из экспертов вместе с утверждением необходимости взаимодействовать прежде всего с общероссийскими объединениями профсоюзов, сделана приписка: «если они станут другими».

В то время как властные структуры всеми силами стремятся омолодить и повысить квалификацию кадрового состава, недоверие молодого поколения госслужащих к общероссийским объединениям профсоюзов сохраняется. Общероссийские объединения профсоюзов, в свою очередь, не очень доверяют власти и ее представителям. Как подтверждают исследования, проводимые кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ, незаинтересованность государства рассматривается профсоюзными лидерами как одна из важных причин малой эффективности социального партнерства. Вывод один. Не следует развивать в своем сознании «страшилки» и предубеждения. Нужно идти навстречу друг другу.

Сотрудничество с государством для российских профсоюзов – один из инструментов обеспечения эффективной защиты прав работников. Кроме собственной силы, организационной прочности и профсоюзной солидарности, только разумные, демократичные законы и поддержка властных структур позволят профсоюзам стать равноправными во взаимоотношениях с работодателями. Будучи заинтересованными в таком сотрудничестве, общероссийские объединения профсоюзов должны «привлекать» власть на свою сторону, зарабатывать личный авторитет прежде всего у молодого поколения госслужащих.

Для этого необходимо, усилить свое реальное влияние в сфере производства, расширить контакты со СМИ, активизировать информирование о деятельности общероссийских объединений профсоюзов.

Заслуживает внимания и проведение совместных мероприятий профсоюзного актива и представителей государства по вопросам, представляющим взаимный интерес, организация совместных конференций, семинаров для обучающихся.

На повестке дня стоит и вопрос о совершенствовании законодательства в области социального партнерства для создания основы для равноправного взаимодействия трех партнеров на различных уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Володин А.П., Малышев М.А., Татарникова С.Н. (2015) Социально-трудовые отношения в условиях внешних ограничений: проблемы и возможности социального партнерства в муниципальных образованиях // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). № 52. С. 61–86 (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/52_2015_volodin_malishev_tatarnikova.htm).

Деханова Н.Г. (2018) Социальное партнерство как механизм согласования групповых интересов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. Т. 24. № 4. С. 117–124. DOI:10.24290/1029-3736-2018-24-4-117-124

Калашников К. Н., Шаров В.В. (2017) Трудовые отношения в России: между партнерством и конфронтацией // Социологические исследования. № 4. С. 73–81. (<http://socis.isras.ru/article/6648>).

Клементьев Д.С., Корнилович В.А., Малышев М.А. (2016) Формы социальной организации участия граждан в принятии государственных решений // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). № 59. С. 113–130 (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/59_2016klementiev_kornilovich_malyshv.htm).

Малышев М.А. (2020) Изменение уровня социальных стандартов для отражения требований профсоюзов в программе социально-экономического развития России, в планах Правительства и в Генеральном соглашении // *Социология*. № 6. С. 104–111.

Малышев М.А. (2019) Коллективный договор как инструмент защиты интересов наемных работников // *Социология*. № 1. С. 136–146.

Малышев М.А. (2020) Основные направления совершенствования законодательной базы социального партнерства // *Труд и социальные отношения*. Т. 31. № 1. С. 164–170. DOI:10.20410/2073-7815-2020-31-1-164-170

Малышев М.А. (2019) Роль российских профсоюзов в переговорной кампании в защите интересов работников // *Социология*. № 2. С. 221–231.

Малышев М.А. (2020) Российская модель социального партнерства как эффективный инструмент формирования социального государства // *Труд и социальные отношения*. Т. 31. № 2. С. 112–132. DOI:10.20410/2073-7815-2020-31-2-112-132

Малышев М.А. (2020) Улучшение качества переговорного процесса в системе социального партнерства Российской Федерации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 84–105. DOI:10.14515/monitoring.2020.2.677

Малышев М.А., Малышева Н.С. (2017) Проблемы формирования социального государства в России // *Труд и социальные отношения*. № 1. С. 111–127.

Татарникова С.Н., Малышев М.А., Малышева Н.С. (2014) Государственно-частное партнерство: влияние мирового экономического кризиса на деятельность организаций нефтегазового комплекса России // *Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал)*. 2014. № 47. С. 228–282. (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/47_2014_tatarnikova_malyshev_malysheva.htm).

Фуко М. (2010) Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука.

REFERENCES

Daneshjo N., Malega P., Dudáš Pajerská E. (2019) Production Efficiency in Company with Small Series Production. *TEM Journal*, vol. 8, no. 4, pp. 1118–1126 (doi:10.18421/TEM84-03).

Dekhanova N.G. (2018) Social'noe partnerstvo kak mekhanizm soglasovaniya gruppovyh interesov [Social partnership as a mechanism for coordinating group interests]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, vol. 24, no. 4, pp. 117–124 (DOI:10.24290/1029-3736-2018-24-4-117-124).

Duval R., Furceri D. (2018) The Effects of Labor and Product Market Reforms: The Role of Macroeconomic Conditions and Policies. *IMF Economic Review*, vol. 66, no. 1, pp. 31–69. DOI:10.1057/s41308-017-0045-1

Frolova E.V., Medvedeva N.V., Kabanova E.E., Kurbakova S.N., Vinichenko M.V. (2016) Social Partnership in Russia: Prerequisites, Problems and Trends. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, vol. 7, no. 2, pp. 221–228 (<https://ideas.repec.org/a/srs/jarle0/v7y2016i2p407-416.html>).

Fuko M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekciy, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. Course of lectures given at the College de France in the 1978–1979 academic year]. SPb.: Nauka (https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/politologija/fuko_rozhdenie_biopolitiki/21-1-0-2912).

Ibrahim Th., Mishra A., Bostan A. (2019) Role of E-government in Reducing Disasters. *TEM Journal*, vol. 8, no. 4, pp. 1150–1158 (DOI: 10.18421/TEM84-07).

Kalashnikov K.N., Sharov V.V. (2017) Trudovye otnosheniya v Rossii: mezhdru partnyorstvom i konfrontaciej [Labor relations in Russia: between partnership and confrontation]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 73–81 (<http://socis.isras.ru/article/6648>).

Klement'ev D.S., Kornilovich V.A., Malyshev M.A. (2016) Formy social'noj organizacii uchastiya grazhdan v prinyatii gosudarstvennyh reshenij [Forms of social organization of citizens' participation in government decision-making]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik (Elektronnyj zhurnal)*.no. 59, pp. 113–130 (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/59_2016klementiev_kornilovich_malyshev.htm).

Malyshev M.A. (2019) Kollektivnyj dogovor kak instrument zashchity interesov naemnyh rabotnikov [Collective agreement as a tool to protect the interests of employees]. *Sociologiya*, no. 1, pp. 136–146.

Malyshev M.A. (2019) Rol' rossijskikh profsoyuzov v peregovornoj kampanii v zashchite interesov rabotnikov [The role of Russian trade unions in the negotiation campaign to protect the interests of workers]. *Sociologiya*, no. 2, pp. 221–231.

Malyshev M.A. (2020) Izmenenie urovnya social'nyh standartov dlya otrazheniya trebovanij profsoyuzov v programme social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii, v planah Pravitel'stva i v General'nom soglashenii [Changing the level of social standards to reflect the requirements of trade unions in the program of socio-economic development of Russia, in the plans of the Government and in the General Agreement]. *Sociologiya*, no. 6m, pp. 104–111.

Malyshev M.A. (2020) Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'noj bazy social'nogo partnerstva [The main directions of improving the legal framework of social partnership]. *Trud i social'nye otnosheniya*, vol. 31, no. 1, pp. 164–170 (DOI:10.20410/2073-7815-2020-31-1-164-170).

Malyshev M.A. (2020) Rossijskaya model' social'nogo partnerstva kak effektivnyj instrument formirovaniya social'nogo gosudarstva [Russian model of social partnership as an effective tool for the formation of a welfare state]. *Trud i social'nye otnosheniya*, vol. 31, no. 2, pp. 112–132 (DOI:10.20410/2073-7815-2020-31-2-112-132).

Malyshev M.A. (2020) Uluchshenie kachestva peregovornogo processa v sisteme social'nogo partnerstva Rossijskoj Federacii [Improving the quality of negotiation process in the social partnerships system in Russia] *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 2, pp. 84–105 (DOI:10.14515/monitoring.2020.2.677).

Malyshev M.A., Malysheva N.S. Problemy formirovaniya social'nogo gosudarstva v Rossii [Problems of the formation of a welfare state in Russia]. *Trud i social'nye otnosheniya*, no. 1, pp. 111–127.

Mühlberger U. (2009) *The Social Effects of Precarious Work*. Universität Wien: Research Report (DOI:10.1007/978-94-007-0753-5_2237).

Tatarnikova S.N., Malyshev M.A., Malysheva N.S. (2014) Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: vliyanie mirovogo ekonomicheskogo krizisa na deyatelnost' organizacij neftegazovogo kompleksa Rossii [Public-private partnership: the impact of the global economic crisis on the activities of organizations in the oil and gas complex of Russia]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik (Elektronnyj zhurnal)*, no. 47, pp. 228–282 (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/47_2014tatarnikova_malyshev_malysheva.htm).

Vinichenko M.V., Klementyev, D.S., Rybakova, M.V., Malyshev, M.A., Bondaletova, N.F., Chizhankova I.V. (2019) Improving the efficiency of the negotiation process in the social partnership system. *Entrepreneurship and Sustainability Issues* vol. 7, no. 1, pp. 92–104 (DOI:10.9770/jesi.2019.7.1(8)).

Volodin A.P., Malyshev M.A., Tatarnikova S.N. (2015) Social'no-trudovye otnosheniya v usloviyah vneshnih ogranichenij: problemy i vozmozhnosti social'nogo partnerstva v municipal'nyh obrazovaniyah [Social and labor relations under external constraints: problems and opportunities for social partnership in municipalities]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik (Elektronnyj zhurnal)*, no. 52, pp. 61–86 (http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/52_2015volodin_malyshev_tatarnikova.htm).

СЧАСТЬЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН *HAPPINESS AS AN ECONOMIC PHENOMENON*

Этические аспекты экономической теории счастья

*О.Н. АНТИПИНА**

***Антипина Ольга Николаевна** – доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Адрес: 119991 Москва, Ленинские горы, 3-й учебный корпус. E-mail: antipina@econ.msu.ru

Статья, посвященная этическим аспектам экономической теории счастья, исследует субъективную удовлетворенность жизнью как экономический феномен и измеряемую величину. Опираясь на результаты исследований в этой области, автор показывает гедонистический и эвдемонистический смысл, заключенный в концепции субъективного благополучия. Особое внимание уделено влиянию господствующих культурных традиций на этические ценности и представления о счастье. Проанализировано своеобразие индивидуалистской и коллективистской культур с точки зрения достижения счастья через присущие этим культурам этические нормы. Обращение к эволюционной теории модернизации Р. Инглхарта раскрывает специфику глобального тренда в России начала XXI в.: сдвиг от ценностей выживания к повышающим уровень счастья ценностям самовыражения – доверию, толерантности и индивидуальной свободе.

Ключевые слова: этика, счастье, гедонизм, эвдемонизм, экономика счастья, субъективная удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие, «парадокс Истерлина», индивидуалистская культура, коллективистская культура.

DOI: 10.31857/S086904990013360-8

Цитирование: Антипина О.Н. (2021) Этические аспекты экономической теории счастья // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 48–62. DOI: 10.31857/S086904990013360-8

Ethical Aspects of the Economics of Happiness

*Olga N. ANTIPINA**

***Olga N. Antipina** – Doctor of Science (Economics), professor of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Address: 3rd training building, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: antipina@econ.msu.ru

The article is devoted to the ethical aspects of the economics of happiness. Happiness is considered as an economic phenomenon and a measurable indicator of subjective life satisfaction. On the basis of the economics of happiness ideas, the author shows hedonistic and eudaemonic meanings of the concept

of subjective well-being. Special attention is paid to the influence of cultural traditions on ethical values and beliefs about happiness. The paper discusses ethical norms of individualist and collectivist cultures. The author turns to Ronald Inglehart's evolutionary theory of modernization and shows the Russian specificity of the global shift from values of survival to values of self-expression at the beginning of the 21st century. This shift implies the rising of the level of happiness through values of self-expression such as trust, tolerance and individual freedom.

Keywords: ethics, happiness, hedonism, eudaemonism, economics of happiness, subjective life satisfaction, subjective well-being, «Easterlin paradox» individualist culture, collectivist culture.

DOI: 10.31857/S086904990013360-8

Citation: Antipina O. (2021) Ethical Aspects of the Economics of Happiness. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* no. 1, pp. 48–62. DOI: 10.31857/S086904990013360-8 (In Russ.)

«...счастье есть нечто самое прекрасное и наилучшее,
и оно же – самое приятное»
(Аристотель. «Эвдемова этика»)

Экономическая теория счастья (или экономика счастья) как область научных исследований сформировалась в 1970-х гг. и к началу XXI в. стала научной школой.

В качестве предмета исследования экономика счастья рассматривает субъективные представления личности об удовлетворенности жизнью как экономический феномен. Ее теоретическое единство образуют базовые концепции поведенческой экономики, опирающиеся на описанные еще А. Смитом психологические мотивы экономического поведения, а также психологизм теории полезности И. Бентама. Методологическая особенность экономики счастья – междисциплинарность исследовательского подхода не только в рамках социальных наук, но и, к примеру, с привлечением медицины. Либертарианский патернализм, опирающийся на «мягкое подталкивание» людей «к выбору, который улучшит их жизнь» [Талер, Санстейн 2018, с. 15] и приведет к счастью, определяет практическую программу, которую разделяет большинство исследователей¹. Активную научную деятельность ведут лидеры этой школы: основоположник экономики счастья – Р. Истерлин и другие известные ученые (А. Дитон, Э. Динер, Р. Веенховен, Р. Инглхарт, Р. Лэйард, Ю-К. Онг, Э. Освальд, Н. Пудхави, Б. Стивенсон, Дж. Уолферс и др.).

В научных исследованиях субъективной удовлетворенности жизнью теоретики экономики счастья качественно и количественно анализируют влияние разнообразных экономических факторов на субъективное благополучие [Антипина 2012], среди которых, в частности:

- наличие или отсутствие работы (или источника дохода);
- размер индивидуального дохода;
- уровень среднедушевого дохода (среди членов профессионального сообщества, социальной группы);
- достижение карьерных целей;
- удовлетворенность профессиональной деятельностью, условиями труда;
- наличие возможностей для полноценного отдыха и качественного проведения досуга;
- доступность и качество медицинских и страховых услуг, а также услуг по обеспечению безопасности и правопорядка;

¹ В июле 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой странам-членам рекомендательно предлагалось оценить счастье своих граждан и использовать этот показатель для руководства своей государственной политикой.

- степень экономического развития страны в целом;
- показатели инфляции и безработицы, циклические колебания деловой активности.

Вместе с тем незаслуженно мало внимания уделено этическим аспектам экономики счастья. Будучи философским знанием о морали, этика оперирует понятием «счастье» как отражающим личную жизненную цель индивида, к которой нужно стремиться, в том числе и в экономической сфере. Следовательно, с моральной стороны счастье как экономический феномен может быть представлено прежде всего через такие понятия, как «богатство», «умеренность», «щедрость», «добродетель», «свобода», «справедливость», «рациональность», «долг», «ответственность», «самореализация», «частный и общий интерес», «трудолюбие», «доверие» и другие категории, описания нравственного опыта. Таким образом, исследование этических аспектов не только усилит теоретическую целостность и междисциплинарность экономики счастья, но и позволит ответить на важный нормативный вопрос: каких ценностей следует придерживаться человеку в экономической сфере своей жизни, чтобы быть счастливым?

Поскольку нравственный опыт человек получает в отношениях с другими людьми в пространстве общественного сознания и культуры, логично также поставить вопрос, какие ценности следует поддерживать в моральном измерении общества, чтобы экономическое развитие приводило к счастью нации? Обобщению этических аспектов экономической теории счастья, а также размышлениям над связанными с ними вопросами и посвящена данная статья.

Гедонизм и эвдемонизм в экономике счастья

Содержательное понимание счастья как субъективного благополучия, обусловленного воздействием экономических факторов, основано на сочетании гедонизма и эвдемонизма. Его дескриптивная и нормативная стороны указывают на приоритетные жизненные цели и предлагают соответствующее обоснование морали.

Гедонизм, трактующий счастье как *результат* человеческих действий, в том числе и экономических, ради достижения удовольствия и избегания страдания, наиболее ярко проявляется в ответе на, пожалуй, самый главный вопрос экономики счастья: «Является ли богатство тем, что приносит счастье?». Утвердительный ответ в 1974 г. дал основоположник экономики счастья – американский экономист Р. Истерлин. Он опирался на результаты социологических опросов за всю послевоенную историю США, проведенных Институтом Гэллага и Национальным центром исследования мнений, и проанализировал результаты аналогичных исследований в странах Азии, Африки и Латинской Америки. На их основе Истерлин сделал убедительный вывод: «По мере перехода от группы с меньшим к группе с большим уровнем дохода пропорция очень счастливых возрастает. Это ясно свидетельствует о том, что доход и счастье связаны положительно» [Easterlin 1974, p. 99].

Тем не менее, исходя из убедительных аргументов Истерлина, следует ли признать верной формулу «стать богатым = стать счастливым»? В столь общем виде эта формула не может быть однозначно верна или неверна. Необходимо уточнить уровень анализа, смысл, вкладываемый в понятия «богатство» и «счастье», и продолжительность рассматриваемого периода. Д. Канеман и А. Дитон, нобелевские лауреаты по экономике 2002 и 2015 гг., соответственно, предложили для отдельных индивидов (на микроуровне) различать «эмоциональное благополучие» как ощущаемое в конкретный момент чувство радости или грусти, хорошего настроения или стресса и «оценку качества жизни». Обследовав более 450 000 жителей США в 2008–2009 гг., они пришли к выводу, что «по мере роста логарифма дохода оценка качества жизни [по шкале от 0 до 10] устойчиво растет» и «эмоциональное благополучие также растет вместе с ростом логарифма

рифма дохода, но до того момента, пока среднегодовой доход не достигнет 75 000 долл.» [Kahneman, Deaton 2010, p. 16489].

Определение конкретной величины дохода как порога «насыщения» счастьем не могло не вызвать дискуссии и желание подтвердить его наличие и размер для отдельных стран и регионов. Так, в частности, по результатам исследований Л. Родионовой, выполненных на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, в России для 2000–2012 гг. «...точка “насыщения” соответствует доходу в среднем около 60 тыс. руб., после которой прирост вероятности удовлетворенности жизнью замедляется» [Родионова 2014, с. 392]. Следовательно, наличие конкретного размера дохода², необходимого для достижения счастья, подтверждается. Это означает, что действие норматива «стать богатым» в качестве определяющего состояние «стать счастливым» ограничено некоторым размером дохода. «От достатка и от богатства не следует отказываться, ибо в нужде счастье обрести труднее. Но неразумно уповать на то, что в богатстве или тем более в его количестве – счастье» [Гусейнов, Апресян 2000, с. 237], – так полагают и современные философы, специализирующиеся на этических учениях.

На уровне отдельных стран (на макроуровне) с течением времени взаимосвязь между богатством и счастьем выглядит совершенно иначе. Ее специфика была впервые показана на примере США за период с 1946 г. по начало 1970-х гг. и сенсационно вошла в науку как «парадокс Истерлина», который гласит: рост национального дохода не приводит к устойчивому повышению уровня счастья нации [Easterlin 1974]. В 2013 г. на основе результатов анализа темпов роста реального ВВП на душу населения и удовлетворенности жизнью в 37 странах эта формулировка была уточнена: циклические колебания деловой активности вслед за ростом или падением удельного реального ВВП синхронно повышают или понижают уровень счастья жителей страны, но экономический рост не оказывает на него никакого влияния [Easterlin 2013]. Аналогичный анализ для 43 стран в 2016 г. и 123 стран в 2020 г. подтвердил результат: страны с высокими темпами экономического роста не имеют существенно больших изменений счастья по сравнению со странами с его низкими темпами [Easterlin 2016; Easterlin, O'Connor 2020].

Несмотря на возникший интерес к поиску возможных опровержений, «парадокс Истерлина» не получил весомых возражений, подтвержденных убедительным анализом статистических данных³, однако многочисленные содержательные аргументы упрочивают его позицию.

Во-первых, сам автор парадокса предложил обратить внимание на «гипотезу относительного дохода» Дж. Дьюзенбери. Она состоит в том, что текущие потребительские расходы домашнего хозяйства определяются не только его абсолютным текущим доходом, но и средним доходом того социального слоя, к которому оно принадлежит [Duesenberry 1949]. В свою очередь, полезность от потребления напрямую зависит от текущих расходов индивида и обратно – от текущих потребительских расходов типичного представителя его окружения. Потребитель тем счастливее, чем выше получаемая им полезность относительно ее средней величины в его социальной группе, и тем менее счастлив, чем она ниже. Таким образом, «увеличение дохода отдельного индивида будет повышать его счастье, а повышение дохода каждого оставит счастье неизменным» [Easterlin 1974, p. 112]. Эту закономерность часто называют «эффектом сравнения».

² Величина дохода, обеспечивающего «насыщение», достаточное для субъективного ощущения счастья, может варьироваться год от года в зависимости от уровня инфляции, величины прожиточного минимума, стоимости минимальной потребительской корзины, а также иметь региональные отличия.

³ Попытки опровергнуть «парадокс Истерлина» предпринимали Б. Стивенсон и Дж. Уолферс [Stevenson, Wolfers 2008], Э. Динер [Diener et al. 2013], Р. Веенховен и Ф. Вергюст [Veenhoven, Vergunst 2014] и другие исследователи. Однако, как утверждает Истерлин, критики парадокса допускают ряд неточностей: анализируют неверные временные интервалы, смешивают краткосрочный и долгосрочный периоды, используют показатель ВВП на душу населения в текущих (а не постоянных) ценах, применяют несопоставимые данные о субъективном благополучии [Easterlin 2016].

В 2008 г. Ф. Альварес-Куадро и Н. Ван Лонг выполнили синтез «гипотезы относительного дохода» Дж. Дьюзенбери и «гипотезы перманентного дохода» М. Фридмана⁴ [Friedman 1957], выдвинув «гипотезу относительного дохода как версии перманентного дохода». Согласно последней, величина потребительских расходов домашнего хозяйства, принадлежащего определенному поколению, зависит от двух переменных – потенциального дохода этого домохозяйства на протяжении всей жизни и потенциального дохода на протяжении всей жизни принадлежащего тому же поколению среднего представителя его референтной группы [Alvares-Cuadrado, Van Long 2008]. Это уточнение усилило аргументацию «парадокса Истерлина», оживив ее в теоретическом плане.

Во-вторых, в пользу уточненной формулировки «парадокса Истерлина» свидетельствует «эффект адаптации»: человеку свойственно привыкать к устойчивым долгосрочным изменениям, но остро реагировать на шоковые краткосрочные события. Благодаря этому эффекту люди не чувствуют себя счастливее на фоне привычных улучшений условий жизни по мере экономического роста, но резко ощущают их снижение в периоды циклических кризисов и подъемов.

В научной литературе представлены различные интерпретации этого эффекта. Одна из ярких метафорических концепций – концепция «гедонистической беговой дорожки» (или «гедонистического приспособления») [Brickman, Campbell 1971]. По мере роста индивидуального дохода возрастают потребности индивида и одновременно появляются возможности для их удовлетворения. Вместе с тем это не означает непрерывного повышения субъективной удовлетворенности жизнью. Процесс напоминает занятия на тренажере: в ответ на движение ленты индивиду необходимо продолжать бег, чтобы оставаться на том же месте.

Идея «гедонистического приспособления» в целом основана на статистически наблюдаемой тенденции довольно быстрой стабилизации уровня счастья индивидов после значимых благоприятных или неблагоприятных событий в их жизни. Так, человек, выигравший крупную сумму в лотерею, и человек, потерявший трудоспособность в результате аварии, спустя некоторое время после положительного и отрицательного шока вернутся к приблизительно прежним уровням счастья.

Тем не менее «адаптация – мощная сила, но она не может полностью и автоматически защитить от любых попыток изменить ощущение благополучия» [Diener et al. 2006, p. 313]. Таковы возражения тех, кто оперирует понятием «гедонистическая отправная точка» в значении некоего уровня «гедонистической нейтральности» у каждого человека.

Наиболее существенным аргументом против адаптации Э. Динер, Р. Лукас и К. Сколон считают изменчивость «гедонистических отправных точек» под влиянием тех или иных условий. К примеру, результаты их исследований показали, что после всплеска, вызванного свадьбой, уровень счастья супругов снижается и выравнивается на исходной «гедонистической отправной точке». После потери работы, приводящей к падению уровня счастья, несмотря на «эффект адаптации», прежняя «гедонистическая отправная точка» не восстанавливается. Кроме того, интенсивность реакции на происходящие события индивидуальна и соответствует темпераменту человека [Diener et al. 2006]. Справедливо мнение Инглхарта, что «модель гедонистической адаптации превалирует только тогда, когда остальные факторы остаются неизменными» [Инглхарт 2018, с. 237], например, в период долгосрочной стабильности в экономике.

Известна также идея о совмещении эффектов сравнения и адаптации посредством так называемой «субъективной шкалы благосостояния» – системы критериев оценки материального благополучия, которая формируется в представлениях за счет как внешних (социально-экономических) условий жизни, так и внутренних (психологических) особен-

⁴ Согласно гипотезе М. Фридмана, фактические текущие потребительские расходы индивида зависят от так называемого перманентного дохода, что позволяет сохранять относительно стабильный уровень потребления в течение всей жизни, несмотря на колебания текущего дохода.

ностей индивида. По мнению В. Хащенко, эта шкала включает персональные метрики стандартов благосостояния, а также диапазоны экономического благополучия и неблагополучия [Хащенко 2011]. Более широкая интерпретация этой идеи состоит в том, что субъективное благополучие есть следствие восприятия индивидом окружающих его социально-экономических явлений, которое базируется на разностороннем жизненном опыте и психологических характеристиках личности [Гоффе, Монусова 2020].

В-третьих, повышение чувствительности людей именно к изменению дохода на фоне других жизненных ориентиров в периоды кризисов происходит даже несмотря на глобальный «постматериалистический сдвиг», зафиксированный Инглхартom на протяжении последних сорока лет⁵. Скажем, в долгосрочной перспективе значительная часть населения Земли, которая переходит «от бедности на грани голода к умеренной экономической безопасности» [Инглхарт 2018, с. 57], начинает все сильнее ориентироваться на постматериалистические ценности. Угрожающие экзистенциальной безопасности экономические спады сдвигают ценностные ориентиры к материализму, а значит, повышают влияние дохода на общую оценку субъективного благополучия.

Эвдемонистическая сторона экономики счастья гораздо более многогранна. В ней делается акцент на счастье как *процессе*, который определяют разнообразные мотивы и многообразие потребностей, удовлетворение которых делает человека счастливым (*счастье – процесс*). Согласно Аристотелю, счастье следует признать высшим из благ, осуществляемых в поступках: счастье – это «деятельность совершенной жизни в согласии с совершенной добродетелью» [Аристотель 2005, с. 21, 31]. Иными словами, счастье обретается через добродетельную деятельность, реализуемую через «рассудительные» поступки. Поэтому эвдемонизм экономики счастья, во-первых, не игнорирует моральные ценности: отрицает, к примеру, зависть, жадность, чувство превосходства и пропагандирует умеренность, щедрость, самодостаточность и другие добродетельные человеческие качества. Во-вторых, он не предполагает рассмотрение экономических субъектов как обособленных индивидов, взаимодействующих друг с другом только посредством производства, распределения, обмена и потребления.

«Не отстать от Джонсов»⁶ — это насмешливое идиоматическое выражение употребляют в англоговорящих странах для выражения пренебрежительного отношения к семье, ориентирующейся в потребительском поведении на неких условных «Джонсов», вызывая зависть и желание добиться подобного уровня потребления. В экономике счастья выражение подчеркивает ситуацию, когда текущие потребительские расходы индивида подчиняются стремлению обогнать соседа, а не желанию удовлетворить свои подлинные потребности. С помощью формулы «отвращение–покупка–счастье» А. Ильин описал поведение индивида, испытывающего «отвращение к себе-настоящему», пока не имеющему якобы необходимого продукта, и «симпатию к себе-будущему» как обладателю заветного блага [Ильин 2012, с. 165]. Однако искомое счастье в данном случае может оказаться фиктивным.

Тем не менее А. Юревич вписывает «избыточное потребление» в «одну из общих тенденций исторической эволюции человеческой психики, которую можно назвать гедонизацией поведения: удовлетворение потребностей доставляет человеку удовольствие, и целью поведения становится получение этого удовольствия, а не удовлетворение базовых потребностей» [Юревич 2020, с. 110]. Иными словами, базовой потребностью становится само получение удовольствия, и это явление весьма неоднозначно.

⁵ Как показал Инглхарт, «многочисленные свидетельства, полученные на основе трех разных подходов, а именно: 1) когортного анализа, 2) сравнения богатых и бедных стран, 3) исследования тенденций последних 40 лет – дают основания для вывода, что эти трансформации действительно происходят и что они связаны с процессом межпоколенческих изменений, вызванных повышением уровня экзистенциальной безопасности» [Инглхарт 2018, с. 50].

⁶ «Keeping up with the Joneses» (англ.).

С одной стороны, зависть направляет потребительский выбор по ложному пути, включаясь в «крысиные бега» за потребление. Под влиянием маркетинговых приемов и в условиях доступности кредитов «в один клик» потребители попадают в долговые ловушки, что имеет негативные последствия как для них самих, так и для экономики в целом⁷. С другой стороны, стимулирующее влияние потребительских расходов на экономику невозможно отрицать.

Следовательно, не зависть, а умеренность в удовлетворении своих истинных потребностей – та моральная ценность, которая должна управлять потребительским выбором индивида, желающего быть счастливым. Привычным должно быть «гармоничное избыточное потребление» [Юревич 2020, с. 110], когда после удовлетворения насущных потребностей часть дохода сберегается, часть расходуется на духовное развитие и получение впечатлений, часть – на благотворительность, часть – на избыточные блага.

Счастье работающего индивида существенным образом зависит от удовлетворенности профессиональной деятельностью и условиями труда, от достижения карьерных целей. Однако без следования определенным нормам профессиональной этики эти факторы счастья не будут давать максимальную отдачу. «Так, дело сапожного ремесла и шитья обуви – обувь, а если есть некая добродетель сапожного ремесла и доброкачественного шитья обуви, то их дело – доброкачественная обувь. И в других случаях дело обстоит так же» [Аристотель 2005, с. 29].

Прежде всего, для мотивации профессиональной деятельности требуются самореализация и целеустремленность, а не карьеризм и тщеславие. Отношение к работе должно строиться на трудолюбии, творческом подходе, ответственности, а не их антиподах – лени, формализме, безответственности. Во взаимоотношениях с коллегами следует быть уважительным, доброжелательным, честным, внимательным, надежным, а не грубым, недоброжелательным, лукавым, невнимательным и ненадежным. Очевидно, что принципы профессиональной морали не противоречат общечеловеческим ценностям: «В погоне за наслаждением, покоем, достатком, богатством или славой счастья не найти» [Гусейнов, Апресян 2000, с. 244]. Однако, направляя индивида к субъективной удовлетворенности экономической стороной его жизни, они объективно повышают и его результативность. Эксперименты, которые с использованием случайной выборки на протяжении ряда лет проводили А. Освальд, Е. Прото и Д. Стори, показали, что счастливые люди на 10–12% более производительны, чем несчастливые [Oswald et al. 2015].

В экономических моделях выбор индивида между трудом и досугом (точнее – распределение времени между периодом труда и периодом досуга) рассматривается с точки зрения рациональности. Посвящая время досугу, индивид несет альтернативные издержки в виде недополученного заработка. Однако во время досуга он имеет возможность восстанавливать силы и развиваться как физически, так и интеллектуально, что, в свою очередь, может помочь ему в перспективе и больше зарабатывать. Кроме того, полноценный отдых и качественно проведенный досуг – важные факторы счастья. Бережное отношение к семье, занятия спортом, наличие хобби, посещение театров, музеев, лекториев и т.п., общение с друзьями, вовлеченность в жизнь сообщества, благотворительность, волонтерская активность, – все то, что выполняет в жизни людей рекреационную функцию и способствует самовыражению, должно быть включено в их образ жизни на уровне ценностей, составляющих основу этического отношения к себе и ближним.

Прав Аристотель: «подлинно счастливый человек и жить будет приятнейшим образом, и не напрасно люди это ценят» [Аристотель 2005, с. 309].

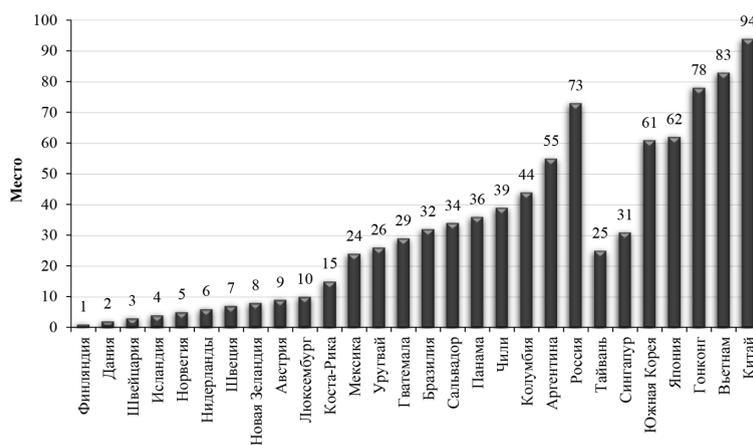
⁷ Американский экономист Т. Кресцензи доказал, что спровоцированный потребительскими расходами рост долговых обязательств стал одним из осложнений финансового кризиса 2007–2009 гг.: «Долг был инструментом, с помощью которого домохозяйства пытались купить счастье, но они были обречены на неудачу» [Crescenzi 2012, p. 194].

Межкультурные различия и этические принципы экономики счастья

Межстрановые различия в рейтингах субъективного благополучия, которые составляют авторитетные исследовательские организации, имеют значительные культурные основания [Антипина 2017], существенно определяя господствующие этические принципы.

Один из наиболее известных – «Рейтинг счастья»⁸ – с 2012 г. публикуется в «Докладе о мировом счастье» на основе данных опросов Института Гэллапа. В этом рейтинге в десятку стран-лидеров по среднему значению уровня удовлетворенности качеством жизни за 2017–2019 гг.⁹ входят преимущественно европейские страны (см. рис. а). «Рейтинг счастья» строится только на основании показателя уровня удовлетворенности качеством жизни, но дополнительно исследуется вклад в полученную оценку следующих переменных: 1. ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности); 2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни; 3. Социальная поддержка (ответ на вопрос: «Если бы у вас была проблема, могли бы вы рассчитывать на помощь родственников или друзей в случае необходимости?»); 4. Свобода жизненного выбора (ответ на вопрос: «Вы удовлетворены или не удовлетворены свободой выбора того, что вы делаете со своей жизнью?»); 5. Щедрость (ответ на вопрос: «Тратили ли вы на благотворительность деньги в прошлом месяце?»); 6. Восприятие коррупции (ответ на вопрос: «Распространена ли коррупция в правительстве или нет?»); 7. Позитивные эмоции («Испытывали ли вы позитивные эмоции на протяжении большей части вчерашнего дня?») 8. Негативные эмоции («Испытывали ли вы вчера беспокойство, печаль, гнев?») [Helliwell et al. 2020, p. 16].

Очевидно, что переменные 2–6 дают представление об этических ценностях, наличие которых в общественном сознании вносит положительный вклад в оценку качества жизни нации: забота, милосердие, свобода (в том числе экономическая), щедрость, неподкупность.



а) Страны-лидеры б) Латинская Америка в) Россия г) Восточная Азия и Китай

Рис. Группы стран по «Рейтингу счастья»

Источник: составлено автором по [Helliwell et al. 2020, p. 19–21].

⁸ К другим наиболее известным рейтингам относятся «Индекс лучшей жизни» (Better Life Index), который с 2011 г. рассчитывают для стран ОЭСР, а также Бразилии, России, ЮАР, и «Международный (Всемирный) индекс счастья» (Happy Planet Index), который предложил «Фонд новой экономики» в 2006 г. для отражения счастья людей с учетом состояния окружающей среды в разных странах мира.

⁹ Исследование проводилось в 153 странах мира, где респондентов просили оценить уровень удовлетворенности качеством жизни по шкале от 0 до 10.

Углубленные исследования межстрановых различий уровней субъективного благополучия свидетельствуют, что факторы, отражающие роль доминирующих в обществе ценностных ориентиров, имеют для них решающее значение.

Опубликованные в 2015 г. результаты эмпирического исследования ученых Д. Е. Ю-К. Онга и Ю. Ляна, «продемонстрировали, что, несмотря на то, что ВВП имеет существенную положительную корреляцию с субъективным благополучием, это объясняет лишь 3% вариативности показателя субъективного благополучия между странами, т.е. гораздо меньше, чем по переменным, характеризующим культуру» [Ye et al. 2015, p. 544]. Показатели субъективного благополучия авторы взяли из статьи Р. Инглхарта, Р. Фoa, К. Петерсона и К. Вельцеля [Inglehart et al. 2008]. В свою очередь, это были обобщенные данные Всемирного обзора ценностей о субъективном благополучии людей на основе оценок счастья (эмоциональная оценка) и общей удовлетворенности жизнью (когнитивное суждение). В качестве переменных, характеризующих культуру, использовались показатели, приведенные в «Проекте GLOBE»¹⁰, основанные на индексах пяти измерений культуры Г. Хофстеде (индивидуализм – коллективизм, дистанция власти, неприятие неопределенности, гендерное равенство, краткосрочная – долгосрочная ориентация на будущее) и четырех дополнительных измерений (склонность к инновациям, групповой коллективизм, гуманность отношений между людьми, уверенность в себе).

Авторы исследования обнаружили, что из всех девяти измерений культуры наиболее значимый и устойчивый вклад в межстрановые различия по показателю субъективного благополучия вносят индекс равенства полов и индекс дистанции власти. При этом индекс равенства полов, отражающий степень минимизации роли гендерного различия в обществе, и показатель субъективного благополучия связаны положительно. Индекс дистанции власти, характеризующий степень согласия индивида с принятой в обществе иерархией, и показатель субъективного благополучия имеют отрицательную зависимость.

Вывод согласуется с новой теорией модернизации Инглхарта, связывающей переход от индустриальной экономики к экономике знаний с масштабными изменениями ценностных ориентиров, которые сдвигаются от ценностей выживания к ценностям самовыражения. «Люди, для которых важны ценности выживания, значительно менее удовлетворены жизнью и менее счастливы, чем те, для кого ключевыми становятся ценности самовыражения. Этот важный результат указывает на то, что одни системы ценностей больше способствуют счастью, чем другие. Пока общество находится на грани выживания, его культура ориентирована на обеспечение физического выживания населения. Но когда выживание обеспечено, культура общества начинает адаптироваться, чтобы максимизировать субъективное благополучие его членов. Ценности самовыражения способствуют чувству субъективного благополучия, поскольку они освобождают людей от традиционных ограничений, которые более не играют критически важных ролей в обеспечении выживания, а это открывает новые возможности для свободного жизненного выбора» [Инглхарт 2018, с. 66]. К главным ценностям самовыражения относятся доверие, толерантность и индивидуальная свобода.

Однако, несмотря на глобальность сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения¹¹, он происходит неравномерно вследствие сопротивления со стороны культурных традиций. «Системы верований удивительно долговечны и прочны. Хотя ценности и изменяются, они продолжают отражать историческое наследие общества. Таким образом, структурные изменения подвержены «эффекту колеи» [Инглхарт 2018, с. 71].

¹⁰ «Проект GLOBE» – исследование, основанное на проведенном в 1990-х гг. опросе менеджеров из 62 стран мира по вопросам о ценностях культуры и лидерских качествах.

¹¹ Согласно результатам исследования Инглхарта, с 1981 по 2014 г. счастье возросло в 84%, а удовлетворенность жизнью – в 65% стран мира, однако вклад экономического роста в эти результаты намного слабее по сравнению с ролью ценностей самовыражения [Инглхарт 2018, с. 215].

Понимание счастья и мотивация его достижения в странах с индивидуалистской (европейско-американской) и коллективистской культурой различны. Индивидуалистская культура полнее включает главные ценности самовыражения. Население стран, принадлежащих, согласно классификации Инглхарта, к европейско-протестантской, европейско-католической и англоязычной культурным зонам, счастливее по сравнению с жителями стран конфуцианской, южноазиатской, восточноевропейской/православной культурных зон [Инглхарт 2018, с. 75].

По оценке межличностного доверия¹² и доверия к общественным институтам¹³ в Европе в 2017 г. страны-лидеры входят и в первую десятку стран по «Рейтингу счастья» (Дания, Финляндия, Швеция, а также Исландия, Нидерланды, Норвегия) [OECD 2017, p. 161–162].

Наряду с нормами кооперации и сотрудничества доверие – один из компонентов социального капитала и играет важную роль в экономической жизни [Knack, Keefer 1997]. Принято различать два типа доверия: «объединяющее» (бондинговое) – между индивидами, принадлежащими к какой-либо группе, и «преодолевающее» (бриджинговое) – между представителями различных групп. Доверие стимулирует экономическое развитие, поскольку благодаря ему заключается больше сделок и эффективнее работает общественный сектор. Чем выше доверие, тем ниже дистанция власти и выше субъективная удовлетворенность жизнью.

Толерантность также положительно влияет на субъективную удовлетворенность жизнью. «Поддержка гендерного равенства и терпимости к аут-группам сильно связана со счастьем не просто потому, что толерантные люди счастливее, но и потому, что толерантное общество делает жизнь менее напряженной для всех» [Инглхарт 2018, с. 204].

Однако наиболее важная ценность самовыражения – индивидуальная свобода. В индивидуалистской культуре люди придают особое значение личной свободе выбора, индивидуальным достижениям и стремятся к персональным позитивным эмоциям. Таким образом устанавливается прямая взаимосвязь между, с одной стороны, свободно предпринимаемыми индивидуальными усилиями, приводящими к личным достижениям, а с другой – субъективным благополучием.

Из выводов Инглхарта следует, что жители стран с коллективистской культурой менее счастливы, поскольку демонстрируют средний (Юго-Восточная Азия, Китай) и низкий (Восточная Европа, Россия) уровень «преодолевающего» доверия и придают относительно большее значение взаимоотношениям внутри групп, включая отношения в семье, с коллегами и соседями. Общественное мнение в большинстве этих стран «остаётся в решительной оппозиции к гендерному равенству и толерантному отношению к гомосексуальности» [Инглхарт 2018, с. 48]. Коллективизм предполагает подчинение целям группы и принятым в ней нормам поведения. Высокие оценки членов группы за должное выполнение индивидом его социальных обязанностей сильнее влияют на индивидуальное ощущение счастья, чем личное удовлетворение от достигнутых результатов.

Доминирование специфических этических норм коллективизма объясняет, в частности, такое явление, как «восточноазиатский дефицит счастья»¹⁴ [Ng 2002]. Оно проявляется в том, что в быстро развивающихся в экономическом отношении странах Восточной Азии и Китае «Рейтинг счастья» невысок (см. рис. г).

Л. Лю, Р. Гилмор и С-Ф. Као в 2001 г. опубликовали результаты сравнительного анализа роли ценностей в определении счастья с точки зрения восточной (конфуцианской)

¹² Респонденты оценивают уровень доверия по шкале от 0 до 10, отвечая на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?».

¹³ Респонденты оценивают уровень доверия к полиции, политической системе и правовой системе по шкале от 0 («Совсем не доверяю») до 10 («Полностью доверяю»).

¹⁴ «East-Asian happiness gap» (англ.).

и западной (протестантской) культур¹⁵. Были проанализированы следующие ценности: 1. Социальная интеграция (сыновний долг – послушание перед родителями, уважение родителей, гордость предками, финансовая поддержка родителей); 2. Добросердечность (доброта – умение прощать и сострадать); 3. Трудовой динамизм (рост и развитие); 4. Моральная дисциплина (бескорыстие и целомудрие). Авторы исследования, во-первых, обнаружили большую значимость культурных ценностей для счастья в восточной культуре по сравнению с западной. Во-вторых, моральная дисциплина оказалась не значимой для счастья в западной культуре. Социальная интеграция, добросердечность и трудовой динамизм – значимы для обеих культур. В-третьих, социальная интеграция и добросердечность оказались более существенны для счастья в восточной культуре, а значимость трудового динамизма идентична для обеих культур [Lu et al. 2001].

Полученные выводы лишь подтверждают прочность основ философско-этического учения Конфуция в восточной культуре, где коллективное благополучие (семьи, клана, страны или даже всего человечества) ставится выше индивидуального: «В обращении с отцом или матерью проявляй мягкость и учтивость. Если видишь, что твои желания им неуютны, все равно проявляй почтительность — не противься их воле. И пускай ты устанешь — не смей роптать» [Конфуций 2004, с. 171]. Принята иерархическая структура общества, покорность власти, приверженность солидарности и нормам коллектива: «Когда действуют исходя лишь из личной выгоды, то вызывают сильную ненависть» [Конфуций 2004, с. 170]. В характере ценятся аскетизм, спокойствие, скромность, самоконтроль: «Благородный муж ни в чем не соперничает. И если необходимо, то только в стрельбе из лука!» [Конфуций 2004, с. 165].

Таким образом, различия между обществами, обусловленные приверженностью к этическим ценностям индивидуализма/коллективизма, приводят и к различиям в уровнях субъективного благополучия.

Этические установки россиян в контексте экономики счастья

В контексте экономики счастья этические установки россиян как жителей самой большой страны, пережившей в конце XX в. крупнейшую экономическую трансформацию, представляют особый интерес.

Одно из новейших исследований «парадокса Истерлина» выполнили А. Ларин и С. Филясов на основе использования панельных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Подтверждено, что долгосрочная связь между реальным эквивалентным доходом и удовлетворенностью материальным положением россиян отсутствует. Однако «наблюдаемая схожесть в динамике реального эквивалентного дохода и удовлетворенности материальным положением помимо краткосрочной связи также может объясняться общими экономико-социальными шоками, которые имели место в 90-х годах XX в.» [Ларин, Филясов 2018, с. 73]. После масштабного трансформационного спада субъективное благополучие людей восстанавливалось на долгосрочном уровне под влиянием «эффекта адаптации», а действие «эффекта сравнения» оказалось статистически незначимым.

Индекс счастья россиян ВЦИОМ рассчитал на основании ответов на вопрос: «В жизни бывает всякое – и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, вы счастливы или нет?». Даже в период пандемии COVID-19 после некоторых спадов он восстанавливался, приближаясь к своим максимальным отметкам за всю историю измерений. Основные факторы счастья по процентным долям отметивших их респондентов в ноябре 2020 г.

¹⁵ В исследовании участвовали 439 студентов из Тайваня (преимущественно китайцы этнической группы «хань») и 344 студента из Великобритании (только представители англосаксонского этноса) [Lu et al. 2001].

на фоне роста заболеваемости коронавирусом распределились следующим образом: есть семья, благополучие в семье – 34%, хорошее здоровье (свое и близких) – 24%, наличие хорошей работы – 20%, есть дети – 18%, хорошее материальное положение и в целом удовлетворены жизнью – 10%. Однако главной причиной неудовлетворенности жизнью россияне считали материальные трудности [ВЦИОМ].

Таким образом, результаты тестирования «парадокса Истерлина» и мониторинга, по данным ВЦИОМ, отражают, во-первых, высокую роль коллективистских культурных ценностей в России. Во-вторых, этические принципы, которых придерживаются счастливые соотечественники: добрые отношения в семье, бережное отношение к здоровью, забота о детях. Что касается «хорошей работы», то большинство вкладывает в это понятие трудовые ценности, подразделяемые на внешние (доход, условия и безопасность труда) и внутренние (интерес, самостоятельность, креативность, признание, самореализация).

Насколько значимые для счастья россиян ценности соответствуют мировому тренду?

Согласно эволюционной теории модернизации Инглхарта, в наиболее счастливых странах мира на рубеже XX и XXI вв. происходит переход не только от ценностей выживания к ценностям самовыражения, но и от традиционных ценностей к секулярно-рациональным. Россия, занимающая в «Рейтинге счастья» 2017–2019 гг. 73 место (см. рис. в), – страна с довольно высоким уровнем секулярно-рациональных ценностей. Однако роль традиционных ценностей в жизни россиян в процессе системных экономических трансформаций возросла. Свидетельство тому, в частности, серьезное усиление религиозности населения на фоне сохраняющейся нетерпимости к аут-группам и низкого уровня «преодолевающего» доверия. «Жители России постепенно начинают отдавать приоритет ценностям самовыражения, а не ценностям выживания, но традиционные ценности продолжают заполнять ту идеологическую пустоту, которая возникла в результате разрушения системы ценностей, сложившейся при коммунизме» [Инглхарт 2018, с. 92].

«В поисках счастья» происходит усиление религиозности. Об этом свидетельствуют результаты сравнения положения в «Рейтинге счастья» России и стран Латинской Америки, которые, несмотря на сопоставимые с Россией и даже более низкие уровни доходов, занимают в нем более высокие позиции (см. рис. б). Эти страны не теряли своей религиозности, и поскольку «религия обеспечивает людей чувством защищенности и уверенности в завтрашнем дне, особенно в условиях низкой экономической безопасности» [Инглхарт 2018, с. 212], сохраняют высокий уровень удовлетворенности жизнью.

Тем не менее важность для счастья россиян главного компонента ценностей самовыражения – свободы выбора – подтверждает, в частности, соответствующая общемировому тренду ситуация на рынке труда. Самые счастливые здесь — высокообразованные самозанятые, имеющие высокую квалификацию, современные знания и навыки люди. Они извлекают преимущества из цифровизации экономики, владеют собственным делом, выполняют работы на заказ или оказывают частные услуги (специалисты в области информационных технологий, адвокаты, переводчики, репетиторы и др.). Они ни от кого не зависят и уверены, что на результаты их труда будет устойчивый спрос [Shevchuk, Strebkov 2012, p. 41].

Подобные результаты наблюдений отнюдь не следует воспринимать как призыв к переходу из фирменного офиса к надомной самозанятости. Они лишь подчеркивают широкий смысл: сохраняя рациональность и придерживаясь ценностей самовыражения, можно воплощать свои экономические интересы и быть счастливым в России.

* * *

Научные исследования в области экономики счастья имеют многоплановый контекст, который расширяется с помощью взгляда на проблематику субъективного благополучия с точки зрения этики как практической философии.

Гедонизм экономики счастья предполагает, что стремление к счастью через богатство как средство достижения удовольствий и защиты от страданий не имеет смысла в долгосрочной перспективе. Вместе с тем его важность в определенных пределах возрастает на коротких временных интервалах, когда человек испытывает на себе воздействие колебаний деловой активности.

Эвдемонистическое толкование счастья обозначает ценности, которых следует придерживаться человеку в экономической сфере его жизни. Чтобы быть счастливым, необходимы: умеренность, щедрость, самодостаточность, трудолюбие, креативность, ответственность. Семейные традиции, спорт, хобби, культурные мероприятия, друзья, сообщество, благотворительность, волонтерство – эти и другие направления активности повышают субъективную удовлетворенность жизнью в период досуга.

Этические представления о счастье в разных странах тесно связаны с культурными традициями, проникающими и в экономическую сферу жизни. Глобальный тренд от ценностей выживания к ценностям самовыражения, преимущество индивидуалистской культуры в достижении счастливой жизни людей, становятся вызовом для представителей коллективистской культуры. Тем не менее такие важнейшие для счастья ценности самовыражения, как доверие, толерантность и индивидуальная свобода постепенно расширяют пространство своего влияния на Земном шаре.

Движение в глобальном тренде характерно и для России, где по мере укрепления экономического роста и прогресса цифровизации ценности выживания будут уступать место ценностям самовыражения. Несомненно, что этот процесс заслуживает всесторонней поддержки, ибо делает людей счастливее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипина О.Н. (2012) Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. №2. С. 94–107.
- Антипина О.Н. (2017) Экономика, культура и счастье: есть ли взаимосвязь? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. №7. С. 35–44.
- Аристотель (2005) Евдемова этика. М.: ИФ РАН.
- ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения (<http://www.wciom.ru>).
- Гоффе Н.В., Монусова Г.А. (2020) Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН.
- Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. (2000) Этика: Учебник. М.: Гардарики.
- Ильин А.Н. (2012) Концепт безудержного потребления (структурный анализ) // Общественные науки и современность. №2. С. 161–169.
- Инглхарт Р. (2018) Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль.
- Конфуций (2004) Лунь Юй // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит. С. 149–236.
- Ларин А.В., Филясов С.В. (2018) Парадокс Истерлина и адаптация в России // Экономический журнал ВШЭ. Т.22. №1. С. 59–83.
- Родионова Л.А. (2014) Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т.14. №2. Ч.2. С. 386–393.
- Талер Р., Санстейн К. (2018) Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Хашченко В.А. (2011) Субъективная шкала благосостояния и субъективное экономическое благополучие // Психологический журнал. Т. 32. №3. С. 27–42.
- Юревич А.В. (2020) От избыточного потребления к «избыточному потребителю» // Психологический журнал. Т. 41. №3. С. 104–112.

REFERENCES

- Alvarez-Cuadrado F., Van Long N. (2008) A Permanent Income Version of the Relative Income Hypothesis. *CESifo Working Paper*, no. 2361.
- Antipina O.N. (2012) Jekonomicheskaja teorija schast'ja kak napravlenie nauchnyh issledovanij [Economics of Happiness as an Academic Research Discipline]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 2, pp. 94–107.
- Antipina O.N. (2017) Jekonomika, kul'tura i schast'e: est' li vzaimosvjaz'? [Economy, Culture and Happiness: Is There Interconnection?]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, vol. 61, no. 7, pp. 35–44.
- Aristotle (2005) *Evdemova jetika* [Eudemean Ethics]. Moscow: Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences.
- Brickman P., Campbell D.T. (1971) *Hedonic Relativism and Planning the Good Society*. Appley M.H. (Ed.) *Adaptation-Level Theory: A Symposium*. New York: Academic Press, pp. 287–302.
- Confucius (2004) *Lun' Juj. Konfucianskoe «Četveroknizhie» («Sy shu»)* [Lun Yu. Confucianism «Four Books» («Sishu»)]. Moscow: Vostochnaja literatura, pp. 149–236.
- Crescenzi T. (2012) *Beyond the Keynesian Endpoint: Crushed by Credit and Deceived by Debt – How to Revive the Global Economy*. New Jersey: Pearson.
- Diener E., Lucas R.E., Scollon C.N. (2006) Beyond the Hedonic Treadmill: Revising the Adaptation Theory of Well-Being. *American Psychologist*, vol. 61, no. 4, pp. 305–314.
- Diener E., Tay L., Oishi S. (2013) Rising Income and the Subjective Well-Being of Nations. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 104, no. 2, pp. 267–276.
- Duesenberry J.S. (1949) *Income, Saving and the Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press.
- Easterlin R.A. (1974) *Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence*. David P.A., Reder M.W. (Eds.) *Essays in Honor of Moses Abramovitz*. New York: Academic Press, pp. 89–125.
- Easterlin R.A. (2013) Happiness and Economic Growth: The Evidence. *IZA Discussion Paper*, no. 7187.
- Easterlin R.A. (2016) Paradox Lost? *IZA Discussion Paper*, no. 9676.
- Easterlin R.A., O'Connor K.J. (2020) The Easterlin Paradox. *IZA Discussion Paper*, no. 13923.
- Friedman M. (1957) *A Theory of the Consumption Function*. New Jersey: Princeton.
- Goffe N.V., Monusova G.A. (2020) *Vosprijatie social'nyh realij i sub'ektivnoe blagopoluchie v razvityh stranah* [Perception of Social Reality and Subjective Well-Being in Developed Countries]. Moscow: IMEMO.
- Guseynov A.A., Apresyan R.G. (2000) *Jetika: Uchebnik* [Ethics: Text-Book]. Moscow: Gardariki.
- Haschenko V.A. (2011) Sub'ektivnaja shkala blagosostojanija i sub'ektivnoe jekonomicheskoe blagopoluchie [Subjective Welfare Scale and Subjective Economic Well-Being]. *Psychological Journal*, vol. 32, no. 3, pp. 27–42.
- Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., De Neve J.-E. (Eds.) (2020) *World Happiness Report*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- Il'in A.N. (2012) Koncept bezuderzhnogo potreblenija (strukturnyj analiz) [The concept of rampant consumption (structural analysis)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 161–169.
- Inglehart R., Foa R., Peterson C., Welzel C. (2008) Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*, vol. 3, no. 4, pp. 264–285.
- Inglehart R.F. (2018) *Kul'turnaja jevoljucija: kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World]. Moscow: Mysl'.
- Kahneman D., Deaton A. (2010) High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 107, no. 38, pp. 16489–16493.
- Knack S., Keefer P. (1997) Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 112, no. 4, pp. 1251–1288.
- Larin A.V., Filiasov S.V. (2018) Paradoks Isterlina i adaptacija v Rossii [Adaptation and the Easterlin Paradox in Russia]. *HSE Economic Journal*, vol. 22, no. 1, pp. 59–83.
- Lu L., Gilmour R., Kao S.-F. (2001) Cultural Values and Happiness: An East–West Dialogue. *The Journal of Social Psychology*, vol. 141, no. 4, pp. 477–493.

Ng Y.-K. (2002) The East-Asian Happiness Gap: Speculating on Causes and Implications. *Pacific Economic Review*, vol. 7, no. 1, pp. 51–63.

OECD (2017) *OECD Guidelines on Measuring Trust*. Paris: OECD Publishing.

Oswald A.J., Powdthavee N. (2008) Does Happiness Adapt? A Longitudinal Study of Disability with Implications for Economists and Judges. *Journal of Public Economics*, vol. 92, no. 5–6, pp. 1061–1077.

Oswald A.J., Proto E., Sgromi D. (2015) Happiness and Productivity. *Journal of Labor Economics*, vol. 33, no. 4, pp. 789–822.

Rodionova L.A. (2014) Paradoks Isterlina v Rossii [Easterlin Paradox in Russia]. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, vol. 14, no. 2, part 2, pp. 386–393.

Shevchuk A., Strebkov D. (2012) Freelancers in Russia: Remote Work Patterns and E-Markets. *Economic Sociology—the European Electronic Newsletter*, vol. 13, no. 2, pp. 37–45.

Stevenson B., Wolfers J. (2008) Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox. *IZA Discussion Paper*, no. 3654.

Thaler R.H., Sunstein C.R. (2018) *Nudge. Arhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi reshenija o zdorov'e, blagosostojanii i schast'e* [Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness]. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

VCIOM [Russian Public Opinion Research Center] (<http://www.wciom.ru>).

Veenhoven R., Vergunst F. (2014) The Easterlin Illusion: Economic Growth Does Go with Greater Happiness. *International Journal of Happiness and Development*, vol. 1, no. 4, pp. 311–343.

Ye D., Ng Y.-K., Lian Y. (2015) Culture and Happiness. *Social Indicators Research*, vol. 123, iss. 2, pp. 519–547.

Yurevich A.V. (2020) Ot izbytochnogo potreblenija k «izbytochnomu potrebitelju» [From Excessive Consumption to Being an «Excessive Consumer»]. *Psychological Journal*, vol. 41, no. 3, pp. 104–112.

ЦИФРОВАЯ ЭПОХА: ПРИНУЖДЕНИЕ К ПРОГРЕССУ *THE DIGITAL AGE: FORCED TO PROGRESS*

Конкуренция и монополия в цифровую эпоху

*Н.М. РОЗАНОВА**

***РОЗАНОВА Надежда Михайловна** – доктор экономических наук, профессор департамента теоретической экономики факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: nrozanova@hse.ru.

Форматы конкурентного и монопольного поведения, конфигурация рыночной власти и инструменты межфирменных отношений подвержены кардинальным изменениям под действием цифровизации. Возникают новые варианты монополистических стратегий, нацеленных на создание, укрепление и удержание долговременной рыночной власти компаниями разных отраслей экономики. На основе обобщения российских и зарубежных исследований предложен концептуальный подход к анализу явлений конкуренции и монополии в цифровую эпоху.

Ключевые слова: конкуренция, монополия, монопольные эффекты, монополистическая конкуренция, цифровая экономика.

DOI: 10.31857/S086904990014000-2

Цитирование: Розанова Н.М. (2021) Конкуренция и монополия в цифровую эпоху // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 63–72. DOI: 10.31857/S086904990014000-2

Competition and Monopoly in a Digital Era

*Nadezhda M. ROZANOVA**

***Nadezhda M. Rozanova** – Doctor of Science (Economics), Professor, National Research University – Higher School of Economics (HSE University). Address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow. 101000, Russian Federation. E-mail: nrozanova@hse.ru.

Abstract. Patterns for competitive and monopoly behaviour, market power configurations and instruments of interfirm relationships are under radical transformation in a digital era. There arise new forms of monopolistic strategies that aim at establishing, strengthening and withstanding long-term market power in various industries. Analysis of Russian and foreign economic research that was done in the article promoted a conceptual theoretical approach to monopoly and competition under digitalization.

Keywords: competition, monopoly, monopolistic effects, monopolistic competition, digital economy.

DOI: 10.31857/S086904990014000-2

Citation: Rozanova N. (2021) Competition and monopoly in a digital era. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 63–72. DOI: 10.31857/S086904990014000-2 (In Russ.).

Сегодня исследователи [Шаститко, Маркова 2019; Пороховский 2020] отмечают, что цифровая реальность и цифровая трансформация экономики вносят фундаментальные изменения в экономические отношения, в формы организации бизнеса, влияют на ключевые элементы экономической системы, подвергая существенной модификации наши прежние представления о конкуренции и рыночной власти. Современные глобальные фирмы используют разнообразные смешанные онлайн и офлайн стратегии для создания и поддержания своей рыночной власти. Назрела необходимость обобщить актуальные теоретические и эмпирические исследования, затрагивающие конкурентное и монопольное поведение компаний в условиях современной цифровой экономики.

Цифровые рынки: между конкуренцией и монополией

Многие считают, что цифровые рынки по своей природе склонны к высокой концентрации [Calvano, Polo 2020]. Способствуя наличию сетевых эффектов и потребности в накоплении и обработке больших данных, это требует немалых первоначальных вложений и закрывает вход на рынок небольшим компаниям. Природа конкуренции или монополизации зависит от соперничества здесь не столько на самом рынке, сколько за первоначальный вход на рынок. Ключевой драйвер цифровых рынков – человеческое внимание, время, которое индивид уделяет цифровому общению и свободному поиску в пространстве Интернета.

Цифровые рынки представляют собой многосторонние формы взаимодействия. Цифровые платформы проявляют монопольную власть не только ценами, но и другими средствами. Стратегическое преимущество фирм-старожилов заключается в наличии лояльной базы пользователей, которые несут существенные временные и когнитивные потери при переходе к новому провайдеру или новой платформе. В силу высоких транзакционных издержек перехода, они, как правило, сохраняют «верность» своей первоначальной цифровой реальности, создавая барьеры входа для новых компаний.

Основная форма монопольных эффектов на цифровых рынках – захват и удержание внимания пользователей. Таким образом, внимание может быть перепродано (перенаправлено) фирмам–партнерам. Множественность агентов и многоузловая структура цифрового рынка затрудняют адекватную оценку рыночной власти компании. Традиционные показатели здесь не работают. Приходится заново исследовать, что же такое рыночная власть в цифровой экономике?

Конкурентный стратегический актив цифровой компании возникает на основе эффекта репутации в связи с благоприятными ожиданиями потребителей. Например, компания объявляет о ближайших планах выпустить усовершенствованную версию своего программного обеспечения или какой-либо инновационный продукт. Если потребители доверяют фирме–старожилу, то даже при наличии на рынке предложений конкурирующих новых компаний, клиенты если и будут переходить к конкуренту, то в очень незначительном объеме, меньшем, чем критическая масса пользователей для достижения точки безубыточности.

Цифровые рынки, несмотря на технологическую возможность, все же остаются по преимуществу локальными, а не глобальными. Большинство потребителей контента цифровых платформ ищут информацию о событиях в ближайшем окружении. Цены

на цифровых рынках приобретают характер контингентных, поскольку зависят от величины клиентской базы, степени выраженности сетевого эффекта, ценности сетевого эффекта для потребителей. С точки зрения фирм-старожилов, цены предназначены для удержания клиентской базы, в то время как с позиции потенциального конкурента цены должны компенсировать пользователям потери от перехода к новому поставщику. Ценовая дискриминация на цифровых рынках приобретает дополнительный аспект: назначение различных цен для разных сторон платформы.

Платформы стимулируют контрагентов заключать с ними эксклюзивные соглашения на основе ограничений и принудительных наборов услуг. Подобные исключительные контракты носят антиконкурентную природу, поскольку означают вертикальное закрытие рынка для конкурентов.

Платформы, рекламирующие товары различных производителей, подвержены эффекту выставочного зала. Потребители могут сравнить цены на желаемый товар, используя платформенные механизмы поиска и анализа, а потом обратиться непосредственно к производителю и не платить вознаграждение платформе. Этот эффект «безбилетника» в цифровом мире возникает вследствие того, что платформы резко сокращают издержки поиска товара. Для борьбы с этим явлением платформы предлагают варианты условий ценового паритета в договорах с фирмами – производителями рекламируемых товаров. Производителю запрещено предлагать клиентам более низкую цену, чем на данной платформе, в любом другом канале распространения товара. Кроме того, производителю возбраняется предлагать товар по более низкой цене на своем собственном сайте, через собственные прямые каналы продаж. Таким образом, платформы обеспечивают наилучшую цену для своих клиентов, что и служит их конкурентным преимуществом и источником дохода. Как показано в [Wals, Schinkel 2018], подобные ценовые стратегии исключительных контрактов снижают конкуренцию платформ, облегчают картельное поведение, предотвращая вход в отрасль и порождая монопольные эффекты.

Обращение индивида к платформе неявно предполагает нейтральность цифрового посредника и предоставление клиенту наилучших условий приобретения товара. Однако, согласно [Barach, Golden, Horton 2019], платформы могут направлять покупателей к конкретным, аффилированным с ними, продавцам. Последние, понимая сложности онлайн покупки, предлагают клиентам возврат денег, если покупателя не удовлетворит доставленный товар. С одной стороны, такая стратегия отвечает чаяниям потребителей, уменьшая асимметричность информации. Подобная гарантия служит сигналом качества товара. С другой стороны, стратегия гарантии возврата денег направляет клиентов к определенным продавцам, поведение которых, благодаря этому, приобретает черты монополизма.

Установлено, что большая часть посещений сайтов поставщиков контента приходится не непосредственно на страницы поставщиков, а на страницы третьих лиц, через гиперссылки, через другие сайты, блоги, социальные сети и т.д. Так, только 25% посещений сайта *The Washington Post* и только 44% посещений сайта *The New York Times* приходится на прямые визиты [Calzada, Tselekounis 2018, p. 191]. Поставщики контента используют гиперссылки на материалы третьих лиц для продвижения собственной продукции. Формально провозглашается принцип сетевой нейтральности (одинакового отношения владельцев сайтов ко всем поставщикам контента), хотя в реальности мы имеем дело с конкуренцией контентом. Многие сайты требуют заключения о правах доступа к тому или иному материалу и внедряют ограничения по гиперссылкам.

Цифровая конкуренция многослойна. Потребители, осознавая тенденциозность, не нейтральность, цифровых платформ, обращаются, как показывает практика, в первую очередь к крупным онлайн поисковым системам и магазинам [Parakhonyak, Titova 2018]. Подобная ситуация аналогична тому, что индивиды предпочитают посещать крупные

супермаркеты в реальном пространстве, поскольку те предлагают наибольший продуктовый выбор и более низкие цены.

Цифровизация облегчает проведение межвременной ценовой дискриминации. На некоторых рынках (авиаперевозки, железнодорожные перевозки, развлечения, отельный бизнес, спортивная индустрия) важным параметром клиентского выбора фирмы служит уровень загрузки мощностей и объемов запасов. Как показывает теоретическое моделирование [Dana, Williams 2020], логистика в таких случаях может выступать в качестве формы монопольной власти. Фирмы назначают более высокие цены для потребителей, которые выходят позже на рынок. Для предотвращения межвременного арбитража компании стремятся ограничить объем продаж в каждый момент времени.

Новые источники рыночной власти

Цифровая реальность порождает новые источники рыночной власти компаний. Во-первых, речь идет об **информационно-коммуникационных технологиях** (ИКТ). Экономисты заметили, что к середине 2010-х гг. рост концентрации в мире в целом и в американской экономике в частности базируется на резком увеличении рыночной доли крупных фирм, входящих в десятку лидеров национальной экономики [Autor, Dorn, Katz, Patterson, Reenen 2017; Hsieh, Rossi-Hansberg 2019]. Драйвером этого процесса считается прогресс в информационных технологиях [Unver 2019].

Использование новых ИКТ способствует распространению производства и продаж на большое количество локаций. Если ранее рост местных филиалов мог быть ограничен за счет отсутствия необходимых кадров и/или необходимых капиталов, то теперь эта проблема успешно решена. Онлайн обучение помогает в короткие сроки наладить подготовку менеджеров и специалистов по всей стране. Стандартизация производственных процессов, новые технологии, опирающиеся на фиксированные издержки, масштабирование логистики и постпродажных услуг позволяют резко снизить предельные затраты на всех рынках, обслуживаемых данной фирмой. Таким образом, компания может успешно управлять большим количеством филиалов [Aghion, Bergeaud, Boppart, Klenow, Li 2019].

Преимущества, связанные с внедрением ИКТ, в наибольшей степени проявляются в отраслях услуг, что повышает уровень концентрации именно в данном секторе экономики. Если в 1977 г. на верхние десять процентов крупнейших компаний США приходилось 67,0% занятых, то к 2013 г. этот показатель возрос до 72,4%. Коэффициент роста средней занятости на наиболее крупных фирмах (первый дециль) в четырехзначных отраслях экономики США за 1977–2013 гг. (логарифмический показатель) составил в среднем по экономике 0,093; в отрасли услуг 0,149; в розничной торговле 0,131; в оптовой торговле 0,168, в обрабатывающей промышленности (-0,028) (падение занятости) [Hsieh, Rossi-Hansberg 2019, p. 7–8]. Географическая экспансия приводит к увеличению количества местных (локальных) рынков, обслуживаемых крупнейшими компаниями – лидерами национальной экономики.

Обслуживание ИКТ становится новым вариантом невозвратных эндогенных издержек, что приводит к уменьшению конкуренции и увеличению барьеров входа на рынки [Gutierrez, Philippon 2017; Furman, Orszag 2018]. В сфере ИКТ главный фактор монопольной власти – совместимость (или несовместимость) ИТ продуктов. ИТ сфера подвержена циклам эволюции совместимости. На заре компьютерной эры программное и аппаратное обеспечение компьютеров *IBM* и *Apple* не позволяло переносить информацию с одного устройства на другое без дополнительных усилий. Затем компании пришли к выводу о целесообразности единого стандарта в области ПО. Аналогичная проблема совместимости возникала в первый период функционирования мобильных телекоммуникационных операторов. Теперь она переместилась в «облачные» домены.

Поставщики контента интегрированы с определенной «облачной» компанией и не могут без потерь сменить «облачную» базу. Современные «облачные» услуги весьма разнообразны: это удаленное хранилище файлов, средства обработки и анализа данных, инструменты виртуализации, многочисленные дополнительные обслуживающие сервисы. Из-за отсутствия совместимости фирмы вынуждены прибегать к услугам нескольких «облачных» платформ. Например, две пятых европейских компаний пользуются более чем одним «облаком» [Sutherland, Chetty 2016, p. 155]. «Облачные» экосистемы сегодня, как подчеркивают в ЕС, – это «джунгли стандартов» [Sutherland, Chetty 2016, p. 158], единая стандартизация отсутствует, наличествуют фрагментарные «облачные» решения под конкретных поставщиков. К примеру, цифровые продукты *Cisco* создаются при взаимодействии с *Cisco*-совместимыми сервисами и не работают (или некорректно работают) с другими «облачными» или хостинговыми технологиями. Пользователи и вендоры оказываются «в плену» проприетарной «облачной» экосистемы одного поставщика, они не могут безболезненно переносить информацию с одного «облака» на другое. Ловушка инвестора воспроизводится на новом витке ИКТ конкуренции.

Почему фирмы легко «попадают» на уловки «облачных» компаний? На первых порах не видны издержки, а также технологические и социальные неудобства и негативные последствия перехода между «облаками» с несовместимыми стандартами, хотя они значительны. Пользователи их не ощущают в полной мере, что превращает замкнутые «облачные» экосистемы в новую форму сетевого и цифрового монополизма [Opara-Martins, Sahandi, Tian 2016].

Исследование датских фирм [Mohnen, Polder, Leeuwen 2018] выявило высокую степень комплементарности между инвестициями в ИКТ, расходами на НИОКР и организационными инновациями. Все три элемента составляют монопольный профиль современного инвестора.

Во-вторых, мы имеем дело с **большими данными**. Сегодня – это главный неосязаемый актив компании, создающий ее конкурентное преимущество. Цифровая экономика порождает все новые и новые массивы данных. Однако данные нужно правильно собрать (аккумулировать) и обработать, правильно хранить, иначе они оказываются обычным электронным мусором. Цифровая реальность такова, что компании с каждым годом затрачивают все больше и больше средств на то, чтобы аккумулировать и анализировать большие данные [Farboodi, Mihet, Philippon, Veldkamp 2019]. Инвестиции в релевантное обращение с большими данными становятся сегодня еще одной разновидностью эндогенных невозвратных издержек, которые создают существенные отраслевые барьеры входа.

Стимулирование конкуренции на рынке больших данных сопровождается снижением степени защиты персональных сведений. Государство требует от компаний предоставлять клиентам всю значимую информацию, в том числе, подписывать различные соглашения о предоставлении прав на обработку персональных данных. В результате увеличиваются транзакционные издержки для потребителей, которые вынуждены либо прочитывать большое количество страниц онлайн, либо соглашаться сразу на все пункты (и не жалуйся потом!).

Отношение людей к чтению онлайн документации служит сегменторазличающим фактором для компаний [Manant, Rallet, Rochelandet 2018]. Фирмы во многих случаях предпочитают исключить индивидов с высокими требованиями к соглашениям из числа своих клиентов (те, кто читает все страницы, зачастую негативно относятся к некоторым пунктам договора), чтобы сосредоточить маркетинговые усилия на менее взыскательных посетителях. Поэтому еще в начале 2000-х гг. был поставлен вопрос о том, что личные сведения о клиентах представляют собой область антитрестовской политики [Lande 2008].

Владение данными и отказ в доступе сторонним компаниям – важная форма монопольной власти в цифровом мире даже для некоммерческих и государственных структур.

Например, в США институты здравоохранения часто не допускают перемещения сведений о пациентах от одного госпиталя или поликлиники к другой больнице, дабы удержать клиента в своей системе [Savage, Gaynor, Adler-Milstein 2019].

В-третьих, особую роль играет **процесс поиска** товара в виртуальном мире. Развитие электронной торговли и мгновенный поиск товаров в Интернете позволяют быстро сравнивать товары конкурирующих компаний, снижая транзакционные издержки поиска для потребителей и расширяя возможности потребительского выбора. Однако результаты поиска товаров могут быть проплачены фирмами – рекламодателями. Например, в июне 2017 г. Европейская комиссия по конкуренции обвинила компанию *Google Search* в том, что она предоставляет спонсируемые результаты поиска, ослабляя тем самым конкуренцию в отрасли [Shapiro 2019, p. 83].

В отношении подобных ситуаций наблюдается различие между подходом Федеральной торговой комиссии США и Европейским союзом. В 2015 г. было установлено, что поиск *Google* не независим и не нейтрален, а выдает в первую очередь ссылки и рекламу своих собственных продуктов. В этой связи позиция США была такова: раз качество продукции компаний, связанных с *Google*, высокое, потребитель не страдает, то проблем нет. Однако в Европе компания была признана виновной в нарушении антимонопольного законодательства ЕС со штрафом в 2,7 млрд евро [Lamoreaux 2019, p. 112].

Традиционная модель поиска предполагает, что потребители при наличии выбора совершают «походы» в реальные или виртуальные магазины случайным образом. Вместе с тем исследования [Haan, Moraga-Gonzalez, Petrikaite 2018] свидетельствуют о том, что это далеко не так. Низкие наблюдаемые цены привлекают больше покупателей. Сегодня с помощью онлайн механизмов легко сравнивать цены разных компаний между собой, многие характеристики товара легко найти и изучить, не посещая магазин. В то же время онлайн доступны не все ключевые показатели продукции. Например, тест-драйв автомобиля, выбор сложной бытовой техники, примерка одежды и обуви невозможны в виртуальном мире. Поэтому фирмы, назначая цены, могут оказывать влияние на направление поиска клиентов, как онлайн, так и офлайн (стратегия управляемого поиска). Клиенты посещают в первую очередь магазины с низкими преискуррентными ценами, хотя реальная цена приобретения товара в итоге может быть другой. Установлено, что если в силу различных причин издержки поиска возрастают, то цены на продукцию сокращаются: клиентам сложнее сравнивать онлайн товары разных фирм между собой, ценовая конкуренция усиливается.

Стратегия управляемого поиска работает тогда, когда цены на товары известны покупателям (или могут быть легко получены) до начала процесса поиска [Ding, Zhang 2018]. При случайном поиске фирмам выгоднее увеличивать издержки для клиентов. В частности, это происходит путем фантомных предложений – опций, за которыми не стоят никакие реальные товары. Тем не менее они привлекают внимание посетителей сайта. В итоге взаимодействие между издержками поиска товара онлайн для потребителя и рыночной ценой носит нелинейный и немонотонный характер. При высоких издержках поиска сокращение издержек ведет к сокращению рыночной цены. При низких издержках поиска сокращение издержек ведет к росту рыночной цены.

В-четвертых, следует обратить внимание на **неявные активы**. Современные фирмы отличаются гибкостью монопольного поведения. Вместо грубых форм рыночной власти, компании предпочитают такие варианты, которые на первый взгляд вполне согласуются с общественным благосостоянием. Согласно исследованиям [Chappell, Jaffe 2018; Haskel, Westlake 2018], инвестиции в неявные активы (тренинг персонала, организационная реструктуризация, новый дизайн продукта, новые управленческие практики) создают доминирующее положение компании на продуктовом рынке.

Подобные инвестиции играют большую роль в эффективном и активном применении новых технологий, базирующихся на высоких постоянных затратах. Такого рода инвестиции упрощают процесс масштабирования бизнеса и задействуют эффект масштаба в производственном и сбытовом процессах. В маркетинге неявные активы нацелены на разработку таргетированных инструментов стимулирования сбыта. Моделирование демонстрирует (см. [Esteves, Resende 2019]), что при таргетированной рекламе легче использовать методы ценовой дискриминации, что приводит в итоге к росту цен.

Проблемы крупных фирм

Современные технологии порождают крупные и сверхкрупные технологические инновационные фирмы. С одной стороны, это большой шаг вперед в развитии экономики. С другой – крупные компании могут блокировать потенциальных конкурентов и следовать антиконкурентному поведению. Имеет ли значение, за счет каких факторов растет компания? За счет поглощения слабых конкурентов? Или за счет инноваций? За счет более эффективной организации производства, преимуществ в издержках? Или за счет поддержания доминирующего положения и рыночной власти?

С деятельностью крупных фирм связаны и вопросы политического лоббирования. Так, только в 2017 г. компания *Google* затратила на лоббирование более 18 млн долл. США, – больше, чем ежегодные расходы Американской медицинской ассоциации (*The American Medical Association*) [Lamoreaux 2019, p. 113].

Именно крупные фирмы создают продукцию высокого качества, развивают более эффективные технологические процессы. Опасны ли крупные фирмы сами по себе? Среди экономистов выделяются две полярные точки зрения на большой бизнес:

- (1) крупные фирмы – проблема сама по себе;
- (2) большой бизнес не проблема, если не задевает интересы потребителей.

Некоторые экономисты полагают, что в современной экономике предпринимательские функции выполняют не индивидуальные производители, а крупные корпорации [Baudry, Chirat 2018]. Согласно [Baumol 1990], предпринимательство может быть производительным, непроизводительным и деструктивным. Производительное предпринимательство отвечает за создание богатства, в то время как непроизводительная форма затребована в процессах перераспределения богатства. Отношение к крупной фирме зависит от того, какой тип предпринимательства она развивает.

Инновации и высокая инновационность технологических фирм сами по себе не фактор легитимизации рыночной власти. Инновационные фирмы также охотно принимают участие в антиконкурентном поведении для закрепления своего преимущества в долгосрочном периоде, как и их менее новаторские соперники. Примером может служить поведение компании *Microsoft*, которая продает свою операционную систему с предустановленным браузером, что неоднократно вызывало интерес со стороны антимонопольных органов США, ЕС и России¹.

Двойственность положения крупных компаний в экономике и высокая активность антимонопольных органов, а также негативное отношение к монополиям со стороны общественного мнения, вынуждают корпорации проводить антитрестовскую экспертизу своих инвестиционных и маркетинговых проектов заранее, ибо судебное разбирательство может обойтись фирме в гораздо более высокую сумму. С этой целью многие компании выделяют специальные подразделения (департаменты), отвечающие за антитрестовское направление, директора которых входят в руководящие органы корпораций [Athey, Luca 2019].

¹ См., например, <https://fas.gov.ru/documents/557814>; <https://www.computerra.ru/187139/microsoft-is-free/>; <https://tass.ru/arhiv/538817>.

В некоторых случаях стратегия будет носить конкурентный или монопольный характер в зависимости от ценностных норм сообщества, где действует фирма. Речь идет в первую очередь об экологической направленности продукции компании [Burani, Mantovani 2020]. Если различия в предпочтениях потребителей в отношении экологии, экологически чистой продукции, охраны окружающей среды невелики, то экологическая «зеленая» фирма будет назначать более высокие цены на свою продукцию в качестве сигнала высокого качества. Прочие компании будут использовать нелинейные механизмы ценообразования для создания информационного ценового «шума». Частная информация потребителей заменит экологическое регулирование и наличие минимальных экологических стандартов качества для продукции. Экологическое образование потребителей ведет к сознательному потреблению, усиливая конкуренцию на рынке.

Следует учесть также институциональные аспекты функционирования крупных компаний. Традиционно полагают, что институты одинаковы во всех отраслях внутри страны. Их рассматривают как национальный, а не отраслевой фактор экономики. Недавнее исследование [Elango, Dhandapani 2020] показало влияние отраслевых институтов на поведение и результативность компаний. Фирмы выбирают параметры своей экономической деятельности внутри отрасли, основываясь не только на конкурентных соображениях, но и на специфически отраслевых институциональных факторах. Отраслевые институты, особенно на локальных и региональных рынках, могут как поддерживать конкурентные начала, так и способствовать формированию и поддержанию монопольных эффектов.

* * *

Анализ актуальных исследований в области конкуренции и монополии свидетельствует, что цифровизация меняет как форматы конкурентного поведения, так и атрибуты рыночной власти. Ключевые факторы монополизации отраслей и рынков сегодня связаны с информационно-коммуникационными технологиями, инструментами больших данных (особенно в сфере чувствительной персональной информации), стратегиями поиска товара онлайн и неявными активами. Новые бизнес-модели позволяют разрабатывать персонализированные рекламные предложения, предвидеть предпочтения клиентов в отношении новых товаров. С высокой вероятностью возможно определить будущее поведение покупателей, а также управлять их действиями. В условиях цифрового мира граница между благоприятными (конкурентными) и неблагоприятными (монопольными) стандартами функционирования компаний не всегда четко определена, что делает компании, потребителей и государство уязвимыми перед лицом новых цифровых вызовов современной экономики. Прежде чем объявить тот или иной образ действий конкурентным или монополистическим, следует детально исследовать весь спектр его последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пороховский А.А. (2020) Рыночный механизм американской экономики: роль цифровизации // США & Канада: экономика, политика, культура. Т. 50. № 5. С. 24–38.

Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2019) Эффекты становления и функционирования многосторонних рынков: подходы к исследованию // Общественные науки и современность. № 3. С. 52–65.

REFERENCES

Aghion Ph., Bergeaud A., Boppart T., Klenow P., Li H. (2019) Missing Growth from Creative Destruction. *American Economic Review*, vol. 109, no. 8, pp. 2795–5822.

Athey S., Luca M. (2019) Economists (and Economics) in Tech Companies. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 1, pp. 209–230.

- Autor D., Dorn D., Katz L., Patterson Ch., van Reenen J. (2017) The Fall of the Labor Share and the Rise of Superstar Firms. National Bureau of Economic Research. *Working Papers* 23396 (<http://www.nber.org/papers/w23396>).
- Barach M., Golden J., Horton J. (2019) Steering In Online Markets: The Role of Platform Incentives and Credibility. National Bureau of Economic Research. *Working Paper* 25917 (<http://www.nber.org/papers/w25917>).
- Baudry B., Chirat A. (2018) John Kenneth Galbraith et L'évolution des Structures Économiques du Capitalisme: d'une Théorie de L'entrepreneur à une Théorie de la Grande Entreprise? *Revue économique*, vol. 69, no. 1, pp. 159–187.
- Baumol W. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. *Journal of Political Economy*, vol. 98, no. 5, pp. 893–921.
- Burani N., Mantovani A. (2020) Non-linear Pricing and Conscious Consumption. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 68, 102549.
- Calvano E., Polo M. (2020) Market Power, Competition and Innovation in Digital Markets: a Survey. *Information Economics and Policy* (<https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2020>).
- Calzada J., Tselekounis M. (2018) Net Neutrality in a Hyperlinked Internet Economy. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 59, pp. 190–221.
- Chappell N., Jaffe A. (2018) Intangible Investment and Firm Performance. National Bureau of Economic Research. *Working Paper* 24363 (<http://www.nber.org/papers/w24363>).
- Dana J., Williams K. (2020) Intertemporal Price Discrimination in Sequential Quantity-Price Games. National Bureau of Economic Research. *Working Paper* 26794 (<http://www.nber.org/papers/w26794>).
- Ding Y., Zhang T. (2018) Price-directed Consumer Search. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 58, pp. 106–135.
- Elango B., Dhandapani K. (2020) Does Institutional Industry Context Matter to Performance? An Extension of the Institution-based View. *Journal of Business Research*, vol. 115, pp. 139–148.
- Esteves R., Resende J. (2019) Personalized Pricing and Advertising: Who are the Winners? *International Journal of Industrial Organization*, vol. 63, pp. 239–282.
- Farboodi M., Mihet R., Philippon T., Veldkamp L. (2019) Big Data and Firm Dynamics. National Bureau of Economic Research. *Working Paper* 25515 (<http://www.nber.org/papers/w25515>).
- Furman J., Orszag P. (2018) Slower Productivity and Higher Inequality: Are They Related? Peterson Institute for International Economics. *Working Paper*, no. 18–4.
- Gutierrez G., Philippon T. (2017) Declining Competition and Investment in the U.S. National Bureau of Economic Research. *Working Paper* 23583 (<http://www.nber.org/papers/w23583>).
- Haan M., Moraga-Gonzalez J., Petrikaite V. (2018) A Model of Directed Consumer Search. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 61, pp. 223–255.
- Haskel J., Westlake S. (2018) *Capitalism without Capital: The Rise of the Intangible Economy*. Princeton. Princeton Univ. Press.
- Hsieh Ch., Rossi-Hansberg E. (2019) The Industrial Revolution in Services. National Bureau of Economic Research. *Working Paper* 25968 (<http://www.nber.org/papers/w25968>).
- Lamoreaux N. (2019) The Problem of Bigness. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 3, pp. 94–117.
- Lande R.H. (2008) The Microsoft-Yahoo Merger: Yes, Privacy Is an Antitrust Concern. *FTC Watch*.
- Manant M., Rallet A., Rochelandet F. (2018) Privacy et Antitrust: des Régulations Contradictoires ou Complémentaires? *Revue économique*, vol. 69, no. 4, pp. 647–667.
- Mohnen P., Polder M., van Leeuwen G. (2018) ICT, R&D and Organizational Innovation: Exploring Complementarities in Investment and Production. National Bureau of Economic Research. *Working Paper* 25044 (<http://www.nber.org/papers/w25044>).
- Opara-Martins J., Sahandi R., Tian F. (2016) Critical Analysis of Vendor Lock-in and Its Impact on Cloud Computing Migration: A Business Perspective. *Journal of Cloud Computing: Advances, Systems and Applications*, vol. 5, no. 4, pp. 1–18.
- Parakhonyak A., Titova M. (2018) Shopping Malls, Platforms and Consumer Search. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 58, pp. 183–213.
- Porokhovskiy A.A. (2020) Rynochnyi mekhanizm amerikanskoi ekonomiki: rol' tsifrovizatsii [Market mechanism of the American economy: the role of digitalization] *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, vol. 50, no. 5, pp. 24–38.

Savage L., Gaynor M., Adler–Milstein J. (2019) Digital Health Data and Information Sharing: A New Frontier for Health Care Competition? *Antitrust Law Journal*, vol. 82, no. 2, pp. 592–621.

Shapiro C. (2019) Protecting Competition in the American Economy. *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 3, pp. 69–93.

Shastitko A.E., Markova O.A. (2019) Effekty stanovleniya i funktsionirovaniya mnogostoronnikh rynkov: podkhody k issledovaniyu [Effects of development and activity of multisided markets: approaches to investigation] *Obshchestvenye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 52–65.

Sutherland S., Chetty G. (2016) Investigation into Interoperability in Cloud Computing: An Architectural Model. *Journal of Computers*, vol. 11, no. 2, pp. 159–168.

Unver M.B. (2019) What Cloud Interoperability Connotes for EU Policy Making: Recurrence of Old Problems or New Ones Looming on the Horizon? *Telecommunication Policy*, vol. 43, pp. 154–170.

Wals F., Schinkel M. (2018) Platform Monopolization by Narrow–PPC–BPG Combination: Booking et al. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 61, pp. 572–589.

Декалог аграрной цифровизации ЕС

*Н.Б. КОНДРАТЬЕВА**

***КОНДРАТЬЕВА Наталья Борисовна** – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь Института Европы РАН. Адрес: 125009, Москва. Ул. Моховая, д. 11. Стр. 3. E-mail: nkondratieva@inbox.ru

В статье обобщены идейные основы и дана характеристика нынешнего этапа аграрной цифровизации в ЕС. Выявлены рамочные документы и направления дискуссии по вопросам развития цифровой стратегии Европейского союза в аграрной сфере. Автор замечает, что регулирование цифровых преобразований в сельском хозяйстве обусловлено не столько необходимостью повысить экономическую эффективность бизнес-процессов, сколько намерением облегчить контроль соответствия их критериям климатической нейтральности и инклюзивности. Стратегия цифровизации Общей сельскохозяйственной политики (ОСХП) сближает ее цели с целями устойчивого развития. С учетом успешной практики и мнений центров компетенции сформировано представление о принципах и десяти сферах, на которые распространено наднациональное содействие, составляющих своеобразный декалог аграрной цифровизации. Не утихающий в Европе и мире кризис, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, дает Европейской комиссии формальный повод для активизации цифровых преобразований в сельском хозяйстве. С опорой на правовые и инвестиционные инструменты регулирования она применяет тактику принуждения к прогрессу во имя повышения устойчивости сельского хозяйства перед лицом вероятных потрясений.

Ключевые слова: Цифровая стратегия, Общая сельскохозяйственная политика, наднациональное регулирование, пандемия COVID-19, устойчивое развитие, глобальные изменения климата.

DOI: 10.31857/S086904990013995-6

Цитирование: Кондратьева Н.Б. (2021) Декалог аграрной цифровизации ЕС // Общественные науки и современность. № 1. С. 73–84. DOI: 10.31857/S086904990013995-6

The EU Agricultural Digitalization Decalogue

*Nataliya B. KONDRATIEVA**

***Nataliya B. Kondratieva** – Candidate of Sciences (Economy), Associate Prof., Scientific Secretary of the Institute of Europe RAS. Address: 125009, Russia, Moscow, Mkhovaya Street, 11-3. E-mail: nkondratieva@inbox.ru

Abstract. The aim of the article is to summarize the ideological foundations and to characterize the current stage of agricultural digitalization in the EU. The author identifies the framework documents and areas of discussion on the development of the digital strategy of the European Union in the agricultural sector. Taking into account the successful practice and opinions of the competent centers, an idea was formed about the principles and ten areas that are covered by supranational assistance, which form a kind of Decalogue of agricultural digitalization. The author notes that the regulation of digital transformation in agriculture is due not so much to the need to increase the economic efficiency of business processes, but rather to the intention to facilitate the control of their compliance with the criteria of climate neutrality and inclusiveness. The digitalization strategy of the Common agricultural policy (CAP) brings its goals closer to those of sustainable development. The ongoing crisis in Europe and the world caused by the COVID-19 coronavirus pandemic gives the European Commission a formal reason to step up digital transformation in agriculture. Relying on legal and investment-based regulatory tools, it uses tactics to force progress in the name of improving the sustainability of agriculture in the face of probable shocks.

Keywords: Digital strategy, Common agricultural policy, supranational regulation, COVID-19 pandemic, sustainable development, global climate change.

DOI: 10.31857/S086904990013995-6

Citation: Kondratieva N. (2021) The EU Agricultural Digitalization Decalogue., *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* no. 1, pp. 73–84. DOI: 10.31857/S086904990013995-6 (In Russ.)

Глобальные климатические изменения и развитие цифровых технологий – ключевые обстоятельства, которыми сегодня обусловлено наднациональное вмешательство в аграрную экономику ЕС. И те, и другие создают экзистенциальный риск для европейского сельского хозяйства, вместе с тем подстегивая конкуренцию на аграрном рынке и прогресс отрасли. В отличие от изменений климата, цифровые трансформации уже поддаются управлению; вторые рассматриваются наднациональными институтами как инструмент для обуздания первых.

Пандемия COVID-19 показала важность цифровых навыков для работы в условиях ограничений на передвижения людей, придала импульс преобразованиям и включению цифровых приоритетов в отраслевые направления деятельности ЕС. В частности, пандемия высветила риски от срыва сезонных работ в сельском хозяйстве [Потемкина 2020], вместе с тем укрепила согласие общества с моделью удаленной работы и обнажила потребность в цифровизации многих сфер сельской жизни. Так, специальная аналитическая записка ОЭСР [Policy Implications... 2020], вышедшая в июне 2020 г., посвящена последствиям коронакризиса для развития сельских районов. В ее основе представлено новое видение сельской местности как более безопасного места жительства, ставшего временным убежищем для горожан. В документе отмечены не только отставание по показателям оснащенности медицинскими учреждениями и объектами сферы культуры, но и недостатки в развитии бытовых услуг водо-, электро- и газоснабжения, канализационной и проводной телекоммуникационной систем. Несомненно, это препятствовало способности сельских районов заменить городскую среду. Однако там, где уровень развития цифровой инфраструктуры оказался достаточным, недостаток в остальном был частично скомпенсирован.

Кризис, подтолкнувший общественное обсуждение, ускоряет достижение консенсуса по рамочным, законодательным и инвестиционным инициативам в сфере аграрной цифровизации; Европейская комиссия (ЕК) фактически получает карт-бланш на реализацию устойчивой цифровой повестки.

Исследование посвящено проблемам цифровой трансформации в сельском хозяйстве. В первой части осмыслены ее идейные основы и вызовы, во второй прослежено продви-

жение надлежащих преобразований в рамках компетенции ЕС. Автор преследует цель зафиксировать факт становления устойчивого цифрового сельского хозяйства как приоритетного направления Общей сельскохозяйственной политики ЕС под воздействием соответствующего направления науки. Для достижения цели использованы такие исследовательские методы, как анализ официальных докладов, изучение стратегических установок и поиск практических примеров деятельности.

Методологическая основа

В базисе анализа – концепция устойчивого развития и новая институциональная экономическая теория. Хорошо изученные с 1970-х гг., они служат руководством в конкретных практических областях. Сегодня концепция устойчивого развития предлагает основу для радикальных преобразований в экономике. Часто дорогостоящие, они минимизируют экологические разрушения, что в долгосрочной перспективе покажет экономическую эффективность [Гизатуллин, Троицкий 1998; Мингалева 2017; Кукушкина 2017]. Одно из научных направлений в пределах данной концепции – «зеленая экономика» – стремится повысить роль возобновляемых источников энергии и экологически чистых технологий в экономическом развитии, прогнозируя обесценивание активов обладателей углеводородных ресурсов [Порфирьев 2012; Порфирьев 2016].

В последнее десятилетие столь же динамично развивается еще одно научное направление – «цифровая экономика» – о процессах создания и распространения цифровых технологий [Гохберг 2019; Лексин 2020]. В ряде работ обоснована роль цифровых технологий в распространении зеленых. Более того, зеленая и цифровая экономика рассматриваются вместе как движущая сила и признак перехода стран в шестой технологический уклад. Предложена концепция «устойчивой цифровой экономики», развивающая идею о синергетическом эффекте соединения двух экономик [Перелет 2018; White Paper 2018; Scharlemann 2020]. В некоторых работах продолжается изучение вызовов цифрового прогресса [Лебедева 2019]. Такие исследования обосновывают наднациональное регулирование и поощрение устойчивой цифровой экономики [Худякова 2019]. Труды в рамках новой институциональной экономической теории помогают оценить подход, применяемый институтами ЕС при воплощении в жизнь своих установок [Зуев 2010; Кавешников 2015; Стрежнева, Прохоренко 2013].

В научной литературе прослеживается идея о том, что полезность внедрения цифровых технологий следует измерять за пределами традиционных показателей роста торговли и экономической эффективности. Важный критерий – общественное благополучие. Именно этот акцент и вдохновляет Цифровую стратегию ЕС.

Комментируя сказанное, поясню, что цифровая экономика не оправдывает ожидания: вместо повышения прибыли путем снижения издержек на физический труд, фонды, связь, транспорт, она оборачивается большими расходами на оплату квалифицированных кадров, закупку технологий, оборудования. Еще в конце 1980-х гг. нобелевский лауреат американский экономист Р. Солоу написал: «Компьютеры проникли повсюду, кроме статистических данных о производительности» [Solow 1987, с. 36]. На сокращение вклада мировой торговли в ВВП (в разгар ее оцифровки. – Н.К.) указал ведущий российский экономист С. Афонцев [Афонцев 2019]. Парадоксы цифровизации заставляют переформулировать оценку.

В качестве критериев стоит предложить ценностный вклад цифровой экономики в общественное благополучие. Если использование цифровых технологий помогает выполнению стандартов охраны окружающей среды, развитию профессиональных навыков, защите прав трудящихся и потребителей, созданию доступной среды, то оправдана выработка политико-правых методов принуждения экономических акторов к необходимым издержкам. Обосновано и включение таких расходов в государственные бюджеты.

По мнению британского экономиста-эколога Т. Джексона, «Склонность капитализма к эффективности не позволит стабилизировать климат или защитить планету от дефицита ресурсов» [Jackson 2009, с. 8] (без вмешательства наднациональных институтов и международных организаций. – Н.К.). Нобелевский лауреат, американец Дж. Стиглиц подчеркнул, что «только новый общественный договор, гарантирующий доступное здравоохранение, образование, пенсии, жилье, достойную работу может спасти либеральную демократию» [Stiglitz 2019].

Нынешний этап в развитии ЕС характеризуется повышенным уровнем затрат, которых невозможно избежать. Консенсус достигнут в результате широкого общественного обсуждения, и затраты уже стали частью общественного договора. Европейская модель координируемого рынка, где действует шумпетерианская «эффективная» конкуренция, допускает субсидиарную поддержку рыночных акторов наднациональными институтами. Регулирование операционализируется включением количественных ориентиров, укрепляющих фундамент европейских ценностей в различных сферах (социального развития, экологии, а теперь и цифровизации).

При раскрытии темы выделены две группы исследований. Первая группа дает представление о рисках цифрового преобразования сельского хозяйства. Вторая рассматривает роль цифровых технологий в реализации Стратегии умного, устойчивого и инклюзивного роста и нового Зеленого курса Европейской комиссии (ЕК). И те, и другие объединяет общий элемент – рекомендации по поощрению цифровизации.

В пределах первого подхода отметим ряд докладов ФАО [Цифровые технологии... 2019; Status of Digital Agriculture... 2020] и ЕК. В них дано представление об относительно низком стартовом уровне показателей сельских районов для целей цифровой экономики, что может обернуться неравномерным территориальным распределением ее выгод и еще большим отставанием сельской местности от городской. Показатели производительности труда в сельской местности ЕС составляют 80% от уровня городских районов, доходы и зарплаты – 60%. 31% всех фермеров в ЕС относятся к лицам старше 65 лет (в Португалии, в частности, их половина), и только 6% фермеров – к категории моложе 35 лет. Таким образом, на одного фермера моложе 35 лет приходится шесть фермеров старше 65 лет. 70% не получили никакой сельскохозяйственной подготовки, кроме собственного практического опыта. В Румынии, Болгарии, Греции, Хорватии, на Кипре и Мальте эта доля превышает 90% [Modernising and simplifying the CAP... 2019, с. 8–9]. В докладах, однако, сформулирована идея о широких возможностях цифровых технологий по повышению включенности сельской местности в рыночные отношения.

В рамках второго подхода можно отметить труды, изучающие эволюцию ОСХП ЕЭС/ЕС [Kosior 2019; Renda 2019; Renda et al. 2019], начиная с 1965 г. и вплоть до этапа цифровизации (*smart farming*) как политики управления данными о ценах, объемах и условиях сельхозпроизводства. Эксперты обосновали возможность направить технологии беспроводной связи, интернета вещей, искусственного интеллекта и блокчейна на службу таким приоритетам ЕС, как охрана окружающей среды, инновации и инклюзивность.

Структурирование проблемы с обозначением ограниченного количества (примерно до 10–12) подходов к ее решению как основы целеполагания, разработки правил или извлечения уроков, – излюбленный прием многих мозговых центров официального Брюсселя (например, Центра европейских политических исследований, Centre for European Policy Studies, CEPS). Анализ совокупности источников и литературы позволяет выделить эти десять направлений наднационального регулирования аграрной цифровизации. Успешные примеры из практики говорят о ее широких перспективах. Оправданность каждого из направлений общественно-значимой целью превращает их в своеобразный декалог (понятие декалог здесь употреблено в значении десять заповедей, десять предписаний, принимаемых на веру):

– адекватная телекоммуникационная связь. Цель – доступ к рынку и ресурсам для большего числа экономических акторов;

– совмещение технологий искусственного интеллекта с традиционными геоинформационными системами. Цель – рационализация землепользования, увеличение урожайности и сокращение эксплуатационных расходов. Пример применения – GAIA [Project GAIA 2019] – веб-приложение для производителей, регулирующих органов и организаций по биозащите. Оно помогает анализировать космические снимки высокого разрешения и аэрофотоснимки, в том числе сделанные беспилотными аппаратами, автоматически идентифицирует, анализирует посадки ценных культур, определяет площадь посевов, их состояние, подсказывает рациональное расположение посадок на склонах и др. Приложение было использовано для проведения Национальных переписей виноградников в Европе и Австралии, что позволило точнее (по сравнению с трудоемким и дорогостоящим ручным сбором данных) представить состояние развития собственной отрасли и отрасли конкурентов;

– внедрение платформенных технологий в процессы утилизации продукции. Цель – оптимальное распределение остатков и излишков, сокращение пищевых отходов, поддержка уязвимых слоев населения. Пример использования – сетевые розничные магазины. В частности, в 2016 г. компания Ahold Delhaize одной из первых в ЕС внедрила цифровую технологию дисконтирования продукции с истекающим сроком годности с целью сократить потери, отходы и увеличить количество потребителей;

– запрет дискриминации в электронной торговле; включение критериев устойчивого развития и научно-обоснованных критериев полезности в интернет-рекламу сельскохозяйственной продукции. Цель – укрепление основ единого сельскохозяйственного рынка ЕС;

– применение блокчейн-технологий в поставках агропродовольственных товаров. Цель – повышение прозрачности рынка. С 2017 г. продовольственные гиганты Walmart, Nestlé и Unilever используют блокчейн в партнерстве с технологическими компаниями FreshSurety, AgriDigital, HarvestMark, FoodLogiQ и Ripe.io;

– применение интерактивных моделей оказания консультационных услуг, передачи базовых навыков, укрепления основ партнерства. Цель – создание благоприятной среды для скорейшего внедрения НИОКР в практику; адаптация и достижение равенства шансов для всех категорий фермеров; сбалансированное территориальное развитие. Пример применения – стартап WeFarm (Лондон) – аналитики его позиционируют как крупнейшую в мире сеть обмена знаниями для мелких фермеров. В период 2014–2020 гг. из бюджета ЕС по линии Европейского сельскохозяйственного фонда для развития села и программы Горизонт 2020 финансируется проект Европейское инновационное партнерство для целей производительности и устойчивости сельского хозяйства (The European Innovation Partnership for Agricultural Productivity and Sustainability, EIP-AGRI). В дальнейшем ЕК намерена расширить этот проект, создав так называемые интерактивные системы распространения сельскохозяйственных знаний и инноваций (Agricultural Knowledge and Innovation Systems, AKIS) [Building stronger... 2019] с участием сельскохозяйственных акторов из разных государств-членов;

– использование интернета вещей для сбора сельскохозяйственных данных. Цель – получение объективных данных и мониторинг проблем. Пример применения – устройства, устанавливаемые в уборочную технику, которые определяют местонахождение, картируют посевные площади, собирают данные об урожайности, внесении семян, удобрений или пестицидов и помогают доказывать, что урожай был выращен с соблюдением надлежащих условий;

– предоставление стимулов для накопления и распространения данных, принадлежащих фермеру. Цель – укрепление основ экономики данных;

– ответственность за невыполнение правил и целевых показателей. Цель – эффективная конкуренция и снижение рыночной концентрации. Новые правила, принятые Европейской

комиссией и вступившие в силу в 2018 г., позволяют использовать данные спутников Copernicus и Sentinel и другие данные наблюдений Земли в качестве первичного доказательства [IoT and digital technologies... 2019, с. 8, 14] при проверке выполнения фермерами европейских стандартов охраны окружающей среды, защиты животных и других требований перед исчислением выплат по линии Европейского аграрного фонда. На этих правилах уже работают несколько коммерческих платформ – RECAP, APII, NIVA и др., которые оказывают фермерам необходимые услуги;

– применение этических норм в управлении данными и развитии искусственного интеллекта. Цель – укрепление основ устойчивого развития, соблюдение безопасности и неприкосновенности частной жизни. В конце 2018 г. институты договорились о европейской сертификации кибербезопасности цифровых продуктов/услуг и о постоянном мандате Агентства ЕС по кибербезопасности ENISA, уполномоченном выдавать такие сертификаты. Основа для выработки евростандартов изложена в Белой книге по искусственному интеллекту 2020 [White Paper on Artificial Intelligence 2020]. В ней перечислены обстоятельства, которыми оправдано использование таких технологий в общественном пространстве. Дано представление об оценке соответствия систем искусственного интеллекта требованиям безопасности по четырем критериям: соответствие европейским ценностям и правилам; наличие понятной для рядового пользователя четкой информации о назначении предлагаемой технологии, ее возможностях и пределах; техническая надежность и точности; существование надлежащего уровня надзора за системой со стороны человека.

Цифровая повестка ОСХП

По сравнению с документами пятилетней давности, посвященными обустройству единого цифрового рынка ЕС, цифровая стратегия на следующее десятилетие имеет более широкий контур. С ее помощью цифровые технологии подчиняются решению всеобъемлющей задачи устойчивого и сбалансированного роста. В феврале 2020 г. вышел базовый документ – сообщение о «Формировании цифрового будущего Европы» [Shaping Europe's digital future 2020] и два опорных документа – упомянутая Белая книга по искусственному интеллекту и Европейская стратегия в области данных [European strategy for data 2020]. В марте была обнародована стратегия для малых и средних предприятий [SME Strategy for a sustainable and digital Europe 2020] в качестве третьей опоры.

Одной из сфер приложения новой цифровой стратегии может стать сельское хозяйство. В документах ЕК сделан акцент на ответственности отрасли за значительную часть выбросов парниковых газов и химических загрязнений, расходование водных ресурсов, сокращение биоразнообразия, перепроизводство продовольственной продукции, ведущее к дополнительным отходам и нездоровому потреблению. Поскольку сельское хозяйство – традиционная сфера заботы институтов ЕС, то оно принимается за пространство, в котором можно смело действовать.

В 2018 г. цифровые приоритеты были заложены в законодательное предложение по очередной реформе Общей сельскохозяйственной политики. Одновременно сельское хозяйство названо одной из ключевых прикладных областей приложения европейских инвестиций в Плане ЕК по развитию технологий искусственного интеллекта [The EU Coordinated Plan on Artificial Intelligence 2018]. В 2019 г. сельскохозяйственную реформу включили в рамки нового Зеленого курса [The European Green Deal 2019].

Ключевой документ – Стратегия Европейской комиссии по укреплению биоразнообразия и внедрению показателей устойчивого развития в сельское хозяйство – опубликован в начале 2020 г. Документ под названием «От фермы до вилки» [Farm to Fork Strategy 2020] содержит количественные ориентиры по созданию экологически чистой агропродоволь-

ственной системы замкнутого типа в Евросоюзе. В основе Стратегии, во-первых, проект закона о климате [Commission proposal... 2020] о создании климатически нейтрального Союза к 2050 г., судьбу которого решал декабрьский саммит ЕС. Во-вторых, в сентябрьском 2020 г. климатическом целевом плане до 2030 г. намечено дальнейшее сокращение выбросов парниковых газов до 55% по сравнению с уровнем 1990 г. В-третьих, предусмотрено снижение к 2030 г. использования пестицидов на 50%, удобрений на 20%, противомикробных препаратов, используемых для сельскохозяйственных животных и аквакультуры, на 50%, доведение до 25% доли сельскохозяйственных земель под органическим земледелием. В документе содержатся и другие показатели, требующие исправления. Например, о положении 33 млн жителей Евросоюза, каждый второй день не получающих сбалансированного питания. В то же время 20% продукции пищевой индустрии Евросоюза уничтожают из-за того, что вовремя не нашлось потребителя.

В преамбуле отмечено, что пандемия COVID-19 еще более подталкивает европейцев к созданию надежной и устойчивой продовольственной системы, которая будет функционировать при любых обстоятельствах. Документ определяет цель Общей сельскохозяйственной политики на следующие семь лет: создание технологичного, открытого (основанного на обмене данными), инклюзивного, безотходного и чистого (в плане защиты окружающей среды и здоровья людей) сельского хозяйства. Цифровые технологии и связь, как следует из документа, – ключевое звено этой политики, объединяющее сельскохозяйственные НИОКР с процессом сбора данных, освоением знаний, достижением целевых показателей. Совершенствование интернет-связи, внедрение искусственного интеллекта и других цифровых решений – основа для перехода к точному земледелию, объективному анализу данных, снижению сельскохозяйственного перепроизводства, улучшению управления почвенными и водными ресурсами. Кроме того, в документе сделан акцент на необходимости рационального использования удобрений и противомикробных препаратов, сокращения выбросов парниковых газов и использования пестицидов, обеспечения замкнутого производственного цикла.

Реакция ЕК на углубление коронакризиса была выражена в ее установке на устранение дефицита цифровых активов и ускорение в накоплении данных, а также на достижение баланса развития двух направлений Общей сельскохозяйственной политики – поддержка сельскохозяйственных работников и самой сельской местности. С марта 2020 г. специальный уполномоченный орган ЕК по регулированию электронных коммуникаций (The Body of European Regulators of Electronic Communications, BEREC) проводит мониторинг проблем с интернет-трафиком в каждом государстве-члене, а также аккумулирует примеры возможных решений в области искусственного интеллекта и робототехники. Этап распространения успешной практики еще впереди. Однако уже в 2021 г. в сельском хозяйстве следует ожидать ускорения замены физического труда машинным. Стоит напомнить, что ныне в отрасли занято всего 2% экономически активного населения. Работы «в поле» выполняют в основном сезонные мигранты из Северной Африки и Восточной и Юго-Восточной Европы (для них был вынужденно ослаблен режим ограничений, введенный в связи с пандемией).

Стратегия принуждения к прогрессу

Начальную информацию о динамике цифровизации в сельском хозяйстве и сельской местности ЕС можно почерпнуть из ежегодно публикуемого комплексного Индекса цифровой экономики и общества (Digital Economy and Society Index, DESI; последний отчетный документ вышел в июне 2020 г., но составлен по данным 2019 г., то есть еще до пандемии). По показателю покрытия сетями 4G отставание сельских районов практически полностью преодолено; этот вид связи доступен на 99,4% территории ЕС. Однако

для интернета вещей (цифровых приборов, встраиваемых в сельскохозяйственную технику) необходима опора на следующее поколение мобильных технологий. Такие сети более высокой пропускной способности, или 5G, доступны только 20% домохозяйств в сельской местности ЕС; 10% сельских домохозяйств не охвачены никакими фиксированными сетями [Digital Economy and Society Index... 2020, с. 15, 20].

В целом, DESI пока в основном ориентирован на то, чтобы отслеживать динамику межстрановых диспропорций; проблема сокращения цифрового разрыва между городскими и сельскими районами специально не рассматривается. На необходимость составлять отдельный индекс DERSI (Digital Economy and Rural Society Index) указывают эксперты EPRI (Европейская платформа сельских инноваций – независимый виртуальный инновационный центр по развитию сельских инноваций, умных деревень, биоэкономики, цифровизации управления [What does... 2020]). Они призывают вести более глубокий учет различий между городской и сельской экономикой по таким критериям, как распространение интернет-услуг и электронной коммерции, использование цифровых технологий в бизнесе и управлении, распространение продвинутых навыков по работе со сложными цифровыми устройствами среди сельских жителей.

Сегодня, однако, нет однозначных данных о том, что сельские районы Евросоюза не имеют шансов преуспеть в использовании цифровых технологий. Городские районы всего на 1% опережают сельские по доле молодежи, и в них всего на 1% больше лиц старших возрастов, что не критично. Сельские районы хотя и имеют низкую долю людей с высшим образованием, но она растет. Наконец, эти районы получают основную долю трансфертов из Общего бюджета ЕС.

Фонды ОСХП – самые крупные фонды Общего бюджета (ежегодно располагают более 50 млрд евро) совмещены с системой администрирования и контроля. Она обеспечивает защиту финансовых ресурсов ЕС от злоупотреблений, обработку деклараций о сельскохозяйственной деятельности для начисления прямых выплат фермерам и выплат по программам развития села. В стратегию ЕК «От фермы до вилки» включен план перехода от физических проверок на фермах к системной автоматизированной проверке соответствия фермерских хозяйств целевым показателям в области устойчивого развития.

Проблемы нынешнего этапа вытекают из отсутствия наднационального регулирования права собственности на сельскохозяйственные данные. В результате не хватает объективных данных и имеются просчеты в ходе адресной поддержки хозяйств. Решение состоит, с одной стороны, в поощрении мерами ОСХП повсеместного использования интернета вещей. С другой – в вознаграждении фермеров за передачу на наднациональный уровень компетенции по управлению данными, полученными на их полях. В любом случае, предоставление трансфертов и вознаграждений бенефициарам по линии ОСХП еще с 2003 г. поставлено в зависимость от выполнения европейских стандартов, норм и количественных ориентиров, выработанных на наднациональном уровне (принцип именуется cross-compliance). Цифровизация же переводит административные процедуры на более продвинутый уровень.

В План восстановления от пандемии и перехода в следующее десятилетие (The Next Generation EU recovery plan [Council of the European Union 2020]) включен большой набор финансовых стимулов, одна часть которых относится к традиционным грантовым инструментам Общего бюджета, другая – к новым внебюджетным кредитным инструментам. Доступ к ним возможен, если с опорой на технологии объективного контроля соискатель докажет вклад хозяйств в выполнение задач построения экологически чистой, инклюзивной и инновационной/цифровой экономики.

Чтобы ориентировать колеблющиеся страны-члены на более масштабную инвестиционную деятельность, ЕК старалась заручиться согласием их региональных властей и профильных министерств с ее курсом. Комиссия просила заявлять о намерении вос-

пользоваться ее финансовыми инициативами, предлагала экспертные услуги по адаптации и поиску финансовых партнеров.

Такое согласие ЕК уже получила. В подписанной в 2019 г. странами ЕС (кроме Мальты) Декларации «Разумное и устойчивое цифровое будущее для европейского сельского хозяйства и сельских районов» [Declaration 2019], в частности, отмечена важность создания агропродовольственных цифровых инновационных центров (Agri-food digital innovation hubs) и систем повышения квалификации (Agricultural knowledge and innovation systems, AKISs). Принципиальное значение имеет и использование европейских космических программ EGNOS и Galileo и программы наблюдения Земли Copernicus для точной и эффективной эксплуатации автономной сельскохозяйственной техники. В мае 2020 г. ЕК приняла просьбы от 18 государств-членов на оказание услуг по включению в их территориальные программы задач зеленой и цифровой экономики и налаживанию диалога между заинтересованными сторонами [EU budget for recovery 2020].

* * *

Платформенные технологии, блокчейн, интернет вещей, искусственный интеллект открывают новую страницу в развитии сельского хозяйства ЕС. С их помощью возможно укрепить единство внутреннего рынка и облегчить обмен данными; они предоставляют объективную основу для распределения трансфертов ОСХП. Интерес официального ЕС к цифровым технологиям вытекает из возможности их использовать в качестве нетрадиционного инструмента ускорения в дополнение к сложившимся политико-правовым и инвестиционным инструментам регулирования.

Накоплен опыт внедрения цифровых технологий. Институты Евросоюза опираются на значительный объем практических знаний о возможностях и рисках цифровизации. По прогнозам, прямой результат – сокращение производственных издержек – может быть ограниченным из-за высокой стоимости цифровой трансформации. Главный ожидаемый результат – возможность решить задачи развития, например, провести рационализацию природопользования, создать хозяйства замкнутого цикла, ограничить объемы перепроизводства и расширить активность в европейском аграрном секторе. Эти цели относятся к категории задач высокого уровня или благих намерений, которыми может быть оправдано наднациональное регулирование цифровизации сельского хозяйства.

Тем самым обоснованы расходы Общего бюджета ЕС. ОСХП готова провести реформу с передачей на наднациональный уровень очередной порции ответственности и включением задач цифровизации в действующие механизмы финансовой обусловленности трансфертов. Прямые платежи фермерам и европейские инвестиционные программы, адресованные сельским районам, – стимулы, которые направят сельскохозяйственных акторов в русло стратегии ЕК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонцев С. (2019) Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 5. С. 36–46. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46
- Гизатуллин Х.Н., Троицкий В.А. (1998) Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. № 5. С. 124–130.
- Гохберг Л.М. (ред.) (2019) Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Зуев В.Н. (2010) Наднациональный механизм в системе глобального и регионального регулирования // Вестник международных организаций. № 4 (30). С. 10–20.

- Кавешников Н. (2015) Методы управления в Европейском союзе // *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 49–60.
- Кукушкина А.В. (2017) Концепция устойчивого развития (международно-правовые аспекты) // *Вестник Томского государственного университета. Право*. № 23. С. 29–39.
- Лебедева Л. (2019) Цифровая трансформация в социально-трудовой сфере: новые вызовы и возможности // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 12. С. 42–49.
- Лексин В.Н. (2020) Синтез общества потребления и информационного общества // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 2. С. 195–211. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-10
- Мингалева Ж. А. (2017) Идеи устойчивого развития: «яблоко раздора» или платформа для объединения // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика*. № 6. С. 23–41.
- Перелет Р.А. (2018) Экологические аспекты цифровой экономики // *Мир новой экономики*. № 12(4). С. 39–45.
- Порфирьев Б.Н. (2012) «Зеленая» экономика: общемировые тенденции развития и перспективы // *Вестник РАН*. № 4. С. 323–344.
- Порфирьев Б. (2016) «Зеленые» тенденции в мировой финансовой системе // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 9. С. 5–16.
- Потемкина О.Ю. (2020) Европейский союз: сезонные рабочие в условиях пандемии // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 5. С. 45–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520204551>
- Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. (2013) Управление экономикой в Европейском союзе: Институциональные и политические аспекты. Москва, ИМЭМО РАН.
- Цифровые технологии на службе сельского хозяйства и сельских районов. Справочный документ. 2019. Рим: Продовольственная сельскохозяйственная организация ООН.
- Худякова Л. (2019) Создание системы устойчивого финансирования в Европейском союзе // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 7. С. 16–22.

REFERENCES

- Afontsev S. (2019) *Novye tendencii v razvitii mirovoj ekonomiki* [New Trends in Global Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 5, pp. 36–46. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46>
- Digital technologies in agriculture and rural areas. Briefing paper. 2019. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations.
- Gizatullin H.N., Troickij V.A. (1998) *Koncepciya ustojchivogo razvitiya: novaya social'no-ekonomicheskaya paradigma* [The concept of sustainable development: a new socio-economic paradigm]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 124–130.
- Gohberg L.M. (red.) (2019) *Chto takoe cifrovaya ekonomika? Trendy, kompetencii, izmerenie* [What is digital economy? Trends, completions, measurement]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki.
- Kaveshnikov N. (2015) *Metody upravleniya v Evropejskom soyuze* [Methods of Governance in the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 8, pp. 49–60.
- Khudyakova L. (2019) *Sozdanie sistemy ustojchivogo finansirovaniya v Evropejskom soyuze* [Launching a Sustainable Financial System in the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 7, pp. 16–22.
- Kukushkina A.V. (2017) *Koncepciya ustojchivogo razvitiya (mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [The concept of sustainable development (international legal aspects)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, no. 23, pp. 29–39.
- Lebedeva L. (2019) *Cifrovaya transformaciya v social'no-trudovoj sfere: novye vyzovy i vozmozhnosti* [Digital Transformation in the Socio-Labor Sphere: New Challenges and Opportunities]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 12, pp. 42–49.
- Leksin V.N. (2020) *Sintez obshchestva potrebleniya i informatsionnogo obshchestva* [Synthesis of Consumer Society and Information Society]. *Kontury global'nyh transformatsyi: politika, ekonomika*. pravo, vol. 13, no. 2, pp. 195–211.
- Mingaleva ZH. A. (2017) *Idei ustojchivogo razvitiya: «yabloko razdora» ili platforma dlya ob"edineniya* [Sustainable development ideas: a "bone of contention" or a platform for unification]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 6. Ekonomika*, no. 6, pp. 23–41.

- Perelet R.A. (2018) Ekologicheskie aspekty cifrovoj ekonomiki [Ecology aspects of digital economics]. *Mir novoj ekonomiki*, no. 12(4), pp. 39–45.
- Porfir'ev B.N. (2012) «Zelenaya» ekonomika: obshchemirovyje tendencii razvitiya i perspektivy [«Green» economy: global development trends and prospects]. *Vestnik RAN*, no. 4, pp. 323–344.
- Porfir'ev B. (2016) «Zelenye» tendencii v mirovoj finansovoj sisteme [«Green» Trends in the Global Financial System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 60, no. 9, pp. 5–16.
- Potemkina O. (2020) Evropejskij soyuz: sezonnye rabochie v usloviyah pandemii [European Union: Seasonal Workers under COVID-19 Pandemic]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, no. 5, pp. 45–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520204551>
- Strezhneva M., Prokhorenko I. (2013) *Upravlenie ekonomikoj v Evropejskom soyuze: Institucional'nye i politicheskie aspekty* [Economic Governance in the European Union: Institutional and Political Issues]. Moscow, IMEMO RAN.
- Zuev V.N. (2010) Nadnacional'nyj mekhanizm v sisteme global'nogo i regional'nogo regulirovaniya [Supranational mechanism in the system of global and regional regulation]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, no. 4 (30), pp. 10–20.
- Building stronger agricultural knowledge and innovation systems (AKIS) to foster advice, knowledge and innovation in agriculture and rural areas (2019) European Commission. April 2019.
- Commission proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulation (EU) 2018/1999 (European Climate Law), COM (2020) 80 final.
- Communication on Artificial Intelligence for Europe, COM (2018) 237 final.
- Council of the European Union. Special meeting of the European Council (17, 18, 19, 20 and 21 July 2020). Conclusions (2020) Brussels, July 21.
- Declaration. A smart and sustainable digital future for European agriculture and rural areas (2019) Brussels. April 5 (<https://smartagrihubs.eu/latest/news/2019/August/DD3Declarationonagricultureandruralareas-signedpdf-%281%29.pdf>).
- Digital Economy and Society Index. Thematic chapters. Brussels, 2020.
- EU budget for recovery: Questions and answers on the Just Transition Mechanism (2020) European Commission. Brussels. May, 28 (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_931).
- European strategy for data, COM (2020) 66 final.
- Farm to Fork Strategy. For a fair, healthy and environmentally-friendly food system (2020) European Union.
- IoT and digital technologies for monitoring of the new CAP. AIOTI WG06 – Smart Farming and Food Security. May, 2019.
- Jackson T. (2009) *Prosperity without growth? The transition to a sustainable economy. Sustainable Development Commission* (http://www.sd-commission.org.uk/data/files/publications/prosperity_without_growth_report.pdf).
- Kosior K. (2019) *Towards a New Data Economy for EU Agriculture Studia Europejskie-Studies in European Affairs. December*, pp. 91–107. DOI: 1033067/SE.4.2019.6
- Modernising and simplifying the CAP. Background Document. Socio-Economic challenges facing EU agriculture and rural areas. Brussels: European Commission.
- Policy Implications of Coronavirus Crisis for Rural Development. 16 June. OECD 2020.
- Project GAIA (2019) (<https://projectgaia.ai/>).
- Renda A. (2019) Artificial Intelligence: Ethics, Governance and Policy Challenges, CEPS Task Force Report. Brussels: CEPS, February.
- Renda A., Reynolds N., Laurer M., Cohen G. (2019) Digitising Agrifood: Pathways and Challenges. Brussels: CEPS, BCFN.
- Shaping Europe's digital future, COM (2020) 67 final.
- Scharlemann J.P.W., Brock R.C., Balfour N. et al. (2020) *Towards understanding interactions between Sustainable Development Goals: the role of environment–human linkages*. *Sustain Sci* 15, pp. 1573–1584.
- SME Strategy for a sustainable and digital Europe, COM (2020) 103 final.
- Solow R. (1987) We'd better watch out. *New York Times Book Review*, July 12, p. 36.
- Status of Digital Agriculture in 18 countries of Europe and Central Asia (2020) Geneva: FAO.
- Stiglitz J. E. (2019) *The Economy We Need, Project Syndicate* May 3 (<https://www.project-syndicate.org/onpoint/the-economy-we-need-by-joseph-e-stiglitz-2019-05?barrier=accesspaylog>).

The EU Coordinated Plan on Artificial Intelligence COM (2018) 795 final.

The European Green Deal, COM (2019) 640 final.

What does the 2020 Digital Economy and Society Index (DESI) report tell us about digital development in rural areas? Not enough (2020) June 13 (<https://rural-innovation.eu/digital-economy-and-society-index-rural-areas/>).

White Paper Digital Technology and Environment (2018) IDDRI, FING, WWF France, GreenIT.fr.

White Paper on Artificial Intelligence – A European approach to excellence and trust, COM (2020) 65 final.

ЕС: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И СМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

EU: SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND CHANGING THE SOCIAL MODEL

Устойчивое развитие как фактор взаимодействия природы и общества (на примере стран ЕС)

*Г.Н. ПОНЕДЕЛКО**

***Понеделко Галина Николаевна** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований НИИ Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997 Москва Профсоюзная ул., 23. E-mail: marta0505@mail.ru

В статье рассмотрены особенности политики устойчивого развития стран Европейского союза на современном этапе. До начала пандемии четко прослеживались два ее стратегических направления. Первое – борьба с климатическими изменениями, охрана окружающей среды, постепенный переход на углеродно-нейтральную экономику. Второе – развитие устойчивого туризма, способного обеспечить финансирование и достижение его целей на всех направлениях (экологическом, социально-экономическом и культурном). Страны ЕС оказались наиболее пострадавшими от COVID-19 и одними из первых начали борьбу с его последствиями. В середине 2020 г. Европейская комиссия совместно с другими наднациональными органами ЕС разработала и приняла новую амбициозную программу действий по защите окружающей среды и борьбе с климатическими изменениями. Приоритетными ее направлениями стали цифровизация и экологизация интеграционного объединения. Несмотря на пандемию, туризм и путешествия по-прежнему неотъемлемая часть европейской «зеленой» стратегии устойчивого развития с акцентом на внутренний туризм. Будущий «постпандемический» имидж европейского международного туризма пока не определен.

Ключевые слова: устойчивое развитие, интегральный индекс устойчивого туризма, Зеленый курс, экосоциальное государство, зеленая и цифровая экономика.

DOI: 10.31857/S086904990013994-5

Цитирование: Понеделко Г.Н. (2021) Устойчивое развитие как фактор взаимодействия природы и общества (на примере стран ЕС) // Общественные науки и современность. № 1. С. 85–93. DOI: 10.31857/S086904990013994-5

EU: Sustainable Development as an Interaction Factor of Nature and Society

*Galina N. PONEDELKO**

***Galina N. Ponedelko** – Cand. Sci. (Econ.), senior researcher of the Center of European investigations at the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23 Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: marta0505@mail.ru

Abstract. The article examines the main features of the sustainable development policy of the EU countries over the past two decades. Before the start of the pandemic, its strategic focus was on combating climate change, protecting the environment, and a gradual transition to a carbon-neutral economy and alternative energy sources. Special attention was also paid to developing sustainable tourism as an important factor providing financing and the implementation of sustainable development goals in all its areas (environmental, socio-economic and cultural).

Finding themselves among the hardest hit by the Covid-19, the EU countries were among the first to initiate the fight against its consequences, including the intensification of actions to further promote sustainable development in the region. Since mid-2020, the EC and other EU supranational bodies have developed and adopted new ambitious programs to protect the environment from climate changes, set a course for building a new digital and green Europe, turning it by 2050 into the first continent free from CO₂ and other emissions, into the leader of world energy and a new eco-social society. An integral part of the European green strategy remains further promotion of sustainable tourism on the domestic territory. The future “post-pandemic” image of European international tourism is still uncertain.

Keywords: sustainable tourism, responsible tourism, ecological tourism, smart cities, competitive factors, integral index of sustainable tourism, cultural potential, European Green Deal.

DOI: 10.31857/S086904990013994-5

Citation: Ponedelko G. (2021) EU: Sustainable development as an interaction factor of nature and society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 85–93. DOI: 10.31857/S086904990013994-5 (In Russ.).

Климатический вызов устойчивому развитию

В сентябре 2015 г. государства ООН приняли амбициозную программу по охране окружающей среды «Цели устойчивого развития на 2030 год» (Sustainable Development Goals-SDGs). В ней обозначены 17 глобальных целей, призванных в течение 15 лет положить конец нищете и голоду, защитить планету от климатических изменений и их последствий, обеспечить населению доступ к чистой воде и электроэнергии, сохранить рабочие места и благосостояние, возможность путешествовать на принципах устойчивого туризма. Выполнение этих целей должно оказывать сбалансированное влияние на экономическую, социальную и природно-экологическую составляющие, обеспечивая устойчивое развитие (sustainable development) всех имеющихся ресурсов для нынешнего и будущих поколений [United Nations].

Данная программа, включая подписание Парижского соглашения по климату (декабрь 2015 г.) и «Европейский зеленый курс» (декабрь 2019 г.), — принципиально новая веха в истории человечества. Она свидетельствует о глубокой трансформации общественного сознания и нового гуманитарного просвещения как системного видения жизни. В частности, уважительного и ответственного отношения к природе и, как следствие, активного поиска путей разумного взаимодействия общества с окружающей средой.

Похоже, сегодня уходят в прошлое времена, когда человек противоборствовал окружающей его природной среде, серьезно нарушая ее гармонию и равновесие. В результате катастрофически обострились такие экологические проблемы, как загрязнение окружающей среды, чрезмерная эксплуатация природных ресурсов, сокращение биоразнообразия и исчезновение экосистем. По оценкам, именно на человеческой деятельности лежит ответственность за гибель 83% общей численности млекопитающих, изменение структуры землепользования, потери свыше 85% водно-болотных угодий. Только в 2018 г. в мире было уничтожено около 12 млн га леса, что по площади равно уничтожению 30 футбольных полей ежеминутно [World Economic Forum 2019^a]. Впечатляет и статистика утилизации мусорных отходов. В странах ЕС, например, из 27 млн т отходов ежегодно

перерабатывается только треть, каждую секунду в море выбрасывают 200 кг пластика, а его общий объем в водах мирового океана — 14 млн т [UNAV 2019].

Главный вызов для человечества сегодня – глобальное потепление, обусловленное техногенным вмешательством в окружающую среду (в том числе сжиганием ископаемого топлива, транспортными и промышленными выбросами). Повышение среднегодовой температуры приводит к длительным периодам сильной жары, от которой гибнет больше людей, чем от других природных катастроф. Таяние арктических льдов и ледников, повышение уровня мирового океана грозит затоплением гигантских прибрежных и других сельскохозяйственных территорий, серьезным продовольственным кризисом. Как следствие, увеличивается численность голодающих людей и «климатических беженцев», ухудшается качество жизни и резко обостряются другие социально-экономические проблемы.

Последние пять лет стали самыми жаркими за всю историю метеонаблюдений со среднегодовыми температурами, превышающими доиндустриальный период на 1,1 градуса (при критических 1,5 градусах) [World Economic Forum 2020^a] с рекордно высоким уровнем концентрации в атмосфере углекислого (CO_2) и других парниковых газов. Их главный источник – города, на которые приходится 75% общего объема вредных выбросов [World Economic Forum 2020^b]. Согласно недавнему заявлению генсека ООН А. Гутерреша этот процесс свидетельствует, что человечество стремительно приближается к наметившейся «точке невозврата» [Manzanaro 2019]. Необходимы срочные совместные действия на всех уровнях в борьбе против реальной климатической угрозы.

В опросе 2020 г. журнала «Глобальные риски человечества» среди руководителей ведущих международных государственных и частных компаний впервые за всю историю издания основная масса респондентов назвала первую «пятерку» самых главных рисков, грозящих человечеству в ближайшие 10 лет. В их числе: потепление климата 88,8%; разрушение экосистем 87,9%; проблемы со здоровьем, обусловленные загрязнением окружающей среды 87,0%; нехватка питьевой воды 86%; вырубка лесов, неконтролируемые природные пожары, ураганы, штормы, засуха 79,8% [World Economic Forum 2020^a]. Нынешнее поколение правительственных и деловых кругов отодвинуло на второй, третий и последующие планы остальные риски, связанные с состоянием экономики (динамика роста ВВП, ухудшение условий торговли, низкая инвестиционная активность, высокий уровень государственной задолженности). В меньшей степени беспокоит даже экономическая конфронтация между ведущими государствами, гео- и внутривосточная турбулентность, кибератаки, угроза ядерной войны и др.

Происходящая в последнее десятилетие экологизация общественного сознания, признание первичности законов природы привели к переосмыслению приоритетов, направлений и критериев проводимой сегодня государственной экономической политики. Раньше ее эффективность измеряли показателями экономического роста, масштабов, динамики и структуры ВВП. Однако сегодня, в условиях более тесного взаимодействия природы и общества, первостепенное значение будут иметь показатели жизнеспособности планеты, благосостояния и качества жизни граждан, степени приближения к целям устойчивого развития, что позволило бы противостоять любому кризису в будущем.

Европейский союз одним из первых в мире взял курс на устойчивое развитие, охрану природы и борьбу с климатическими изменениями, став инициатором подписания Киотского протокола 1997 г. Доля ЕС в выбросах углерода составляет 9% (против 41% для США и Китая) [El Blog Salmon 2020]. В 2000 г. на основе протокола Европейская комиссия разработала европейскую программу действий по сокращению к 2020 г. выбросов парниковых газов в среднем по региону на 18% ниже уровня 1990 г. К этому периоду относится и появление первых в Европе национальных природоохранных законодательств, установивших основные правовые нормы устойчивого природопользования, содержания

национальных парков и других природоохранных зон. Были опубликованы реестры национальных видов флоры и фауны, находящихся под угрозой вымирания или в режиме специальной защиты.

Лиссабонский договор 2009 г. положил начало общеевропейскому регулированию устойчивого развития и охраны окружающей среды с обязательным знакомством с его лучшими национальными практиками. 2010–2014 гг. стали периодом активизации общеевропейских действий в области устойчивого развития. В эти годы были приняты «Стратегический план превращения Европы в центр мирового туризма №1», а также первая программа финансирования устойчивого развития на 2014–2020 гг. с дальнейшей пролонгацией на 2021–2027 гг. В соответствии с программными установками первого семилетнего плана устойчивого развития национальные природоохранные законодательства европейских стран приобрели более комплексный и скоординированный характер. В них также включены планы развития устойчивого туризма. Как стратегически важный сектор, он активно влияет не только на природоохранный процесс и охрану окружающей среды, но и на социально-экономическое развитие, темпы роста экономики в целом. В перспективе модель устойчивого развития, в первую очередь в сфере туризма, предполагалось использовать в качестве мультипликатора в практике других стран и регионов мира.

Сектор туризма и путешествий как стратегическое направление устойчивого развития стран ЕС

Всемирная туристическая организация устойчивый туризм определяет как «туризм, который берет на себя полную ответственность за нынешнее и будущее экономическое, социальное и экологическое развитие с учетом интересов туристов, предпринимательства, местных общин и охраны окружающей среды» [UNWTO 2020^b].

В основу современной концепции устойчивого туризма, зафиксированной в 5 из 17 целевых направлений программы ООН «Цели устойчивого развития на 2030 год», изначально были положены принципы устойчивого природопользования и экологического туризма, разработка которых началась в 1970-е гг. Именно тогда дилемма устойчивого взаимодействия природы и растущего туристического потока решилась в пользу развития устойчивого туризма. При условии его рациональной организации он может и должен содействовать охране природы за счет средств самих охраняемых территорий.

Сектор туризма и путешествий до начала пандемии, безусловно, оказывал значительное влияние на устойчивое развитие стран ЕС, их экономику и формирование ВВП (в среднем по ЕС – свыше 10%). В 2019 г. международный туристический поток в страны ЕС составлял 579 млн человек, 39,6% мирового рынка туризма, а доходы от него превышали 430 млрд евро (32,5% общемировых) [UNWTO 2020^a]. Применительно к европейскому региону речь идет прежде всего о въездном туризме: 91% граждан ЕС предпочитают внутрирегиональные туристические направления, притом, что каждый второй путешествует по крайней мере раз в год.

ЕС стал мировым лидером по доходам и количеству принимаемых международных туристов, опережая остальные регионы мира по большинству показателей конкурентоспособности туристической отрасли. Основной из них – Интегральный Индекс конкурентоспособности сектора туризма и путешествий. Опубликованный в 2019 г. в докладе Всемирного экономического форума «Конкурентоспособность сектора туризма и путешествий», он составлял 4,3 против 3,9 и 4,2 для Америки и Азии. Более того, из 30 стран мира с самым высоким показателем Интегрального Индекса 16 стран – члены ЕС. «Тройка» лидеров – Испания, Франция и Германия – занимают первые места в этом рейтинге (с индексом 5,4, превышающим среднеевропейский и среднемировой (3,8)). С небольшим

отрывом по этому показателю следуют Италия, Греция, Австрия, Португалия и другие европейские страны [World Economic Forum 2019^b].

Наряду с интегральным индексом группа стран ЕС занимает ведущие позиции по большинству других показателей, определяющих конкурентоспособность устойчивого туризма. К ним относятся: безопасность, развитие систем здравоохранения и образования, информационно-технологическое обеспечение. Интересом к богатой природе и культуре этих стран во многом объясняется исключительная востребованность европейского региона со стороны международного туризма [Квашнин, Понеделко 2018].

Гораздо более слабые позиции большинство стран ЕС занимает по показателям экологической устойчивости, степени приоритетности и эффективности государственной политики по охране окружающей среды из-за серьезного давления растущего туристического потока. От его перегруженности (*overtourism*) страдали многие европейские города (Париж, Амстердам, Дубровник и др.). Побережья южноевропейских стран несли значительные издержки в связи с удорожанием стоимости земли и жилья, негативным влиянием на окружающую среду и снижением качества жизни.

В последние годы коренные жители этих городов начали проводить антитуристические акции, принимающие форму «туризмобии», «авиафобии». Они выступали против чрезмерной туристической перегруженности, за сохранение местной идентичности, «умной» и чистой городской среды. Звучат призывы проводить более гибкую политику в области контроля над туристическими потоками и их регулирования (диверсификация, десезонализация, деконцентрация). Жители требуют от правительств своих стран активизировать действия по развитию сельских территорий и созданию новых туристических направлений, инвестиционных платформ, социально-культурных и информационно-технологических кластеров. Необходимы и другие инновации, связанные с развитием безотходного производства, экономией воды и электроэнергии. Особое внимание уделено энергетическими проектам, необходимым для достижения цели Парижского соглашения по климату 2015 г. Доля туризма в общем объеме выбросов в атмосферу CO₂ составляет от 5% до 12,5%, из которых на транспорт и гостиничное обслуживание приходится 75% и 21%, соответственно [Pratt *et al.* 2011].

За период 2014–2020 гг. основной объем ассигнований на цели развития устойчивого туризма шел по линии двух европейских структурных фондов (Европейского фонда стратегических инвестиций, Европейского фонда регионального развития), а также Европейского Социального и Аграрного Фондов. Средства фондов шли на ключевые направления экономического и социального взаимодействия и сотрудничества стран ЕС, развитие межрегиональной кооперации в совместных «smart» проектах. Основные надежды приблизиться к устойчивому развитию на местном и региональном уровнях [COSME] возлагали на стимулирование деятельности и повышение конкурентоспособности европейских МСК.

Ожидалось, что 2020-й г., объявленный годом туризма и развития сельских территорий, завершит первую «семилетку» (2014–2020 гг.) устойчивого развития в европейских странах. 11 декабря 2019 г. председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен представила «Европейский Зеленый курс на 2021–2027 гг.» (The European Green Deal 2019). Он призван ознаменовать новую «переосмысленную» стратегию дальнейшего устойчивого развития региона на второй семилетний период. Главная цель плана – трансформировать регион в «социально-справедливое и процветающее сообщество с современной ресурсосберегающей и конкурентоспособной экономикой» [European Commission 2019^b]. Он должен стать первым в мире регионом, свободным от CO₂ и других вредных атмосферных выбросов, лидером мировой энергетики 2050 г.

Устойчивое развитие в условиях коронакризиса

Пандемия COVID-19, которую многие связывают с климатическими изменениями и загрязнением окружающей среды, вызвала спад всей европейской экономики и особенно сектора туризма и путешествий. За восемь месяцев 2020 г. туристический поток в страны Евросоюза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократился на 66,6%, авиаперевозки – на 90%, загруженность гостиниц составила всего 37%, доходы отрасли от международного туризма упали на 60–90% [UNWTO 2020^a].

С начала пандемии национальные правительства при участии ЕС для поддержки туристического сектора и других пострадавших отраслей выделили на условиях государственно-частного партнерства средства в размере 540 млрд евро в виде прямой помощи, грантов, финансовых и налоговых льгот, открытия кредитных линий [European Council 2020]. Средства направлены на краткосрочную поддержку ликвидности предприятий (на сохранение занятости и заработной платы, отсрочку налогов и предпринимательских выплат в систему социального страхования, снижение НДС на транспорт и др.). Особое внимание уделено программам дистанционного обучения сотрудников по повышению квалификации по востребованным сегодня специальностям в цифровой сфере, в области здравоохранения и обеспечения безопасности (систем очистки и дезинфекции), по внедрению бесконтактных и других новых технологических решений.

17–18 декабря 2020 г. лидеры стран Евросоюза окончательно согласовали общий долгосрочный бюджет на 2021–2027 гг. в объеме 1,824 трлн евро. В его рамках страны-члены ЕС намерены восстановить свою экономику после COVID-19 и заложить основы будущей цифровой, экологической и устойчивой Европы, более суверенной и приспособленной к текущим и предстоящим вызовам [European Council 2020]. Из этой суммы 750 млрд евро будет направлено на финансирование программы «Следующее поколение ЕС» – временного пакета чрезвычайных мер по восстановлению ущерба, причиненного пандемией. Оставшиеся средства намечено использовать для реализации целевых установок «Зеленого Курса»: борьбы с климатическими изменениями и защиты окружающей среды, стимулирования зеленой экономики и продвижения устойчивого развития в других социально-экономических областях. Вместе с ранее выделенными 540 млрд евро общий объем ассигнований на восстановление и модернизацию европейской экономики, ее дальнейшее продвижение по пути устойчивого развития на ближайшее десятилетие составляет 2,364 трлн евро. Столь значительная сумма из бюджета и европейских структурных фондов предоставлена впервые.

Одна из главных проблем стратегии зеленого курса — за счет каких средств и из каких источников будет обеспечиваться его финансирование? Катастрофическое падение валютных поступлений от международного туризма, неопределенные сроки его восстановления и будущего развития приведут к необходимости привлекать государственные и частные внешние заимствования, бюджетные доходы, использовать взносы стран-членов на основе НДС и др. Намечено, что к июню 2024 г. в результате реформ национальных налоговых систем и введения новых видов налогов (углеродного на импортируемые товары, на финансовые операции) и создания общей базы корпоративного налогообложения появятся и другие источники бюджетных доходов.

Средства будут концентрироваться и перераспределяться государствам-членам через специально созданные фонды. Фонд восстановления и устойчивости будет обеспечивать им финансовую поддержку (в размере 672,5 млрд евро), а Фонд справедливого перехода (Just Transition Fund, JTF) — переход к экологически нейтральной экономике. Цель последнего – социальная защита и целевая адресная поддержка (общим объемом не менее 150 млрд евро в период 2021–2027 гг.) [European Commission 2021]. Наиболее пострадавшим регионам, отраслям экономики, предприятиям это должно смягчить соци-

ально-экономические последствия переходного периода. Финансовые средства получают и Европейский фонд регионального развития, Социальный фонд, Фонд помощи наиболее обездоленным. Обязательная составляющая поддержки от фондов: страны ЕС должны разработать и предоставить собственные национальные планы восстановления экономики и устойчивого развития до 2026 г. при условии их одобрения Брюсселем. В национальные планы могут быть включены также реформы (административные, налоговые, в сфере здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения), которые не были проведены в предыдущие годы [European Council 2020].

Основной объем средств фондов (20% и 37%, соответственно) будет выделен на два стратегических направления устойчивого развития европейской экономики на текущее десятилетие – цифровую и экологическую трансформацию. Ускорение цифровизации на базе развития новейших технологий «следующего поколения» (суперкомпьютеров, квантовых вычислительных машин, блокчейн-платформ, искусственного интеллекта, систем безопасности сетевой инфраструктуры, цифровых микропроцессоров) поможет европейской экономике стать более инновационной, эффективной, устойчивой и конкурентоспособной. Одновременно этот процесс будет способствовать созданию новых рабочих мест (по оценкам, только в области высоких технологий потребуется 1 млн специалистов). Кроме того, поднимется уровень устойчивости системы образования и здравоохранения, изменятся способы общения людей, условия их работы, качество жизни. Конечным результатом технологической трансформации Европы должно стать повышение ее конкурентоспособности и обеспечение лидерства в цифровой сфере. В приоритете – создание Единого европейского цифрового рынка с высокой степенью защиты информационных и личных данных и возможностью использовать цифровые технологии к 2025 г. [Hosteltur 2021].

Амбициозные задачи предстоит решить странам ЕС и на пути «зеленого строительства» по сохранению природной среды региона и развитию «зеленой экономики», призванной улучшить качество жизни и питания европейцев. Пальма первенства здесь принадлежит борьбе с климатическими изменениями и сокращению выбросов парниковых газов к 2030 г. на 55% по сравнению с уровнем 1990 г. Финансовая поддержка будет оказана всем секторам экономики и компаниям с обязательством вести свою деятельность на принципах устойчивого развития, инвестировать в энергоэффективные технологии [Conseil européen 2021], поддерживать инновации в области экономики замкнутого цикла и переработки мусорных отходов, и т.п., обмениваясь информацией с международными партнерами.

Особое внимание в реализации «зеленого курса» Евросоюз уделяет и сектору туризма и путешествий. Акцент по восстановлению этого стратегического направления европейского устойчивого развития сделан на суверенизацию, социальный и внутренний туризм. В условиях пандемии именно последний продемонстрировал наибольшую устойчивость и стал катализатором развития множества его разновидностей (сельского, экологического, спортивного, социального). Например, в Испании летом численность населения в самых отдаленных ее муниципалитетах Галисии, Астурии, Кантабрии, Страны Басков шестикратно превышала численность жителей в зимний период [Hosteltur 2020]. В целом по европейскому региону внутренние туристические поездки, бронируемые в системе online за 2020 г., возросли с 45 до 70% [Hosteltur 2021]. Самая инновационная часть планов по восстановлению и развитию внутреннего туризма в странах ЕС – частичное прямое субсидирование (до 70% стоимости турпакета) гостиничного обслуживания наименее обеспеченных слоев населения. Ожидается, что это поможет усилить социально-экологическую составляющую устойчивого развития европейского региона.

Важный шаг Евросоюза по дальнейшему восстановлению внутреннего туризма – приглашение об унификации критериев, регулирующих передвижение европейских граждан

в условиях карантинных ограничений. В частности, принято решение о классификации и четырехцветном кодировании регионов в зависимости от эпидемиологической обстановки. Зеленые зоны – это области, где уровень зарегистрированных заболевших за последние 14 дней на 100 тыс. жителей не превышает 25%, а количество протестированных с положительным диагнозом ниже 4%. Оранжевым и красным цветом отмечены зоны с более высокими показателями заболеваемости. Серый цвет используют для обозначения областей, по которым нет достаточной информации по установленным критериям или с низким уровнем тестирования. Свободное передвижение граждан разрешено только между «зелеными» зонами.

Перспективы развития международного направления европейского туризма пока остаются неопределенными, так же как и сроки его восстановления. Каким будет завтрашний имидж международного туризма? Какие его виды и направления окажутся наиболее перспективными? Смогут ли им воспользоваться средние слои населения? Останется ли он фактором социально-культурного и экологического взаимодействия природы и общества? Ответить на эти вопросы сможет уже ближайшее десятилетие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Квашнин Ю.Д., Понеделко Г.Н. (2018) Развитие устойчивого туризма в Европейском союзе // Туризм: право и экономика. №4. С. 13–17.

Понеделко Г., Квашнин Ю., Гутник А., Трофимова О. (2018) Экологический туризм в странах Южной Европы // Мировая экономика и международные отношения. № 2. С. 73–82.

REFERENCES

Conseil européen (2021) *Intervention du président Charles Michel lors du One Planet Summit Biodiversité*. 11 Janvier (<https://www.consilium.europa.eu/fr/press/press-releases/2021/01/11/discours-du-president-charles-michel-lors-du-one-planet-summit-biodiversite>).

COSME. *Europe's programme for small and medium-sized enterprises* (https://ec.europa.eu/growth/smes/cosme_en).

El Blog Salmon (2020) *Los efectos que tiene el impuesto de carbono propuesto por la UE*. 15 Agosto (<https://www.elblogsalmon.com/economia/efectos-que-tiene-impuesto-carbono-propuesto-ue>).

European Commission (2019^a) *Recovery plan for Europe* (https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en).

European Commission (2019^b) *The European Green Deal*. 11 December (https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/european-green-deal-communication_en.pdf).

European Commission (2021) *The Just Transition Mechanism: making sure no one is left behind* (https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/actions-being-taken-eu/just-transition-mechanism_en).

European Council (2020) *A recovery plan for Europe* (<https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-recovery-plan/>).

Hosteltur (2020) *La España Verde, triunfadora del verano según el big data de los móviles*. 16 Octubre (https://www.hosteltur.com/139893_la-espana-verde-triunfadora-del-verano-segun-el-big-data-de-los-moviles.html).

Hosteltur (2021) *Web Summit: Así será el futuro tecnológico mas inmediato* 18 Enero (https://www.hosteltur.com/141690_web-summit-asi-sera-el-futuro-tecnologico-mas-inmediato.html).

Kvashnin Y.D., Ponedelko G.N. (2018) Razvitie ustojchivogo turizma v Evropejskom Soyuze. [Development of sustainable tourism in the European Union]. *Tourism: law and economics*, no. 4, pp. 13–17.

Manzanaro S.S. (2019) *COP 25 in Madrid: UN Secretary-General Guterres says planet is close to a point of no Return*. (<https://www.euronews.com/2019/12/02/live-un-leaders-and-delegates-arrive-in-madrid-for-the-climate-change-summit>).

Ponedelko G., Kvashnin Y., Gutnik A., Trofimova O. (2018) Ekologicheskiy turizm v stranah YUzhnoj Evropy [Ecological tourism in Southern Europe]. *World economy and international relations*, no. 2, pp. 73–82.

Pratt L., Rivera L. et al. (2011) *Tourism: investing in energy and resource efficiency* (https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/22014/11.0_tourism.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

UNAV (2019) *Libro Blanco de la Sostibilidad en las Agencias de Viajes* (http://unav.ws/pdf/2020/Libro_Blanco_Sostenibilidad_AAVV.pdf).

World Economic Forum (2019^a) *The Global Risks Report* (http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf).

World Economic Forum (2019^b) *The Travel & Tourism Competitiveness Report* (http://www3.weforum.org/docs/WEF_TTCR_2019.pdf).

World Economic Forum (2020^a) *The Global Risks Report* (http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf).

World Economic Forum (2020^b) *The Future of Nature and Business* (http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Future_Of_Nature_And_Business_2020.pdf).

United Nations. *Sustainable Development Goals* (<https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/>)

UNWTO (2020^a) *World Tourism Barometer*, vol. 18, Iss. 6 (<https://www.e-unwto.org/doi/epdf/10.18111/wtobarometerrus.2020.18.1.6>).

UNWTO (2020^b) *Sustainable development* (<https://www.unwto.org/sustainable-development>).

Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике

Ю.Д. КВАШНИН

***КВАШНИН Юрий Дмитриевич** — кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: ykvashnin@gmail.com

В статье рассмотрены актуальные тенденции в социальной политике ЕС в условиях пандемии коронавируса и глобальной рецессии. Ответом правительств стран-членов ЕС и общеевропейских органов власти на новый кризис стал отказ от неолиберальных подходов в пользу беспрецедентных финансовых вливаний, направленных на стимулирование экономики и занятости. Благодаря программам помощи пострадавшим предприятиям, европейские страны сумели избежать взрывного роста безработицы, что, однако, привело к разрастанию бюджетного дефицита и государственного долга.

Пандемический шок способствовал углублению интеграционных процессов в ЕС, делегированию новых полномочий на наднациональный уровень. Для преодоления последствий рецессии был введен в действие ряд чрезвычайных механизмов, основанных на принципе европейской солидарности. Самый масштабный из них – фонд «ЕС следующего поколения» – позволит не только оказать поддержку пострадавшим экономикам, но и сгладить возросшие за последнее десятилетие диспропорции между развитым Севером и стагнирующим Югом. Особое внимание уделено гармонизации европейских систем здравоохранения. Разворот в социальной политике возродил интерес к Европейской социальной модели, укрепление которой было названо одной из приоритетных задач начавшегося в январе 2021 г. председательства Португалии в ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейская социальная модель, социальное государство, пандемия коронавируса, социальное неравенство, рынок труда, безработица, здравоохранение.

DOI: 10.31857/S086904990013993-4

Цитирование: Квашнин Ю. Д. (2021) Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // Общественные науки и современность. № 1. С. 94–104. DOI: 10.31857/S086904990013993-4

The Coronavirus Pandemic and the U-turn in European Social Policy

*Yury D. KVASHNIN**

* **Yury D. Kvashnin** – Candidate of science (History), Head of Center for European Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: ykvashnin@gmail.com

Abstract. The article examines current trends in the European social policy in the context of the coronavirus pandemic and the global recession. National governments and European institutions responded to the new crisis by abandoning neoliberal approaches in favor of massive financial injections aimed at stimulating the economy and employment. By helping affected businesses, EU countries avoided a sharp rise in unemployment, but that kind of policy led to an increase in budget deficits and public debt.

The pandemic shock deepened the integration processes in the EU, facilitated the transfer of new powers to the supranational level. In order to overcome the consequences of the recession, a number of emergency mechanisms have been put in place, based on the solidarity approach. The most ambitious of them, the Next Generation EU recovery instrument, will allow not only to provide support to the affected economies, but also to smooth out the disproportions between the developed North and the stagnating South that have grown over the past decade. Particular attention is paid to the harmonization of European health systems. The turnaround in social policy has led to renewed interest in the European Social Model, strengthening of which has been identified as one of the priorities of Portugal's EU Presidency, which began in January 2021.

Keywords: European Union, European social model, welfare state, coronavirus pandemic, labor market, unemployment, healthcare.

DOI: 10.31857/S086904990013993-4

Citation: Kvashnin Yu.D. (2021) The coronavirus pandemic and the U-turn in European social policy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 94–104. DOI: 10.31857/S086904990013993-4 (In Russ.)

Пандемия коронавируса спровоцировала глубокую рецессию в экономике и стала самым серьезным потрясением, с которым сталкивался Европейский союз за все время своего существования. Тревожные процессы в сфере здравоохранения, снижение доходов населения, рост социальной эксклюзии, угроза безработицы – эти вызовы потребовали оперативного реагирования со стороны не только национальных правительств, но и общеευропейских органов власти.

Пандемический шок привел к усилению интеграционных процессов в ЕС и принятию ряда мер и инициатив на наднациональном уровне, имеющих отчетливо выраженное социальное звучание. Если в 2010-е гг. в политике ЕС первоочередным было обеспечение жизнеспособности валютного союза и сохранение финансовой стабильности [Стрежнева... 2014], зачастую за счет социальной сферы, то в условиях пандемии эти задачи отошли на второй план. В новых реалиях даже сторонники нелиберальной политики признают (по крайней мере, в публичных выступлениях), что наличие дорогостоящих систем здравоохранения и социальной защиты – это не излишество, унаследованное со времен «золотого века» социального государства, а необходимое условие устойчивого развития объединенной Европы. Соответственно, в политическом дискурсе возродился интерес к Европейской социальной модели (ЕСМ) как важной составляющей европейской идентичности.

Европейское здравоохранение: проблемы и подходы к реформированию

Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) пришла в страны ЕС спустя неполные два месяца после начала пандемии в Китае. Первый случай установлен 24 января 2020 г. во французском городе Бордо. Распространение вируса оказалось стремительным. К 21 февраля он был отмечен в девяти странах ЕС, 9 марта Италия первой среди стран интеграционного объединения объявила общенациональный карантин, а в середине того же месяца Всемирная организация здравоохранения назвала Европу новым эпицентром заболевания [WHO... 2020].

Во второй половине марта большинство европейских стран ввели карантинные ограничения. Однако уже тогда было очевидно, что остановить пандемию благодаря режиму самоизоляции не удастся. Ограничение контактов между людьми позволит лишь выиграть время, чтобы развернуть медицинскую инфраструктуру, нанять и обучить дополнительный персонал, закупить оборудование и лекарственные препараты. Примечательно, что максимально жесткие меры вводились в тех странах, где нехватка больничных мест ощущалась особенно остро¹.

На первоначальном этапе распространения вируса вся тяжесть борьбы с заболеванием легла на национальные правительства (за это впоследствии Еврокомиссия была вынуждена принести извинения [Euronews... 2020]). Совместные действия стран Евросоюза свелись к вывозу европейских граждан из Китая, закупке средств индивидуальной защиты, консультациям с участием эпидемиологов и вирусологов, предоставлению грантов компаниям, ведущим разработку вакцины. Как признала У. фон дер Ляйен, эти меры были запоздалыми: европейские политики недооценили угрозу пандемии [Bild... 2020], что привело к трагическим последствиям.

Согласно статистике Евростата, численность умерших в странах ЕС в период с марта по ноябрь 2020 г. возросла по сравнению со средним показателем за те же месяцы в 2016–2019 г. на 450 тыс. человек. Эти данные дают общую оценку воздействия пандемии на смертность, включая все смерти независимо от их причин. Первый пик избыточной смертности пришелся на август, второй – на ноябрь (прирост в эти месяцы составил, соответственно, 25 и 40%) [Eurostat... 2021]. Вспышка смертности – лишь одно из последствий пандемии для жизни и здоровья граждан ЕС. Есть и другие, которые только предстоит оценить, – вероятное сокращение рождаемости, ослабление общего иммунитета населения, негативное влияние на психическое здоровье.

По мнению экспертов, неподготовленность стран ЕС и Великобритании к пандемии в значительной мере стала результатом неолиберальной политики, которая вызвала ухудшение условий труда в сфере здравоохранения, падение зарплат, снижение уровня профессиональной подготовки в государственных медицинских учреждениях [Navarro... 2020]. Нехватка персонала, сокращение количества больничных коек, в том числе в отделениях интенсивной терапии, коммерциализация здравоохранения – эти проблемы были напрямую связаны с просчетами, которые были допущены в предыдущее десятилетие.

Как отмечено в недавнем докладе Корпоративной обсерватории Европы под броским заголовком «Когда рынок становится смертельно опасным», для предотвращения подобных эпидемий в будущем следует коренным образом пересмотреть политику в сфере здравоохранения. Во-первых, по окончании пандемии COVID-19 ЕС должен отказаться

¹ Например, в Греции, где болезненные реформы в сфере здравоохранения в 2010-е гг. привели к снижению качества медицинского обслуживания. С марта по май 2020 г. гражданам было запрещено покидать дома, не уведомив о планируемых передвижениях местные органы власти. Схожие схемы вводили в других южноевропейских странах и во Франции.

от возобновления мер жесткой экономии, диктуемых правилами Фискального пакта. Во-вторых, необходимо остановить либерализацию и приватизацию здравоохранения, прописав соответствующие требования на уровне директив ЕС, обязательных к исполнению для всех стран-членов. В-третьих, рекомендуется установить контроль над расходованием средств, выделенных в рамках плана восстановления ЕС, с тем, чтобы они шли на развитие государственных, а не частных лечебных учреждений (в том числе это должно касаться программы EU4Health 2021–2027, на которую выделено 9,4 млрд евро) [When the Market... 2021].

Очевидно, что перечисленные выше предложения в современных условиях труднореализуемы, поскольку политика в области здравоохранения остается прерогативой национальных правительств. Однако необходимость большей роли европейских институтов в защите здоровья граждан и устранении трансграничных эпидемиологических угроз мало кто оспаривает, и определенные шаги в этом направлении уже сделаны.

Во-первых, 17 июня 2020 г. Еврокомиссия представила Европейскую стратегию вакцинации. Она призвана ускорить разработку, производство и внедрение вакцин против COVID-19, и ее финансируют из средств специально созданного Инструмента экстренной помощи. Кроме того, на проекты, связанные с изучением новой коронавирусной инфекции, была перенаправлена часть средств из программы развития науки и технологий «Горизонт 2020». Во-вторых, был облегчен доступ к финансированию из европейских фондов для регионов, в которых местные системы здравоохранения не в состоянии справиться с пандемией (такую помощь, в частности, получили итальянские Умбрия и Кампания). В-третьих, Еврокомиссия объявила о создании Европейского союза здравоохранения, который должен заложить основы общеевропейской медицинской системы. Его задачи – содействовать улучшению здоровья граждан, предотвращать будущие эпидемии и повысить устойчивость национальных систем здравоохранения. Одной из первых мер станет расширение полномочий – на основании уже имеющихся нормативно-правовых документов – Европейского центра профилактики и контроля заболеваний и Европейского агентства лекарственных средств [European Commission... 2020].

Многие эксперты, однако, отмечают, что перечисленные выше решения носят половинчатый характер и без изменения законодательной базы Европейский союз здравоохранения станет очередным проектом без реального наполнения. По мнению итальянского исследователя А. Алеманно, начинать строительство союза следовало бы с закрепления на директивном уровне минимальных стандартов в области медобслуживания и доступа к медицинским услугам, обязательных для всех стран ЕС. Стандарты должны включать такие параметры, как количество коек, численность докторов и медсестер на душу населения, оснащенность отделениями интенсивной терапии, уровень госрасходов на здравоохранение², доступность медицинской помощи для всех, включая уязвимые группы населения [Alemanno... 2020]. О запросе на более глубокую интеграцию в данной сфере свидетельствует публикация в 2020 г. Манифеста, собранного подписи многих известных медиков, с призывом инкорпорировать положение о Европейском союзе здравоохранения в Договор о функционировании ЕС и официально закрепить за наднациональными органами власти новые компетенции [Manifesto... 2020].

Рецессия в экономике и меры социальной поддержки

Евросоюз оказался хуже подготовлен к пандемическому кризису, чем другие страны и регионы. Экономические проблемы здесь проявились еще в 2018 г., когда большинство стран ЕС вступило в полосу экономической стагнации. В 2019 г. некоторые из них,

² Этот показатель варьирует в диапазоне от 3% (Республика Кипр) до 9,4% (Германия).

включая Германию — локомотив европейской экономики, — находились на пороге рецессии. Хозяйственная динамика ЕС пребывала под давлением таких факторов, как стагнация в мировой торговле (особенно сильно она ударила по странам, ориентированным на экспорт), неблагоприятные отраслевые сдвиги (в том числе падение спроса на продукцию автомобилестроения), неопределенность вокруг Брексита, которая сохранялась до начала 2020 г. Негативное воздействие оказывали также усиливавшиеся диспропорции между развитым Севером и отстающими южноевропейскими странами, которые жесткая фискальная политика в ЕС лишь усугубляла.

После начала пандемии режим самоизоляции усилил вышеперечисленные эффекты, нанеся серьезный урон розничной торговле, туризму, ресторанному бизнесу и многим другим секторам экономики. Продолжили сворачиваться внешнеэкономические контакты, нарушались устоявшиеся производственные и логистические связи между отдельными странами ЕС, ограничивалось движение рабочей силы. Самый тяжелый период пришелся на весенние месяцы 2020 г., когда карантинные ограничения были повсеместными. Снятие части из них в третьем квартале привело к частичному восстановлению экономики, которое, однако, прервалось с новым ухудшением эпидемиологической обстановки. По предварительным оценкам, падение ВВП в странах ЕС-27 по итогам года составило 6,4%, что стало одним из худших показателей в мире [Euronews... 2021].

Самый сильный удар по экономике и, как следствие, социальной сфере испытали на себе южноевропейские страны – Италия, Испания, Португалия и Греция, а также Франция, Бельгия и вышедшая из ЕС Великобритания. В наименьшей степени кризис затронул Ирландию, страны Северной Европы и Польшу. Глубину рецессии обусловили характер и продолжительность карантинных мер, падение вклада в экономику туристической отрасли, больше всего пострадавшей от локдаунов, качество государственного управления. В выигрышном положении оказались страны, ранее проводившие ответственную бюджетную политику и имевшие невысокую государственную задолженность – Германия, Нидерланды, страны Центральной и Восточной Европы и пр. По оценкам Института Брейгеля, самые масштабные меры прямой финансовой поддержки среди стран ЕС были приняты в ФРГ (8,3% ВВП) и Дании (5,5%), в то время как обремененные долгами Греция и Португалия по этому показателю оказались в числе аутсайдеров (3,1 и 2,5% ВВП соответственно) [Anderson... 2020].

Общей чертой мер ЕС на национальном уровне стала их направленность на поддержание занятости, чтобы не допустить массового банкротства компаний. Работодателям были предоставлены отсрочки по налоговым выплатам, введены сокращенные ставки по налогам и сборам в фонды социального страхования, оказана поддержка стратегически важным предприятиям. Кроме того, в ряде стран государство субсидировало выплату заработных плат работникам³. Особое внимание к сохранению занятости неслучайно: в ЕС свежа память о долговом кризисе, во время которого безработица в таких странах, как Испания и Греция, превышала 25% экономически активного населения. Отметим, что европейские страны, в отличие от, например, США и Японии, не предпринимали масштабных мер по прямой поддержке населения (в большинстве случаев они носили точечный характер и направлялись на помощь наиболее уязвимым группам).

Такой подход в будущем может привести к негативным последствиям для экономики, включая сохранение на рынке убыточных предприятий («компаний-зомби»). По мере выхода стран ЕС из рецессии и ослабления мер поддержки бизнеса такие компании, не выдержав конкуренции, будут уходить с рынка. С большой вероятностью это при-

³ В Германии, например, правительство стало выплачивать 67% зарплаты работникам временно простаивающих предприятий.

ведет к всплеску безработицы уже в период посткризисного восстановления⁴. Другой побочный эффект – стремительный рост государственной задолженности. По предварительным данным, средневзвешенный дефицит бюджета в 2020 г. в ЕС-27 составил 9,7% к уровню ВВП [IMF... 2020]. Для «легализации» роста расходов Еврокомиссия пообещала национальным правительствам «полную бюджетную гибкость», тем самым временно дезавуировав условия Маастрихтского соглашения, согласно которым данный показатель должен укладываться в 3% ВВП.

На наднациональном уровне необходимость помощи пострадавшим странам признали уже в марте 2020 г., когда Еврокомиссия объявила о выделении дополнительных инвестиций в размере 37 млрд евро на смягчение последствий коронавируса, перенаправив на эти цели средства из Общего бюджета ЕС. Однако эти меры явно не соответствовали глубине экономического кризиса, и 10 апреля министры финансов ЕС согласовали гораздо более масштабную программу на 540 млрд евро. Средства были предоставлены через Европейский стабилизационный механизм (240 млрд), Европейский инвестиционный банк (200 млрд) и специальный инструмент для борьбы с безработицей – SURE (100 млрд). Цель – в создании трех «сетей финансовой безопасности» – для стран-членов ЕС, бизнеса и работников [European Commission... 2020]. В частности, инструмент SURE был направлен на финансирование краткосрочных схем поддержки занятости и предназначен как для наемных работников, так и самозанятых, столкнувшихся с риском потери работы или снижения доходов. В основу схемы положена идея солидарности: займы нуждающимся странам предоставляют за счет взносов других государств, вклад которых пропорционален их доле в ВНД ЕС. Прозрачность проектов обеспечивает специальный рамочный документ, гарантирующий, что средства будут направлены именно на социальные цели [Говорова... 2020].

Наиболее значимой инициативой ЕС, имеющей хотя и не столь отчетливо выраженное социальное измерение, стало создание 750-миллиардного фонда восстановления «ЕС следующего поколения», дополнившего семилетний бюджетный план на 2021–2027 гг. (1 трлн 74 млрд евро). Для финансирования фонда Еврокомиссия планирует проводить займы на открытом рынке со сроком погашения до 2058 г. Из 750 млрд евро 390 млрд будет предоставлено странам ЕС в виде грантов, оставшаяся сумма – в форме кредитов, причем главными получателями станут отстающие страны. Относительно ВНД наибольшие суммы достанутся Греции, Португалии, Словакии, Румынии и Латвии, а в абсолютных значениях – Испании, Польше и Италии [Darvas... 2020]. Данная инициатива, поддержанная Германией, которая изначально противилась самой идее выпуска общих для ЕС долговых обязательств, стала важным шагом по преодолению межстрановых социально-экономических контрастов интеграционного объединения.

Европейская социальная модель: обретение утраченных смыслов

Пандемия COVID-19 не только потребовала от национальных правительств и общеевропейских органов власти экстренных мер по усилению эпидемиологической безопасности и поддержке населения и занятости, но также оживила дискуссию о будущих приоритетах социальной политики и, говоря шире, перспективах Европейской социальной модели (ЕСМ).

Изначально концепция ЕСМ впервые была предложена еще в середине 1980-х гг., и ее противопоставляли неолиберальной (англо-саксонской) модели. Она основана на идее сбалансированного развития, сочетающего экономическую эффективность с социальной

⁴ По прогнозам Евростата, безработица в ЕС-27 в 2021 г. возрастет с 7,7 до 8,6%.

справедливостью [Биссон... 2020]. С инструментальной точки зрения выдвижение концепции преследовало одну конкретную цель – сделать европейскую интеграцию более привлекательной в глазах трудящихся⁵. Граждане участвующих в ней стран должны убедиться, что она не повлечет за собой сколь-либо серьезных социальных издержек [Delivering Empowered Welfare Societies... 2016].

Со временем, однако, возможности ЕСМ стали вызывать все больше сомнений, особенно в период европейского долгового кризиса первой половины 2010-х гг. Тогда для стабилизации финансовых систем правительства стран-членов ЕС были вынуждены пойти по пути рестриктивной бюджетной политики, больно ударившей по благосостоянию граждан и социальным достижениям предыдущих десятилетий. В связи с этим некоторые комментаторы отмечали, что ЕСМ переживает глубокий кризис. М. Драги, в то время председатель Европейского центробанка, в интервью изданию *The Wall Street Journal* заявил, что ЕСМ «уже стала достоянием прошлого» [Interview with Mario Draghi... 2012]. Другое резонансное заявление о несовместимости прежней социальной политики с задачами обеспечения экономического роста сделал король Нидерландов Виллем-Александр. В своей тронной речи 2013 г. он констатировал, что «классическое социальное государство медленно, но верно эволюционирует в общество участия», в котором «каждый, кто на это способен, должен взять на себя ответственность за свою жизнь и свое ближайшее окружение» [Speech from the Throne... 2013].

Подводя итоги социального развития в период с учреждения ЕС и заканчивая серединой 2010-х гг., известный экономист Д. Воган-Уайтхед отмечал, что неолиберальный курс подточил такие основополагающие принципы ЕСМ, как право работников на труд и соблюдение надлежащих условий труда, универсальность и устойчивость системы социальной защиты, продвижение трехстороннего социального диалога с участием органов государственной власти, работодателей и профсоюзов, снижение социальной дифференциации [The European Social Model... 2015].

Алармистский взгляд на перспективы ЕСМ так и не стал политическим мейнстримом. Даже правые политики в большинстве своем (по крайней мере, на словах) признавали важность ее сохранения, но уже в ином – реформированном виде. Кроме того, «идя в ногу со временем» [Каргалова... 2016], концепция ЕСМ обрела новыми смысловыми наслонениями (повышенное внимание к экологии, защита прав меньшинств), что де-факто вело к размыванию социальной повестки.

Еще одна заметная тенденция — смещение акцента с социальной защиты на развитие человеческого капитала. В этом смысле заслуживает внимания прочно вошедшая не только в научный, но и в политический дискурс концепция государства социального инвестирования. Основная идея ее автора, британского ученого Э. Гидденса, заключается в том, что ЕСМ можно и следует сохранить, однако направить в первую очередь на решение экономических задач (например, увеличение инвестиций в здравоохранение и образование рассматривать как необходимое условие повышения производительности труда). По сути, это была попытка примирить ЕСМ с восторжествовавшими в 2010-е гг. неолиберальными принципами, доказать (и в этом Э. Гидденс видел свою главную миссию), что экономика и социальная сфера – единое целое [Five minutes... 2013]. Вместе с тем такое видение ЕСМ противоречит укорененному в большинстве стран объединенной Европы представлению о том, что социальное измерение политики имеет важность *per se*, а права человека, в том числе социальные, не должны быть обусловлены соображениями экономической целесообразности.

⁵ Как сказал в своем знаменитом обращении к Европарламенту 1989 г. восьмой председатель Еврокомиссии Ж. Делор, «нельзя влюбиться в единый рынок» [Bulletin of the European Communities... 1989].

Во второй половине 2010-х гг. социальному развороту в политике ЕС по-прежнему препятствовал целый ряд обстоятельств. Среди них – сложная финансовая ситуация в странах Южной Европы, приверженность европейских лидеров (хотя и не всех) ранее избранному и, как тогда казалось, доказавшему свою эффективность неолиберальному курсу, относительная слабость левых партий, неготовность национальных правительств делегировать полномочия в сфере социальной политики на наднациональный уровень. В то же время продолжение рестриктивной политики было сопряжено с такими негативными последствиями, как рост недоверия граждан к европейским институтам и их разочарованности в результатах интеграции. Кроме того, снизилась популярность центристских партий, в ряде стран к власти пришли популистские силы, требовавшие от ЕС большей самостоятельности.

Серьезным импульсом пересмотреть социальную повестку стал Брекзит, который, с одной стороны, продемонстрировал хрупкость европейского объединения, а с другой – открыл новые возможности для координации остальных стран ЕС в решении социальных вопросов. Именно Великобритания более других стран противилась углублению интеграции, в том числе в социальной сфере [Ананьева... 2017]. Неудивительно, что принятая Еврокомиссией в 2017 г. инициатива создать Европейскую опору социальных прав (ЕОСП) отличалась компромиссным характером. Подчеркивая важность социального измерения политики, она вносила сравнительно мало нового по сравнению с более ранними документами⁶.

Подлинная реабилитация ЕСМ в ее изначальном представлении произошла в 2020 г., когда избыточная смертность и другие социальные потрясения в общественном сознании были увязаны с недофинансированием социальной политики. Подобные оценки все громче звучали со стороны не только ученых и экспертов, но и политиков, общественных и религиозных деятелей. Так, большой резонанс получила энциклика Папы Римского Франциска «О братстве и социальной дружбе», в которой он отметил, что «рынок сам по себе не может решить все проблемы, как бы нас ни просили верить этой догме неолиберальной веры». Неолиберализм, по мнению понтифика, «лишь воспроизводит сам себя, прибегая к магическим теориям «эффекта перелива» или «просачивающегося богатства» – как к единственному решению социальных проблем». Он неспособен устранить неравенство, которое порождает новые формы угрожающего обществу насилия. В качестве альтернативы Папа предложил вернуться к экономической политике, которая ставит во главе угла уважение к человеческой личности и основана на принципах солидарности и взаимного доверия [Франциск... 2021].

Окончательно точки над «i» расставила А. Меркель. В выступлении перед европейским Комитетом регионов в октябре 2020 г. федеральный канцлер ФРГ однозначно высказалась за развитие ЕСМ в том виде, в каком ее задумывали архитекторы европейской интеграции. В частности, она отметила, что социально-экономическую модель ЕС отличает тот факт, что «мы думаем об экономических и социальных делах как о двух сторонах одной медали», добавив, что не все в мире разделяют выбранный Евросоюзом подход (очевидный намек на США и Великобританию) [Speech by Federal Chancellor... 2020]. Примечательно, что ранее Меркель всегда настаивала на соблюдении Фискального пакта даже в ущерб социальным программам.

«Укрепление устойчивости Европы и доверия граждан к Европейской социальной модели» названо приоритетной задачей председательства Португалии в Совете ЕС, которое пришлось на первую половину 2021 г. Особое внимание к социальным вопросам было

⁶ Наиболее значимыми нововведениями стали пункты, касающиеся минимального гарантированного дохода (в Испании на момент принятия ЕОСП он действовал на уровне автономных сообществ, а в Греции и Италии и вовсе отсутствовал) и равных возможностей для получения пенсий (в некоторых странах ЕС для мужчин и женщин действует разный возраст выхода на пенсию).

обусловлено не только необходимостью преодолеть негативные последствия «коронакризиса», но и технологическими изменениями (четвертая промышленная революция и роботизация производства), способными усугубить и без того непростую ситуацию с занятостью.

Для продвижения ЕСМ выделены следующие конкретные направления работы: установление адекватной минимальной оплаты труда во всех странах ЕС, адаптация системы профессиональной подготовки к потребностям экономики в условиях ее быстрой цифровизации, борьба с дискриминацией, бедностью и социальной эксклюзией, а также активизация межгосударственного сотрудничества в области защиты общественного здоровья. Кроме того, важной задачей определено дальнейшее укрепление принятой четырьмя годами ранее ЕОСП, с тем чтобы она «обрела конкретное значение в жизни граждан» [Portuguese Presidency... 2021].

* * *

Пандемия коронавируса спровоцировала серьезные сдвиги в социальной политике ЕС и заставила европейские элиты принимать решения, противоречащие прежнему экономическому курсу. Неолиберальную политику, особенно в сфере здравоохранения, стали воспринимать как контрпродуктивную, в том числе и по сугубо экономическим соображениям. Беспрецедентная по своей глубине рецессия, вызванная карантинными мерами, наглядно это показала. В то же время купирование новых эпидемиологических угроз вряд ли возможно без углубления европейской интеграции и передачи на наднациональный уровень полномочий в сфере здравоохранения. Этот процесс уже идет, однако предпринятые меры пока носят ограниченный характер и не всегда находят поддержку со стороны национальных правительств. Еще сложнее обстоят дела с другими направлениями социальной политики, такими как регулирование на уровне ЕС минимального размера оплаты труда и гармонизация систем социального обеспечения. Реабилитация ЕСМ, безусловно, может сыграть определенную роль в повышении доверия граждан ЕС к европейским институтам. Однако остается открытым вопрос, удастся ли наполнить ее конкретным содержанием в условиях экономических вызовов (старение населения, снижение конкурентоспособности европейской экономики, обострение проблем в области государственных финансов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьева Е.В. (2017) Брекзит: причины, политический фон, последствия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 7. С. 104.
- Биссон Л.С. (2020) Европейская социальная модель: содержание и ограничения // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 66.
- Говорова Н.В. (2020) Социальная политика и рынок труда (сентябрь-ноябрь 2020) // *Европейский союз: факты и комментарии*. Вып. 102. С. 60.
- Каргалова М.В. (2016) Размышляя о будущем Европейского союза // *Современная Европа*. № 4 (70). С. 116.
- Стрежнева М.В. (2014) Европейская социальная модель и перспективы социальной политики Европейского союза // *Год планеты*. Ежегодник. М.: Идея-Пресс. С. 35.
- Франциск (2021) Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе. М.: ИД «Медина». С. 137–138.

REFERENCES

- Alemanno A. (2020) Towards a European Health Union: Time to Level Up. *European Journal of Risk Regulation*, vol. 11 (4), pp. 721–725.
- Ananieva E.V. (2017) Brekzit: prichiny, politicheskii fon, posledstviya [Brexit: Reasons, Political Background, Implications]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ehkonomika, pravo*, vol. 10, no. 7, p. 104.
- Anderson J. et al. (2020) *The fiscal response to the economic fallout from the coronavirus* (<https://www.bruegel.org/publications/datasets/covid-national-dataset>).
- Bild (2020) «Wir alle, die keine Experten sind, haben das Virus unterschätzt» (<https://www.bild.de/politik/inland/politik-inland/coronavirus-von-der-leyen-wir-alle-die-nicht-experten-sind-haben-es-unterschaezt-69459290.bild.html>)
- Bisson L.S. (2020) Evropeiskaya sotsial'naya model': sodержanie i ogranicheniya [European Social Model: Contents and Limits]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 1, p. 66.
- Bulletin of the European Communities (1989) No Supplement 1/89. Luxembourg: Office for official publications of the European Communities.
- Darvas Z. (2020) *Next Generation EU payments across countries and years* (<https://www.bruegel.org/2020/11/next-generation-eu-payments-across-countries-and-years>).
- Delivering Empowered Welfare Societies (2016) Stetter E. et al. (Ed.) Oficyna Wydawnicza Aspra-JR, pp. 145–165.
- Euronews (2020) EU Commission President offers 'heartfelt apology' to Italy, as MEPs debate coronavirus response (<https://www.euronews.com/2020/04/16/eu-commission-president-offers-heartfelt-apology-to-italy>).
- Euronews (2021) Eurozone economy shrank less than feared – Eurostat estimate (<https://www.euronews.com/2021/02/02/eurozone-economy-shrank-less-than-feared-in-2020-eurostat-estimate>).
- European Commission (2020) Coronavirus Response – Overview of the Commission's response (https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/overview-commissions-response_en).
- Eurostat (2021) Excess mortality statistics (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Excess_mortality_-_statistics).
- Five minutes with Anthony Giddens: «The European social model can and must survive the crisis»* (2013) (<https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/11/04/five-minutes-with-anthony-giddens-the-european-social-model-can-and-must-survive-the-crisis/>).
- Frantsisk (2021) *Ehntsiklika. Fratelli tutti. O bratstve i sotsial'noi družhbe*. Moscow: ID «Medina», pp. 137–138.
- Govorova N.V. (2020) Sotsial'naya politika i rynek truda (sentyabr'-noyabr' 2020) [Social Policy and Labor Market (September-October 2020)]. *Evropeiskii soyuz: fakty i kommentarii*, vol. 102, p. 60.
- IMF (2020) World Economic Outlook Database, October 2020 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/select-aggr-data>).
- Interview with Mario Draghi*, President of the ECB, conducted by Robert Thomson, Matt Karnitschnig, and Brian Blackstone (2012) (<https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2012/html/sp120224.en.html>).
- Kargalova M.V. (2016) Razmyshlyaya o budushchem Evropeiskogo soyuza [Thoughts on European Union's Future]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4 (70), p. 116.
- Manifesto for a European Health Union (2020) (<https://europeanhealthunion.eu>).
- Navarro V. (2020) The Consequences of Neoliberalism in the Current Pandemic. *International Journal of Health Services*, vol. 50 (3), pp. 271–275.
- Portuguese Presidency of the Council of the European Union (2021) (<https://www.2021portugal.eu/media/rohpiisqf/portuguese-presidency-en.pdf>).
- Speech by Federal Chancellor Angela Merkel on the German Presidency of the Council of the EU to the European Committee of the Regions* (2020) (<https://www.eu2020.de/eu2020-en/news/reden/merkel-committee-of-regions-covid-eu2020/2404852>).
- Speech from the Throne* (2013) (<https://www.royal-house.nl/documents/speeches/2013/09/17/speech-from-the-throne-2013>).
- Strezhneva M.V. (2014) Evropeiskaya sotsial'naya model' i perspektivy sotsial'noi politiki Evropeiskogo soyuza [European social model and prospects for social policy of the European Union]. *God planety. Ezhegodnik*. Moscow: Ideya-Press, p. 35.

The European Social Model in Crisis Is Europe Losing its Soul? (2015) Vaughan-Whitehead D. (Ed.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, pp. 12–27.

When the market becomes deadly. How pressures towards privatisation of health and long-term care put Europe on a poor footing for a pandemic (2021) Brussels (<https://corporateeurope.org/sites/default/files/2021-01/healthcare-privatisation-final.pdf>).

WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19 (2020) (<https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-mission-briefing-on-covid-19---13-march-2020>).

© Ю. Квашнин, 2021

ЭКОНОМИКА БРИТАНИИ: АМБИЦИИ И СТРАТЕГИИ *THE UK ECONOMY: AMBITIONS AND STRATEGIES*

Антикризисная альтернатива Великобритании

*А.В. КУЗНЕЦОВ**

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – доктор экономических наук, профессор Департамента мировых финансов, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49. E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

В статье рассмотрены факторы, обеспечивающие устойчивость воспроизводства британской социально-экономической модели в долгосрочной перспективе. Раскрыты некоторые особенности концептуальной роли Великобритании в формировании глобального мироустройства. Показано влияние ковидкризиса на экономику Соединенного Королевства и обобщены причины самого глубокого падения производства в истории страны. Представлены факторы хронического снижения производительности на британском рынке труда и стратегические подходы к разрешению данной проблемы. Обсуждены некоторые положения Соглашения о торговле и сотрудничестве между Великобританией и Европейским союзом. Проанализирована концепция суверенных денег как возможный ответ британских экспертов на вызовы современных кризисов.

Ключевые слова: социально-экономическое моделирование, финансовые инновации, технологические трансформации, ковидкризис, экономика Соединенного Королевства, производительность труда, промышленная стратегия, соглашение между Великобританией и ЕС, суверенные деньги.

DOI: 10.31857/S086904990013421-5

Цитирование: Кузнецов А.В. (2021) Антикризисная альтернатива в Великобритании // Общественные науки и современность. № 1. С. 105–116. DOI: 10.31857/S086904990013421-5

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета по прикладной научно-исследовательской теме: «Развитие валютного полицентризма и регионализации в процессе трансформации мировой валютно-финансовой системы».

The United Kingdom Anti-crisis Alternative

*Aleksei V. KUZNETSOV**

Aleksei V. Kuznetsov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of World Finance, Leading Researcher, Institute of World Economy and International Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 49, Leningradsky Prosp., Moscow, 125993, Russian Federation. E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

Abstract. The article deals with the factors that ensure the sustainability of the reproduction of the British socio-economic model in the long term. Some features of the conceptual role of the UK in the formation of the global world order were studied. The impact of the COVID-19 on the economy of the United Kingdom was shown and the reasons for the deepest decline in production in the history of the country were summarized. The factors of chronic decline in productivity on the British labor market and strategic approaches to solving this problem were presented. Some provisions of the Trade and Cooperation Agreement between the UK and the European Union are discussed. The concept of sovereign money is analyzed as a possible response of British economic experts to the challenges of modern crises.

Keywords: socio-economic modeling, financial innovation, technological transformation, COVID-19, UK economy, labor productivity, industrial strategy, EU-UK Trade and Cooperation Agreement, sovereign money.

DOI: 10.31857/S086904990013421-5

Citation: Kuznetsov A. (2021) The United Kingdom Anti-Crisis Alternative. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 105–116. DOI: 10.31857/S086904990013421-5 (In Russ.)

Великобритания выступает пятой экономикой мира по размеру ВВП [IMF 2020] и объему экспорта [The World Bank 2020], занимает первую в мире позицию по величине положительного сальдо торговли финансовыми услугами [TheCityUK 2020, p. 8]. Соединенное Королевство относится к одной из наименее регулируемых экономик [The World Bank 2019] и входит в пятерку стран по уровню развития инноваций, привлекая больше зарубежных инвестиции в НИОКР, чем многие крупные конкуренты, включая Германию, Францию и Китай [Cornell University, INSEAD, WIPO 2020]. Несмотря на демонстрацию столь высоких показателей, 2020 год ознаменовался для страны рекордным падением производства, вызванного крайне негативной реакцией рыночных структур на коронавирус и брекзит. В настоящее время правительство Великобритании реализует амбициозную промышленную стратегию, цель которой – превратить страну в наиболее инновационную экономику мира к 2027 г. Вполне вероятно, что осуществление намеченных структурных трансформаций и сохранение передовых позиций страны в мировой экономике потребуют от британских политиков обращения к проверенному временем опыту решения задач внутреннего развития за счет разработки инновационных подходов регулирования финансового сектора и их популяризации.

Синтез либерализма и дирижизма

По мнению президента Института Адама Смита М. Пирри, залогом успеха англосаксонской модели служат ее уникальные принципы – соперничества (*adversarial principle*) и эволюции (*evolutionary principle*) [Pirie 2010]. С учетом непреходящего влияния Великобритании на глобальное мироустройство трудно переоценить практическое воплощение данных принципов в жизнь. Именно Соединенное Королевство внесло значительный вклад в становление международной политической системы, формирование

экономического, финансового, научно-технологического, информационного и культурного облика современного мира.

Ценой поддержания внутренней политической устойчивости и влияния в международных отношениях было незыблемое сочетание либеральных и дирижистских методов в регулировании экономической активности [Reinert 2008]. Для предотвращения дестабилизации экономики после краха финансовой пирамиды Компании Южных морей в течение 100 лет (1720–1825 гг.) в Англии действовал закон, запрещавший создавать новые публичные акционерные общества. Британия активно пропагандировала либеральные идеи Адама Смита, хотя до середины XIX в. считалась страной, проводившей в отношении остального мира наиболее бескомпромиссную протекционистскую политику [Chang 2002]. После Второй мировой войны для компенсации утраченных колониальных доходов основные отрасли экономики (включая Банк Англии) были национализированы и введены чрезвычайные налоговые ставки (доходившие до 98%) на доходы наиболее богатых индивидов [Ликетти 2016, с. 501].

Одновременно британские политики работали над созданием наиболее благоприятного режима для притока в страну иностранных капиталов. В результате этой кропотливой работы появилась первая мировая валютная система с ключевой ролью фунта стерлингов и возник крупнейший международный финансовый центр в Лондонском Сити. После того, как в 1880 г. США опередили Великобританию по объему внешней торговли, фунт стерлингов еще более полувека сохранял статус ведущей резервной валюты. Так, в 1947 г. на него приходилось более 80% международных валютных резервов [Eichengreen, Chifu, Mehl 2014, p. 10] – иными словами, политика порой играет более важную роль, чем масштабы экономики, бизнеса и финансов.

Распад Британской империи, довершенный Суэцким кризисом, потребовал новых схем извлечения финансовых прибылей из остального мира. В период кризиса Бреттон-Вудской системы и нефтяных шоков 1970-х гг. символом финансовой либерализации стал лондонский Еврорынок, позволивший банкам принимать депозиты и выдавать кредиты в иностранных валютах в обход национальных законов и правил. В 1980-х гг. эстафету дерегулирования приняло правительство М. Тэтчер. Оно распространило действие неолиберальных принципов на биржевую торговлю, страховой и инвестиционный бизнес, что устранило всевозможные препятствия для масштабного притока в британскую экономику капиталов из других стран, прежде всего из США. В 1990-х гг. неолиберальная парадигма получила дальнейшее развитие в рамках доктрины «Третьего пути». Она фактически узаконила офшорную финансовую модель глобального рынка с ключевой ролью налоговых гаваней, наиболее значимые из которых находились в прямой или косвенной британской юрисдикции [Shaxson 2018]. Благодаря этим инновациям Лондон вернул себе право выступать крупнейшим международным финансовым центром. И поныне британская столица возглавляет список глобальных городов, наиболее благоприятных для притока международных инвестиций [Cushman&Wakefield 2019, p. 7].

COVID-19 и брекзит подвели черту под полувековым этапом неолиберальных экспериментов, благодаря которым Британия практически без ограничений черпала энергию из внешнего мира. Очевидно, наступило время, когда для восстановления экономической динамики Туманному Альбиону вновь придется обратиться к проверенным временем методам жесткого регулирования внутренней экономической активности.

Влияние COVID-19 на британскую экономику

Экономика Великобритании сильно пострадала от последствий пандемии коронавируса, что повлекло за собой самое глубокое падение ВВП среди стран Большой семерки, составившее 21,2% в первой половине 2020 г. Столь негативную реакцию рынка на по-

следствия пандемии возможно объяснить длительным периодом ограничительных мер правительства (локдауна), чрезвычайной ролью сферы услуг в структуре национального хозяйства и глубокой интеграцией британского бизнеса в мировую экономику.

Во время первой ковид-волны режим изоляции был введен в Великобритании позже (с чем также связывают повышенное количество летальных случаев от вируса) и на более длительное время, чем в ряде других европейских стран. Влияние ковид-шока на экономику было неравномерным. Наибольший спад наблюдался в сферах туризма, транспорта и развлечений. Относительно защищенными от последствий пандемии оказались отрасли, которые в основном смогли продолжить работу, соблюдая правила социального дистанцирования, такие как финансовые услуги, энергетика и сельское хозяйство.

Следует отметить, что британская экономика чрезвычайно зависима от сектора услуг, на который приходится порядка 80% ВВП. В октябре 2020 г. в 45 из 51 сферы услуг уровень производства был ниже, чем в феврале 2020 г. Больше всего пострадали воздушный транспорт (-83,5%), индустрия развлечений (-58,4%), железнодорожный транспорт (-51,8%) и гостиничный бизнес (-40,8%). Аналогичная ситуация наблюдалась в 27 из 44 обрабатывающих производств. Причем наиболее сильное падение было отмечено в отраслях по техническому обслуживанию самолетов (-36,3%) и их производству (-22,4%), производству оружия и боеприпасов (-24,8%), а также производству кокса и нефтепродуктов (-22,0%) [Office for National Statistics 2020^a].

В обрабатывающей промышленности Великобритании важную роль играет автомобильный сектор, на который приходится более 8% совокупного промышленного производства. Автомобильная промышленность Соединенного Королевства глубоко интегрирована в мировую экономику: в 2017 г. было экспортировано 80% от общего количества произведенных в стране автомобилей (по сравнению с 77% в 2015 г.) [Leeson 2019, p. 7]. Производство автомобилей в Великобритании в сентябре 2020 г. было на 5,0% ниже, чем в предыдущем году, главным образом из-за сокращения поставок в крупные зарубежные страны-импортеры, включая Китай, ЕС и США [Office for National Statistics 2020^b].

Несмотря на резкое падение экономической активности во втором квартале, занятость сохранилась на достаточно высоком уровне. В октябре 2020 г. уровень безработицы составлял 4,9%, что всего на 1,1% выше, чем годом ранее. Удержать работников и избежать банкротств помогли правительственные гранты, ссуды, налоговые каникулы и льготы для бизнеса. Быстрый рост безработицы (имевший место в США) был предотвращен, в частности, благодаря Схеме сохранения вакансий по коронавирусу (Coronavirus Job Retention Scheme – CJRS). С целью сохранить рабочие места в рамках этой схемы правительство выразило готовность компенсировать 80% заработной платы (но не более 2500 ф. ст.) сотрудникам компаний, отправленных в вынужденный отпуск в условиях локдауна. В свою очередь, в рамках Схемы поддержки дохода от самозанятости (Self-Employment Income Support Scheme – SEISS) самозанятые смогли получить налогооблагаемую субсидию в объеме до 80% от размера их предыдущего среднеарифметического заработка за последние три года.

Правительство предоставило юридическим лицам отсрочку налоговых платежей на сумму 40 млрд ф. ст. Более миллиона фирм взяли ссуды под гарантии правительства, а для компаний из сферы гостиничного бизнеса НДС был снижен с 20% до 5%. Банк Англии с марта дважды снижал ставку учетного процента с 0,75% до 0,1%, и увеличил до 895 млрд ф. ст. покупку корпоративных и государственных облигаций в рамках политики «количественного смягчения». В совокупности данные меры помогли сократить количество банкротств почти на треть по сравнению с 2019 г. Несмотря на такую поддержку, численность занятых с марта по сентябрь 2020 г. сократилась на 750 000 человек.

Введение вышеозначенных правительственных мер нанесло тяжелый и растущий урон государственным финансам. Правительство выделило огромные суммы на лечение

инфицированных, контроль над распространением коронавируса и смягчение его финансовых последствий для домохозяйств и предприятий. Превентивные налогово-бюджетные меры правительства могут привести к увеличению дефицита бюджета до 394 млрд ф.ст. (19% ВВП) и росту долга до 105% ВВП – самых высоких их показателей, соответственно, с 1944–1945 и 1959–1960 фискальных лет [Office for Budget Responsibility 2020, p. 5].

Резкому росту отношения государственного долга к ВВП благоприятствует тот факт, что правительство берет займы сроком до трех лет под отрицательные процентные ставки и имеет возможность выпускать долговые обязательства со сроком погашения на 50 лет и стоимостью обслуживания менее 0,5% годовых. Кроме того, большая часть государственного долга Соединенного Королевства имеет длительный срок погашения. В марте 2020 г. 42% обязательств долгового портфеля имели срок погашения более 15 лет, в то время как средний срок погашения государственных облигаций и казначейских векселей составлял 15 лет. По мнению экспертов ОЭСР, одной из мер снижения чувствительности государственного долга к повышению процентных ставок в среднесрочной и долгосрочной перспективе может стать фиксация низкой процентной ставки по долгосрочным займам для финансирования чрезвычайных расходов [OECD 2020, pp. 28–29].

Проблема низкой производительности

Помимо необходимости преодолеть негативные последствия ковидкризиса другой ключевой проблемой экономического развития Великобритании стало хроническое снижение производительности труда за последнее десятилетие. Его считают самым глубоким с начала промышленной революции, произошедшей 250 лет тому назад. Британские ученые связывают замедление роста производительности с длительным воздействием кризиса 2008 г. на финансовую систему, слабыми достижениями компьютерных технологий в последние годы после их бума в конце 1990-х и начале 2000-х гг., а также неопределенностью торговых отношений после брежзита, подрывающих инвестиции в сферу бизнеса [Partington 2020].

Замедление темпов роста производительности также характерно для США и других стран с развитой экономикой, но в Великобритании данная проблема проявляется наиболее резко: по темпам роста почасового производства в период 2008–2017 гг. страна заняла 31-е место среди 35 стран ОЭСР. Учитывая, что Великобритания занимает лидирующие позиции в сфере занятости с использованием ИКТ, где рост производительности наиболее высок, снижение общей производительности выглядит парадоксальным.

Среди ведущих британских экономистов существуют два широких подхода к объяснению этого феномена. Первый фокусируется на факторах предложения, включающих профессиональную квалификацию сотрудников. Второй подход обусловлен факторами спроса, связанными с финансовым кризисом, жесткой экономией и другими причинами медленного роста спроса в последнее десятилетие [Ilzetzki 2020].

С целью стимулировать производительность британское правительство с 2017 г. реализует амбициозную Промышленную стратегию, призванную к 2027 г. превратить Соединенное Королевство в наиболее инновационную экономику в мире. В частности, предполагается к 2027 г. увеличить общий объем инвестиций в НИОКР с 1,7% до 2,4% ВВП. К 2024–2025 гг. запланированы валовые капиталовложения на сумму около 640 млрд ф.ст. (в среднем 5,8% ВВП в год) [Department for Business, Energy and Industrial Strategy 2017]. Правительство взяло на себя обязательство к 2050 г. стать первой в мире экономикой с нулевыми выбросами углекислого газа в атмосферу. Следует подчеркнуть, что амбициозная Промышленная стратегия была принята на следующий год после референдума о членстве Великобритании в ЕС (2016 г.).

Будущее после брекзита

После четырех с половиной лет изнурительных переговоров 24 декабря 2020 г. Великобритания подписала Соглашение о торговле и сотрудничестве с ЕС, ознаменовавшее начало нового этапа торговых отношений в связи с официальным выходом страны из состава Союза 31 января 2020 г. Напомню, что первый референдум о целесообразности такого членства проходил еще в 1975 г. С тех пор различные движения и организации поддерживали евроскептические настроения. В начале 1990-х гг. именно для этих целей была создана Партия Независимости Соединенного Королевства (ПНСК), впоследствии получившая значительную часть средств из источников, близких к Лондонскому Сити [MacShane 2016, p. 145].

Среди причин неудовлетворенности членством Великобритании в ЕС чаще всего упоминали единую торговую, рыболовную и сельскохозяйственную политики, неэффективность общеевропейской фискальной и монетарной систем, социал-демократические подходы на рынке занятости, чрезмерную зарегулированность бизнеса, а также негативный торговый баланс [Бажан 2017, с. 57–64].

Анализируя Соглашение, можно заключить, что в нем нашли отражение принципиальные моменты, вызывавшие до сих пор наибольшую неприязнь британских евроскептиков. Вместе с тем большинство вопросов, касающихся будущих взаимоотношений между Великобританией и ЕС, остаются открытыми, требуя дополнительных переговоров и согласований.

С выходом из ЕС Великобритания освободилась от многочисленных общеевропейских ограничений и регуляторных практик. Вместе с тем страна перестала быть частью Единого европейского рынка – «четырёх свобод», обеспечивающих внутри единого европейского пространства беспрепятственное движение людей, товаров, услуг и капиталов. Концепцию Единого европейского рынка активно поддерживало правительство М.Тэтчер. С ее практической реализации в 1993 г. ведущие многонациональные компании, мотивированные устранением тарифных и нетарифных барьеров, стали переносить свои производства на Британские острова, чтобы иметь гарантированный свободный доступ к крупнейшему в мире рынку товаров и услуг. Высказывались мнения, что после брекзита модель общего рынка престанет работать [Islam 2021]. Однако произошло обратное – после 2016 г. ЕС форсировал заключение межконтинентальных торговых и инвестиционных соглашений, последовательно включая в орбиту своих экономических интересов таких весомых региональных игроков, как Канада, Мексика, Меркосур, Япония, Сингапур, Вьетнам, Австралия, Новая Зеландия и даже Китай.

Следует подчеркнуть, что ЕС – крупнейший внешнеэкономический партнер Великобритании, объем взаимной торговли между которыми в 2019 г. составил 668 млрд ф.ст. Между тем Соединенное Королевство имеет с ЕС отрицательный торговый баланс, достигший рекордных 79 млрд ф.ст. Напротив, в торговле с США у Великобритании зафиксирован рекордный положительный баланс в размере 51,7 млрд ф.ст., хотя торговый оборот почти втрое меньше, чем с ЕС (232 млрд ф.ст.) [Office for National Statistics 2020^c].

Одной из основных претензий Соединенного Королевства в бытность членом ЕС было то, что последний представляет собой таможенный союз, а не зону свободной торговли, что не позволяло Великобритании от собственного имени заключать выгодные торговые соглашения с другими странами, в первую очередь с США. Будучи сторонником брекзита, Д. Трамп пообещал, что Соединенные Штаты заключат выгодную торговую сделку с Великобританией после ее выхода из Европейского союза. Однако избранный президент Дж. Байден назвал брекзит ошибкой и исключил возможность заключения новых торговых соглашений с какой-либо страной до тех пор, пока, по его

словам, Соединенные Штаты не улучшат свою конкурентоспособность дома [Landler, Castle 2020].

В Великобритании располагается наибольшее количество штаб-квартир и филиалов крупнейших многонациональных компаний, включая ведущих европейских производителей товаров и услуг. По накопленному объему входящих прямых иностранных инвестиций (2,1 трлн долл. в 2019 г.) Соединенное Королевство опережает все остальные страны ЕС, уступая в мире по данному показателю только США [UNCTAD 2020]. Трудно представить, что формальный выход Великобритании из Единого европейского рынка слишком негативно отразится на крупном бизнесе, учитывая огромное политическое влияние этих компаний в своих странах.

Исходя из вышеизложенного, ни одна из сторон не заинтересована в ухудшении торговых отношений. Однако в Соглашении все выглядит не столь однозначно. Несмотря на достигнутую договоренность о бестарифном характере торговли, в случае отхода одной из сторон от общих стандартов на 31 декабря 2020 г. может быть задействован механизм разрешения спора (Совет экспертов для урегулирования споров – Joint Partnership Council) в виде новых тарифов. При этом Европейский суд больше не будет играть ключевую роль в контроле над исполнением Соглашения. Тем не менее его компетенции продолжают распространяться на Северную Ирландию, которая, в соответствии с условиями Соглашения, будет по-прежнему подчиняться правилам единого рынка и таможенного союза ЕС [Morris 2020].

Соглашение оставляет неопределенной будущую роль Лондонского Сити как крупнейшего европейского и ведущего международного финансового центра. Великобритания играет ключевую роль в управлении европейскими капиталами, внебиржевой торговле производными финансовыми инструментами и иностранной валютой. Так, Лондонский Сити осуществляет 75% клиринга производных финансовых инструментов, денонмированных в евро, на сумму эквивалентную около 1 квадриллиона долл. США, а расположенные в Великобритании банки управляют 40% европейских активов и 60% европейских рынков капитала [Пищик, Кузнецов, Алексеев 2019, с. 82–83].

Лондон предоставляет услуги глобального финансового посредничества европейским инвесторам и обеспечивает доступ на европейские рынки странам, не входящим в ЕС. В соответствии с Соглашением, с 2021 г. финансовые учреждения, расположенные в Великобритании, утратят так называемый «европейский паспорт», дающий право предоставлять финансовые услуги в любой точке Европейского союза без каких-либо дополнительных согласований с принимающей стороной. Доступ британских компаний на рынки ЕС отныне будет регулироваться по принципу «эквивалентности», который применяют в отношении третьих стран, если только между Соединенным Королевством и Европейским союзом не будет заключено дополнительное соглашение, упрощающее доступ британских компаний на европейские финансовые рынки. По оценке британского правительства, потеря европейского паспорта может на 13% увеличить расходы британских операторов по предоставлению финансовых услуг [HM Government 2018, p. 44]. Тем не менее в перспективе высока вероятность, что Лондонский Сити сохранит привлекательность для европейских клиентов, учитывая преимущества нормативно-правовой и институциональной базы Великобритании, включая защиту прав кредиторов и акционеров, налоговое регулирование и регулирование рынка занятости, а также исторический объем и ликвидность лондонского рынка.

В целом, на основании Соглашения в настоящее время сложно прогнозировать будущее отношений между ЕС и Великобританией. Очевидно одно – брекзит подстегнул ЕС к открытию своего экономического пространства для остального мира, приблизив воплощение мечты британских консерваторов о создании глобальной зоны свободной торговли [Липкин 2009, с. 98–99]. Можно утверждать, что 2020 г. стал переломным не только

для Великобритании, но и для всего мира. Брекзит и COVID-19 подтвердили окончательный износ неолиберальной парадигмы финансовой глобализации. Создание многополярного мира на новой технологической платформе требует нового общественного договора. Однако он представляется невозможным в условиях действующей конфигурации мировой валютной системы, основанной на кредитных деньгах и американоцентричных офшорных финансовых институтах.

Как отмечалось выше, Британия обладает уникальным опытом антикризисного регулирования посредством разработки и глобального распространения инновационных финансовых схем, позволяющих стабилизировать внутреннюю экономическую ситуацию за счет ресурсов остального мира [Темин, Вайнс 2015]. Не исключено, что постнеолиберальная концепция регулирования финансового сектора также будет основана на идеях британских экспертов. Рассмотрим одну из таких идей более детально.

Концепция суверенных денег

В Великобритании – на родине современного центрального банка – сегодня активно обсуждают различные варианты возвращения полного государственного контроля над сферой денежного обращения. В частности, предложения реформировать современную банковскую систему исходят от бывшего главы Банка Англии М. Кинга. По его мнению, в будущем риски, создаваемые при трансформации застрахованных вкладов населения в высокорисковые кредиты, должны нести финансовые учреждения, извлекающие выгоды из подобной «финансовой алхимии» [King 2016].

Кинг предлагает создать два типа банков для предотвращения системных рисков: «узкие» банки (narrow banks) и «широкие» банки (wide banks). Узким банкам следует обеспечивать свои депозиты 100%-ми резервами в форме высоколиквидных, безопасных активов, таких как государственные ценные бумаги и обязательные резервы, хранящиеся в центральном банке. Доходы узких банков при этом формируются исключительно за счет оказания платежных услуг. Наряду с узкими, Кинг предлагает создать «широкие» банки, к которым сегодня относятся разнообразные небанковские финансовые институты. Широкие банки могут заниматься финансированием всех остальных видов деятельности, и прежде всего – предоставлять рискованные кредиты частному сектору. Однако в отличие от узких банков, они не могут принимать депозиты до востребования или краткосрочные депозиты. Вместо этого широкие банки должны финансировать рискованные кредиты за счет выпуска акций или долгосрочных долговых обязательств. Такая система призвана предупредить финансовые злоупотребления, возникающие в результате разрыва связи между созданием денег и созданием кредита.

Второй аспект реформы, предложенной Кингом, – изменение функции центрального банка как кредитора последней инстанции. Он предлагает превратить центральный банк во всепогодного ломбардного брокера. Согласно данному инновационному подходу, любой банк (или другой финансовый посредник) должен заранее зарезервировать у центрального банка некоторую часть своих активов для их последующего использования в качестве залога (при необходимости с соответствующим дисконтом) под будущее предоставление в долг ликвидных средств. Соответственно, ликвидные активы банка должны превышать его ликвидные обязательства. По утверждению Кинга, такой подход может устранить проблему морального риска, связанную с выполнением центральным банком функции кредитора последней инстанции, и значительно упростить финансовое регулирование [Kliesen 2017].

Предложения М. Кинга – лишь часть более широкой концепции «суверенных денег», предлагающей реформировать банковскую систему таким образом, чтобы у частных банков не было возможности создавать новые деньги. Новые деньги в форме банковских

депозитов создаются, когда банки выдают кредиты, и уничтожаются, когда заемщик кредиты погашает. Проблема в том, что большинство новых денег, создаваемых при помощи банковского кредитования, идет не на финансирование производства или косвенно связанной с ним деятельности, а на покупку уже существующих активов, например недвижимости или ценных бумаг, с целью их перепродажи по более высоким ценам. Обращение Центробанков к такой нетрадиционной денежной политике, как «количественное смягчение» и околонулевые процентные ставки представляется не вполне адекватным ответом на данную проблему.

Идея «суверенных денег» берет свое начало в работе английского ученого, лауреата Нобелевской премии по химии Ф. Содди, опубликованной в 1926 г. Во время Великой депрессии американские экономисты Ф. Найт и Г. Саймонс представили идеи Содди президенту США Франклину Д. Рузвельту (позднее их популяризировал И. Фишер). С тех пор в различных вариантах идею «суверенных денег» разрабатывали М. Фридман, Д. Тобин, Х. Мински, Д. Кей и Л. Котликоф.

Совсем недавно экономисты Международного валютного фонда протестировали первоначальную модель суверенных денег Фишера на показателях современной экономики США и выявили «солидное подтверждение» всех заявленных преимуществ и дополнительных положительных эффектов этой модели [Kumhof, Benes 2012]. С тех пор идею суверенных денег, помимо бывшего управляющего Банка Англии Кинга, поддержали и развили главный экономический обозреватель *The Financial Times* М. Вольф, бывший председатель Управления по финансовым услугам Великобритании Э. Тернер, а также вице-президент Европейского центрального банка В. Констанцио [Dyson, Hodgson, Van Lerven 2016].

Технически идея суверенных денег заключается в распространении исключительного права на создание денег, закрепленного в конституционном порядке за центральными банками многих государств, также на балансы коммерческих банков, что лишит последние возможности создавать деньги за счет депозитов до востребования и срочных банковских депозитов.

В системе суверенных денег создание коммерческими банками обязательных резервов в центральных банках становится излишним, потому что все деньги обретают статус резервных. В связи со значительным упрощением банковского бизнеса и банковского баланса в системе суверенных денег представляется нецелесообразным предложение создать систему 100%-го банковского резервирования [Felber 2017, pp. 45–47].

Основное ограничение системы суверенных денег заключается в том, что центральный банк, действуя как центральный планировщик для их создания, должен обладать гораздо большим объемом информации, чем в современных условиях. Другое ограничение – коммерческие банки из-за нехватки денег центрального банка не всегда могут использовать привлекательные возможности кредитования. Следовательно, эластичность банковского кредитования в реальной экономике, как правило, выше в действующей системе, чем в системе суверенных денег [Gersbach 2018].

Концепция суверенных денег не противоречит тенденции перевода мировой экономики на цифровую платформу, предполагающую беспрецедентную централизацию системы денежного обращения, если денежные эмитенты получают неограниченный доступ к Большим данным. Отметим, что Великобритания лидирует среди крупнейших экономик Европы по уровню цифровизации национальной экономики [Euroreap Commission 2020]. В 2009–2019 гг. доля наличных платежей в Соединенном Королевстве сократилась с 58% до 23% [UK Finance 2020, p. 3]. Данные тенденции идут в унисон с подготовительными работами Банка Англии по переводу национальной валюты на цифровую основу [Bank of England 2020]. Цифровизация фунта стерлингов рассматривается в качестве инструмента, который повысит безопасность и эффективность платежей,

упростит международные переводы, снизит риски эмиссии частных валют, активизирует цифровизацию экономики.

Можно предположить, что даже частичная реализация концепции суверенных денег в совокупности с успешным введением цифрового фунта может не только обеспечить Великобритании финансовую опору для масштабных национальных проектов в эпоху четвертой промышленной революции, но и послужит примером антикризисного регулирования другим странам.

* * *

На протяжении столетий финансовые инновации служили неизменным фактором восстановления ведущих позиций Великобритании на международной арене. До сих пор политическая и экономическая устойчивость британского государства во многом зависела от постоянного следования ключевым принципам англосаксонской социально-экономической модели. Будущее покажет, насколько приверженность данным принципам поможет Соединенному Королевству сохранить роль медиатора отношений между Старым и Новым Светом в условиях формирующейся технологической парадигмы полицентричного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (ред.) (2017) Экономические аспекты Брекзита. М.: Ин-т Европы РАН.
Липкин М.А. (2009) Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС (1957–1974 гг.). СПб.: Алетейя.
Пикетти Т. (2016) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
Пищик В.Я., Кузнецов А.В., Алексеев П.В. (2019) Европейский экономический и валютный союз: 20 лет спустя // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. №. 9. С. 76–85.
Темин П., Вайнс Д. (2015) Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. М.: Изд-во Института Гайдара.

REFERENCES

- Bank of England (2020) *Central Bank Digital Currency: Opportunities, Challenges and Design*. March 2020 (<https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/paper/2020/central-bank-digital-currency-opportunities-challenges-and-design.pdf>).
- Bazhan A.I. (ed.) (2017) *Ekonomicheskie aspekty Brekzita* [Brexite Economic Aspects]. Moscow: Institute of Europe RAS. Reports of the Institute of Europe № 345. (In Russ.).
- Chang H.-J. (2002) *Kicking Away the Ladder: How the Economic and Intellectual Histories of Capitalism Have Been Re-Written to Justify Neo-Liberal Capitalism*. London: Anthem Press.
- Cornell University, INSEAD, WIPO (2020) *The Global Innovation Index 2020* (<https://www.globalinnovationindex.org/Home>).
- Cushman&Wakefield (2019) *Winning in Growth Cities Report*. 10 July 2019 (<https://www.cushmanwakefield.com/en/insights/winning-in-growth-cities>).
- Department for Business, Energy and Industrial Strategy (2017) *Industrial Strategy: Building a Britain Fit for the Future*. 27 November 2017 (<https://www.gov.uk/government/publications/industrial-strategy-building-a-britain-fit-for-the-future>).
- Dyson B., Hodgson G., Van Lerven F. (2016) *Sovereign Money: an Introduction*. London: Positive Money (<https://positivemoney.org/our-proposals/sovereign-money-introduction/>).
- Eichengreen B., Chițu L., Mehl A. (2014) Stability or Upheaval? The Currency Composition of International Reserves in the Long Run. *European Central Bank Working Paper*, no. 1715 (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwpwps/ecbwp1715.pdf>).
- European Commission (2020) *The Digital Economy and Society Index* (<https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/digital-economy-and-society-index-desi>).

- Felber C. (2017) *Money – The New Rules of The Game*. Vienna: Springer.
- Gersbach H. (2018) *Sovereign Money: A Challenge for Science*. CEPR Policy Portal. 31 October 2018 (<https://voxeu.org/article/sovereign-money-challenge-science>).
- HM Government (2018) *EU Exit Long-Term Economic Analysis*. November 2018 (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/760484/28_November_EU_Exit_-_Long-term_economic_analysis__1_.pdf).
- Ilzetzki E. (2020) If the UK is High Tech, why is Productivity Growth Slow? Economists Weigh in. *London School of Economics blog* (<https://blogs.lse.ac.uk/businessreview/2020/03/07/if-the-uk-is-high-tech-why-is-productivity-growth-slow-economists-weigh-in/>).
- IMF (2020) *World Economic Outlook Database*. October 2020 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October>).
- Islam F. (2021) Adieu to the Single Market Created by the UK. *BBC*. 01 January 2021 (<https://www.bbc.com/news/business-55494101>).
- King M. (2016) *The End of Alchemy: Money, Banking and the Future of the Global Economy*. London: Little, Brown Book Group.
- Kliesen K. L. (2017) The End of Alchemy: Money, Banking, and the Future of the Global Economy. *Business Economics, Palgrave Macmillan; National Association for Business Economics*, vol. 52, no. 3, pp. 181–183.
- Kumhof M., Benes J. (2012) The Chicago Plan Revisited. *IMF Working Paper*, no. 12/202 (<https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/The-Chicago-Plan-Revisited-26178>).
- Landler M., Castle S. (2020) Britain and E.U. Reach Landmark Deal on Brexit. *The New York Times*. December 24, 2020 (<https://www.nytimes.com/2020/12/24/world/europe/brexit-trade-deal-uk-eu.html>).
- Leeson T. (2019) Brexit and the UK Automotive Industry: Understanding the Impact. *OpenText and Centre for Brexit Studies, Birmigham City University* (<https://bcuassets.blob.core.windows.net/docs/report-for-opentext--deliverable-b-final-131880562823173347.pdf>).
- Lipkin M.A. (2009) *Britaniya v poiskakh Evropy: dolgii put' v EES (1957–1974 gg.)* [Britain in Search of Europe: A Long Road to the EEC (1957–1974)]. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.).
- MacShane D. (2016) *Brexit: How Britain Will Leave Europe*. London-New York: I.B. Tauris.
- Morris C. (2020) Brexit Deal: What is in It? *BBC*. 28 December 2020 (<https://www.bbc.com/news/55252388>).
- OECD (2020) *OECD Economic Surveys: United Kingdom 2020*. Paris: OECD Publishing. 126 p. (<https://doi.org/10.1787/2f684241-en>).
- Office for Budget Responsibility (2020) *Economic and Fiscal Outlook – November 2020* (http://cdn.obr.uk/CCS1020397650-001_OBR-November2020-EFO-v2-Web-accessible.pdf).
- Office for National Statistics (2020^a) *Coronavirus and the Impact on Output in the UK Economy: October 2020*. 10 December 2020 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/coronavirusandtheimpactonoutputintheukeconomy/october2020>).
- Office for National Statistics (2020^b) *GDP Quarterly National Accounts, UK: July to September 2020*. 22 December 2020 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/bulletins/quarterlynationalaccounts/julytoseptember2020>).
- Office for National Statistics (2020^c) *UK Balance of Payments, The Pink Book: 2020*. 30 October 2020 (<https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/unitedkingdombalanceofpaymentsthepinkbook/2020>).
- Partington R. (2020) UK Productivity Slowdown Worst since Industrial Revolution – Study. *The Guardian*. 03 February 2020 (<https://www.theguardian.com/business/2020/feb/03/uk-productivity-slowdown-worst-since-industrial-revolution-study>).
- Piketty T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty First Century]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Pirie M. (2010) *The Anglo-Saxon model of capitalism*. Madsen Pirie's official site (<https://madsen-pirie.com/the-things-that-i-do/communicating/the-anglo-saxon-model-of-capitalism/>).
- Pishchik V.Y., Kuznetsov A.V., Alekseev P.V. (2019) Evropeiskii ekonomicheskii i valyutnyi soyuz: 20 let spustya [European economic and monetary union: 20 years after]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 9, pp. 76–85 (In Russ.).
- Reinert E. S. (2008) *How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor*. London: Constable.

Shaxson N. (2018) *The Finance Curse: How Global Finance is Making Us All Poorer*. London: The Bodley Head.

Temin P., Vines D. (2015) *Ekonomika bez lidera. Pochemu rassypalas' mirovaya ekonomicheskaya sistema i kak ee sobrat'* [The Leaderless Economy: Why the World Economic System Fell Apart and How to Fix It]. Moscow: Isd-vo In-ta Gaidara. (In Russ.).

The World Bank (2019) *Doing Business 2020*. October 24, 2019 (<https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2020>).

The World Bank (2020) *Exports of Goods and Services* (<https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.GNFS.CD>).

The CityUK (2020) *Key Facts about the UK as an International Financial Centre 2020*. December 2020 (<https://www.thecityuk.com/research/key-facts-about-the-uk-as-an-international-financial-centre-2020/>).

UK Finance (2020) *UK Payment Markets Summary 2020*. June 2020 (<https://www.ukfinance.org.uk/system/files/UK-Payment-Markets-Report-2020-SUMMARY.pdf>).

UNCTAD (2020) *World Investment Report 2020* (<https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2020>).

Брекзит с точки зрения торговли фармацевтической продукцией

*Д.О. ХРОМАКОВ**

***ХРОМАКОВ Дмитрий Олегович** – аспирант Института Европы РАН. Адрес: 125009 Москва, Моховая ул., 11, стр. 3. E-mail: khromakov@gmail.com

В статье рассмотрены различные сценарии выхода Великобритании из ЕС (от членства в Европейской экономической зоне до отсутствия какого-либо торгового договора) на примере барьеров в торговле медицинскими препаратами. Показано, какие последствия для фармацевтического бизнеса были в последнем случае связаны с продолжением торговли по правилам ВТО. Обосновано значение принципа взаимного признания для компаний, проанализированы варианты его реализации в отношениях Европейского союза с третьими странами. Сделан вывод, что подписанное в декабре 2020 г. Соглашение о торговле и сотрудничестве между Британией и ЕС отвечает главным ожиданиям экономических агентов. Однако его применение на практике потребует дополнительных разъяснений сторон, и элемент конкуренции будет возрастать.

Ключевые слова: Брексит, Европейский союз, единый внутренний рынок, международная торговля, фармацевтический рынок, Европейская комиссия, ВТО, соглашения о свободной торговле, тарифные и нетарифные барьеры.

DOI: 10.31857/S086904990013996-7

Цитирование: Хромаков Д.О. (2021) Брексит с точки зрения торговли фармацевтической продукцией // Общественные науки и современность. № 1. С. 117–131. DOI: 10.31857/S086904990013996-7

Brexit Scenarios and Trade in Pharmaceutical Products

*Dmitry O. KHROMAKOV**

***Dmitry O. Khromakov** – Postgraduate Student, Institute of Europe RAS. Address: 11–3, Mokhovaya Str., Moscow, 125993. E-mail: khromakov@gmail.com

Abstract: The paper reviews different Brexit scenarios (from membership in the European Economic Area to a no-deal withdrawal) in the context of trade in the pharmaceutical industry. It examines which consequences a trading relationship based on the WTO rules would have had on the pharmaceutical industry. The article stresses the importance of the mutual recognition principle and demonstrates its implementation in the European Union's relations with third countries. The author concludes that the EU-UK Trade and

Cooperation Agreement addresses the stakeholders' major concerns. However, its application will require additional guidance from the parties and the element of competition is to strengthen.

Keywords: Brexit, European Union, Single Market, international trade, pharmaceutical market, European Commission, WTO, free trade agreements, tariff and non tariff barriers.

DOI: 10.31857/S086904990013996-7

Citation: Khromakov D. (2021) Brexit Scenarios and Trade in Pharmaceutical Products. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 117–131. DOI: 10.31857/S086904990013996-7 (In Russ.)

Обеспечение свободы торговли – одновременно и причина, и цель существования Европейского союза. Состояние будущих торговых отношений стало ключевым вопросом и в теме выхода Великобритании из ЕС. Несмотря на политическое значение процесса для европейского проекта, именно торговля находилась в центре переговоров. В декабре 2020 г. сторонам удалось прийти к масштабному торговому соглашению, определившему, как британские фармацевтические компании будут работать с европейскими клиентами и наоборот. Однако до последнего момента существовало несколько альтернативных сценариев. В данной статье предложено рассмотреть каждый из них с точки зрения появления тех или иных торговых ограничений для понимания возможностей и связанных с ними рисков.

В первой части исследованы факторы зависимости британской отрасли от единого внутреннего рынка. Большая часть их действует и в противоположном направлении, однако было правильным сосредоточиться именно на эффектах для Великобритании. Будучи инициатором перемен, эта страна и теперь имеет статус третьей по отношению к 27 государствам объединения. Вторая часть статьи посвящена договорным вариантам брекзита: от маловероятного изначально членства в ЕЭЗ до заключенного в итоге экономического соглашения, выходящего за рамки классической зоны свободной торговли. Наконец, третья часть касается выхода Великобритании из ЕС без соглашения.

Значение европейского рынка для британской фармацевтической отрасли

В описании значения торговли для обеих сторон первым фактором неизменно остается ее объем. В 2019 г. Великобритания была третьим партнером ЕС-27 по объему экспорта и импорта медицинских и фармацевтических товаров (10% и 12%, соответственно)¹. Общий объем европейского² экспорта в этой категории составил 202,9 млрд евро, из которых в США – 64,8 млрд, в Швейцарию – 22,3 млрд евро, а в Соединенное Королевство – 20 млрд евро. В том же году двадцать семь стран импортировали продукции на 92,7 млрд евро, из них американской – на 29,2 млрд евро, швейцарской – на 29,8 млрд евро и британской – на 10,7 млрд евро [Eurostat 2021].

В финансовом выражении для Великобритании европейский рынок еще более значим [Хесин 2016, с. 16–17; Бажан 2017, с. 26]. В 2019 г. указанные выше цифры товарооборота с ЕС составили 46% экспорта фармацевтических товаров (в первую очередь в Германию, Нидерланды, Ирландию, Францию и Италию) и 76% импорта (главным образом из Нидерландов, Германии, Бельгии, Ирландии и Франции). В списке основных получателей британской продукции за Евросоюзом следуют США (23%), Китай (4%) и Япония (3%). Импортирует же Великобритания, помимо ЕС-27, преимущественно из Швейцарии (13%) и США (9%) [Eurostat 2021].

¹ Статья опирается на Международную стандартную торговую классификацию ООН (англ. SITC), четвертый пересмотренный вариант. Медицинская и фармацевтическая продукция представлена в отделе 54.

² В исследовании прилагательное «европейский» относится к 27 странам-членам Европейского союза.

Фармацевтика – одна из главных экспортных отраслей Соединенного Королевства с долей в 6,5% [Barber 2019, p. 13]. Фармацевтические предприятия в Британии входят в списки крупнейших налогоплательщиков и работодателей среди всех отраслей, поэтому любые изменения в их финансовом положении серьезно скажутся на всей экономике. К примеру, с точки зрения рыночной капитализации *AstraZeneca* и *GlaxoSmithKline* заняли в 2020 г. второе и четвертое места, соответственно [Killian 2020]. По данным представителей фармацевтической ассоциации, от этой отрасли – по определению нетрудоёмкой – сегодня зависит 63 тыс. рабочих мест (0,2% от общего числа занятых). Из них 24 тыс. задействованы в НИОКР [House of Commons 2020^a; Office for National Statistics 2020]. В 2018 г. выпуск сектора составил 0,7% ВВП и 7% промышленного производства [Barber 2019, p. 11]. Вместе с тем производительность труда по валовой добавленной стоимости – 330 тыс. фунтов на одного работника [House of Commons 2020^a].

Экономическая мощь упомянутых корпораций и их конкурентов определяет широкие лоббистские возможности. Как результат тема влияния брексита на фармацевтическую промышленность подробно обсуждалась в парламенте и кабинете министров [House of Commons 2018^a]. Более того, правительственный анализ результатов выхода из ЕС заключил, что для фармацевтики доступ на европейский рынок наиболее значим среди всех отраслей [House of Commons 2018^b]. В одном из парламентских отчетов приводятся слова главы влиятельной Ассоциации британской фармацевтической промышленности (ABPI) М. Томпсона: «Каждый месяц 45 млн упаковок лекарств покидают Великобританию и отправляются в Европу, и 37 млн упаковок лекарств покидают континент и попадают в Соединенное Королевство» [House of Commons 2018^a]. У бизнеса есть понимание, что и почему требовать от собственных властей.

На фоне эпидемии коронавируса аргументы приобрели дополнительный вес. В сентябре 2020 г. ABPI и Европейская федерация фармацевтической промышленности и ассоциаций (EFPIA), членами которой состоят и британские компании, призвали сделать лекарства центральным вопросом в текущих переговорах, сославшись на риск срыва поставок. Прежде всего, их совместное заявление касалось соглашения о взаимном признании тестирования и инспекций. В противном случае, предупредили авторы, повторные проверки могут занять 4–6 недель, что способно привести к нехватке продукции в январе. Они напомнили, что такое соглашение может быть подписано и вне общего торгового договора, понимая высокую вероятность отсутствия какой-либо сделки [ABPI 2020^a].

Вторым приоритетом стало отсутствие конкретной информации о порядке имплементации протокола по Северной Ирландии – части Соглашения о выходе, заключенного с Брюсселем премьер-министром Б. Джонсоном [ABPI 2020^a]. Необходимость в этом документе была связана в первую очередь с историческими причинами и необходимыми политическими усилиями для установления мира на острове в XX в. По этому протоколу на Северную Ирландию и после 1 января 2021 г. распространяются правила единого внутреннего рынка, что позволило избежать появления таможенной и регуляторной границы на острове Ирландия.

Кроме того, граница появилась в Ирландском море – для товаров из Англии, Уэльса и Шотландии [Agreement... 2020]. Такая торговля теперь считается экспортом и импортом. Поступающие в Северную Ирландию лекарства должны соответствовать наработанному законодательству ЕС (*acquis communautaire*) и иметь должную регистрацию. В Великобритании не может проводиться, например, контроль качества по партиям – мера, обязательная на территории единого внутреннего рынка. На практике это означает необходимость менять цепочки поставок.

В ноябре 2020 г. на слушаниях в британском парламенте представители ABPI заявили, что на тот момент более 80% рецептурных медикаментов поступали в Северную Ирландию из Великобритании, в первую очередь на пароме из Шотландии. Ключевым

вопросом было названо соблюдение Директивы ЕС по борьбе с фальсифицированными лекарственными средствами [Directive 2011/62/EU 2011]. Она обязывает наносить уникальный идентификатор на каждую упаковку лекарств, поступающую на европейский рынок. Впоследствии идентификатор могут сканировать в аптеке или больнице, тем самым подтверждая аутентичность препарата. Европейская комиссия требовала также дезактивировать этот идентификатор, если продукция отправляется на экспорт [House of Commons 2020^a].

Если бы стороны не договорились, Северная Ирландия не смогла бы получать лекарства из Соединенного Королевства – их пришлось бы переупаковать или привозить из других стран ЕС: напрямую или через Великобританию в рамках общей транзитной процедуры, предусмотренной Конвенцией от 20 мая 1987 г. [European Commission 2021^a]. По словам менеджмента *ABPI*, компании предпочитают направлять товар из ЕС. На перестройку потребуются месяцы, что ранее усложнялось высоким уровнем неопределенности: опубликованный в августе 2020 г. разъясняющий документ британского правительства «Движение товаров согласно протоколу по Северной Ирландии» не содержал дополнительной информации в части фармацевтической продукции [Cabinet Office 2020^a]. Поэтому *ABPI* и *EFPIA* обратились с просьбой предоставить год для поэтапного внедрения положений протокола применительно к лекарствам. Британское правительство анонсировало эту отсрочку 5 ноября 2020 г. [Cabinet Office 2020^b].

Регулирование фармацевтики на общеевропейском уровне развито больше, чем во многих других секторах. Причиной тому послужил кризис талидомида, когда в 1950–1960-х гг. на рынок попал опасный для развития плода препарат. В европейских странах тысячи детей тогда родились с тяжелейшими телесными патологиями, многие умерли в младенчестве [Knightley, Evans 1979]. За десятилетия европейской интеграции сформировался целый комплекс правил и процедур доступа на рынок новым лекарствам. С 1995 г. этим занималось Европейское агентство лекарственных средств (*EMA*). Примечательно, что этот институт располагался в Лондоне, но сменил штаб-квартиру на Амстердам после британского референдума.

Функции *EMA* на территории Великобритании полностью перейдут к Агентству по регулированию лекарственных средств и медицинской продукции (*MHRA*). Брекзит повлиял на *MHRA* в нескольких аспектах. С одной стороны, в прошлом по контрактам с *EMA* британские специалисты обрабатывали непропорционально большое количество заявок на регистрацию препаратов в ЕС (20–30% всех заявлений). В 2017/2018 финансовом году связанные с этим поступления составили 13,7 млн ф.ст., или 8,7% бюджета агентства [MHRA 2019, p. 112]. С приближением брексита их сотрудничество прекратилось [O'Carroll, Devlin 2018]. С другой стороны, новые условия потребовали дополнительных расходов, в том числе на подготовку к работе при полном отсутствии соглашения [MHRA 2019, p. 8].

В отчете фирмы *PwC* отмечено, что Великобритания в течение долгого времени была главной страной 1 фазы клинических исследований как для европейских компаний, так и компаний из третьих стран. Выход из ЕС может вызвать падение доходов в сфере клинических исследований и удорожание таких услуг для британского бизнеса [PwC 2016]. Отсутствие ясности сказалось на традиционной роли Британии как точки входа для американских и азиатских компаний на рынок ЕС, сложившейся во многом благодаря деловой культуре, инвестиционному климату и английскому языку. Собеседники *Financial Times* говорят, что даже переезд *EMA* в Нидерланды можно считать вопросом престижа Лондона и фактором при выборе месторасположения для компаний [Neville 2019].

Наконец, эксперты подчеркивали значение вопросов интеллектуальной собственности и высококвалифицированного труда, более предсказуемые в рамках объединения. Обе темы для фармацевтики особенно чувствительны. В первом случае компании были бы вынуж-

дены контролировать ситуацию в отдельных странах с сопутствующими издержками. В дополнение в июле 2020 г. Великобритания сообщила о выходе из проекта Единого патентного суда [Unified Patent Court 2020]. Во втором случае серьезное усложнение трудовой миграции повлияло на привлекательность британских вакансий и университетов для других европейцев. Одновременно у компаний континентальной Европы аналогичные проблемы возникнут при приеме на работу британцев – от исследователей до менеджеров [Шелюбская 2017, с. 83–85].

Договорные сценарии выхода Великобритании из ЕС

1. Участие в ЕЭЗ

Единая экономическая зона – созданное 1 января 1994 г. пространство, предполагающее свободное движение товаров, капитала, услуг и людей. В него входят 27 государств ЕС и три страны Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ): Норвегия, Исландия и Лихтенштейн. Великобритания де-факто оставалась в ЕЭЗ до окончания переходного периода. В рамках пространства члены ЕАСТ становятся частью единого внутреннего рынка в обмен на принятие большей части соответствующего законодательства ЕС (за исключением в первую очередь Общей сельскохозяйственной политики и Общей политики в области рыболовства).

Как крупнейшая страна ЕАСТ, Норвегия находится на восьмом месте в торговле ЕС товарами с долей в 2,6% в 2019 г. [European Commission 2020^a, р. 2]. Для Норвегии ЕС-27 – главный партнер, занимающий 57,4% по товарам [European Commission 2020^a, р. 8]. В денежном выражении объем норвежского экспорта в Евросоюз составил 54 млрд евро, а импорта – 51,5 млрд [European Commission 2020^a, р. 2]. Фармацевтические товары в них не приоритетны. Для Норвегии это 0,9% экспорта, а для ЕС – 2,8% экспорта, тогда как в общем экспорте ЕС медицинская продукция превысила 9% в 2019 г. [European Commission 2020^a, р. 4; Eurostat 2020]. Однако для данного исследования в первую очередь важен торговый режим, который получила бы Великобритания, сохрани она членство в ЕЭЗ.

Из всех вариантов этот сценарий внес бы наименьшие изменения в сотрудничество королевства и ЕС – за счет функционирования единого внутреннего рынка. Медицинская продукция продолжила бы свободно пересекать границы, действовала бы свобода учреждения. Услуги по проведению клинических испытаний не испытывали бы ограничений. Сотрудники компаний смогли бы по-прежнему устраиваться на работу с минимальными административными процедурами. Более того, на Соединенное Королевство распространялась бы деятельность Европейского агентства лекарственных средств. Прежде всего это означало бы выдачу централизованных разрешений на реализацию лекарств на существующих условиях.

Так называемый норвежский вариант широко обсуждали в Британии. В качестве основных преимуществ его сторонники отмечали возможность заключать двусторонние соглашения о зоне свободной торговли с третьими странами в индивидуальном порядке. Кроме того, ЕЭЗ не предусматривает участия в наиболее интегрированных сферах: сельском хозяйстве и рыболовстве. «Инструкции, данные референдумом с результатом 52% против 48%, ясны: переехать в другой дом, но остаться в том же районе», – заявил депутат от лейбористов С. Киннок, сообщив: по его информации, не менее 10 членов правительства поддерживали сохранение ЕЭЗ [Belfast Telegraph 2018]. Норвежский сценарий публично называла возможной альтернативой в 2018 г. министр по вопросам труда и пенсий Э. Радд. Правда, она отметила, что свободное движение людей находится за гранью обозначенных ранее «красных линий» правительства [BBC 2018].

Этот сценарий всегда рассматривали как наименее вероятный. Причины премьер-министр Т. Мэй изложила еще в 2017 г. Помимо взносов в бюджет ЕС, она считала проблемой

необходимость соблюдать правила и регламенты ЕС, касающиеся внутреннего рынка, не имея даже возможности проголосовать за или против них. «В действительности это означало бы не покидать ЕС вовсе», – сказала Мэй в программном выступлении [May 2017]. За прошедшие четыре года позиция Лондона если и изменилась, то только в более жесткую сторону. Примечательно, что в сентябре 2019 г. именно Э. Радд одной из первых покинула правительство Б. Джонсона, перед этим поддержав оппозиционный законопроект об отсрочке брекзита³.

2. Двустороннее соглашение (швейцарский вариант)

В отличие от Норвегии, Швейцария не входит в Европейскую экономическую зону, но значительная часть «четырёх свобод» распространяется и на нее – за счет заключенных двусторонних договоров с ЕС. На референдуме в 1992 г. швейцарцы проголосовали против членства в ЕЭЗ. Фактически условия отношений Швейцарии с ЕС схожи с норвежскими, однако такие договоры предполагают большее количество исключений и ключевых решений на референдумах. Граждане голосовали пока исключительно за сохранение двустороннего подхода. Важно также «положение о гильотине», заложенное в первых договорах. При гарантии связанности договоров между собой на практике это ограничивает возможность отказа от новых европейских правил [Decision of the Council... 2002].

Объем торговли между ЕС-27 и Швейцарией составил в 2019 г. 257 млрд евро. Для Европейского союза Швейцария – пятый партнер в мире по импорту и четвертый – по экспорту: 110,3 млрд (5,7%) и 146,8 млрд (6,9%), соответственно [European Commission 2020^b, р. 2]. По сравнению с Норвегией, фармацевтическая продукция здесь заметно весомее. Ее доля в общем импорте ЕС из Швейцарии в 2019 г. составила 27,5%, а в экспорте Евросоюза – 15,1%, что явно выше средних значений по миру [European Commission 2020^b, р. 8]. Единый внутренний рынок имеет для этих цифр фундаментальное значение.

Страна не участвует в Европейском агентстве лекарственных средств, что весьма существенно отличает взаимодействие в ЕЭЗ от швейцарского варианта. Вместо этого ЕМА и Швейцарское агентство терапевтической продукции (*Swissmedic*) заключили несколько соглашений. Во-первых, речь идет о взаимном признании стандартов надлежащей производственной практики [European Medicines Agency 2021^a]. Примечательно, что договоренности вступили в силу еще в 2002 г. и были частью самого первого пакета из семи двусторонних соглашений, что дополнительно подчеркивает общую значимость взаимного признания [Agreement between... 2002].

Второй документ касается конфиденциальности и был согласован в результате обмена письмами в 2015 г. Не будучи юридически обязывающим, он тем не менее позволяет сторонам обмениваться законодательными и методическими документами, включая конфиденциальные и не опубликованные; данными фармаконадзора и инспектирования на соответствие стандартам надлежащей клинической практики; информацией из заявлений, связанных с предоставлением научного мнения, регистрацией лекарств и другой деятельностью [European Commission 2015]. Идея основана на предыдущем опыте: уже в 2010 г. у сторон был договор об обмене конфиденциальной информацией, связанной с разработкой вакцины от вируса *H1N1*, известного как «свиной грипп» [European Medicines Agency 2021^b].

В случае швейцарского варианта Лондон получил бы доступ к определенным сферам единого рынка в обмен на принятие части регулирования. Такой подход рассматривали в британском обществе. Например, в 2013 г. в исследовании библиотеки Вестминстера его упоминали наряду с членством в ЕЭЗ [House of Commons 2013]. По всей видимо-

³ Коммерсант (2019) Министр труда и пенсий Великобритании подала в отставку из-за разногласий по «Брекситу». 9 сентября (<https://www.kommersant.ru/doc/4086803>).

сти, швейцарский сценарий не был реализован по тем же причинам, что и норвежский: он предполагал широкий спектр взносов в бюджет Евросоюза и де-факто предусматривал принятие европейских правил, в разработке которых Лондон бы не участвовал.

Тем не менее анализ европейско-швейцарских отношений показывает, что даже при такой высокой степени взаимодействия членство в ЕМА не необходимо. У организации есть опыт прямых договоров с регуляторами других стран. Верно и обратное: для взаимного признания регистраций необязательно иметь высокую степень интеграции. Как будет показано далее на примере США, этот вопрос можно вынести за пределы сложных и не всегда успешных переговоров об общих условиях торговли.

3. Зона свободной торговли

Создание зоны свободной торговли изначально считалось самым реалистичным вариантом продолжения сотрудничества. «Важная часть нового стратегического партнерства с ЕС, к которому мы стремимся, – это как возможно более широкий доступ на единый внутренний рынок на полностью взаимной основе через всеобъемлющее соглашение о ЗСТ», – говорила Т. Мэй в январе 2017 г. [May 2017]. Торговые переговоры начались сразу после выхода Великобритании из ЕС 31 января 2020 г., вскоре стали известны переговорные позиции. В марте стороны обменялись позднее опубликованными проектами договоров [House of Commons 2020^b].

«Вопрос на весь оставшийся год состоит в том, смогут ли Великобритания и ЕС договориться о более глубоких торговых отношениях по примеру соглашения ЕС с Канадой или отношения будут основаны на соглашении о выходе, подписанном в октябре 2019 г., включая протокол по Северной Ирландии», – указывал в феврале 2020 г. Б. Джонсон [Johnson 2020; Бабынина 2020, с. 51]. В свою очередь, Брюссель ссылался на несопоставимые с канадскими объемы торговли и географическую близость, настаивая на обеспечении единых «правил игры» в таких сферах, как господдержка, конкуренция, социальные стандарты и условия трудоустройства, защита окружающей среды, изменение климата, соответствующие налоговые вопросы [Barnier 2020; Бабынина 2020, с. 52].

Равно как и в антимонопольном регулировании на внутреннем рынке, включая фармацевтический, Европейская комиссия (ЕК) играла в переговорах с Лондоном центральную роль [Кондратьева, Хромаков 2020]. В 2016 г. Европейский совет принял решение назначить ЕК переговорщиком от имени 27 стран. В свою очередь, президент Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер передал руководство специальной рабочей группой экс-министру иностранных дел Франции М. Барнье. «Великобритания отказывается от эффективных способов избежать демпинга за счет снижения стандартов. Она хочет вернуть регуляторную автономию. Мы уважаем это. Однако не приведет ли новая регуляторная автономия к нарушению нашей свободы конкурировать?» – говорил Барнье после очередной неудачной переговорной сессии летом 2020 г. [Barnier 2020].

Каждое торговое соглашение так или иначе касается подобных моментов, но в ситуации с Соединенным Королевством их надо было обговорить беспрецедентно широко, считали в ЕС. Более того, там напоминали о согласованной в октябре 2019 г. политической декларации, в которой подчеркивалась необходимость обеспечить единые «правила игры» [Political declaration... 2019]. Однако впоследствии стороны разошлись в понимании данного пункта. По мнению Брюсселя, исходной точкой должны были быть действующие стандарты ЕС, а в отдельных аспектах следованием им – динамическим (*dynamic alignment*), то есть относиться и к будущему регулированию. Лондон же был нацелен на соглашение о снятии тарифов и квот, утверждая, что Британия планирует придерживаться высоких, но собственных стандартов в спорных областях [Jozepa et al. 2020].

Рассмотреть условия торговли в фармацевтическом секторе в ситуации ЗСТ интересно на примере одного из текущих соглашений. Несмотря на то, что Брюссель всегда был

против повторения канадского варианта, этот договор – одна из наиболее амбициозных торговых сделок ЕС и самая крупная из заключенных со странами Запада. Импорт товаров из ЕС в Канаду составил 20,7 млрд евро, а экспорт – 38,3 млрд. Это делает Канаду двенадцатым партнером по объему торговли с долей 1,5%. Отметим, что в 2015–2019 гг. товарооборот рос темпом выше 6% в год [European Commission 2020^c, p. 2].

В структуре импорта и экспорта ЕС в Канаду фармацевтика занимает заметное место: 7,2% и 14,1%, соответственно [European Commission 2020^c, p. 4]. В списке преимуществ Всеобъемлющего экономического и торгового соглашения (*Comprehensive Economic and Trade Agreement, CETA*) для фармацевтической отрасли канадское правительство, во-первых, указывает, что поставщики услуг смогут конкурировать на равных с европейскими и иметь более выгодные условия, чем предприятия из третьих стран (Раздел 9). Во-вторых, там упоминается преференциальный доступ на рынок ЕС для компаний, осуществляющих прямые иностранные инвестиции в Канаду (Раздел 8) [Government of Canada 2016].

В-третьих, положения об интеллектуальной собственности будут обеспечивать дополнительную защиту инвестиций в канадскую фармацевтическую отрасль (Раздел 20) [Government of Canada 2016; *Lexchin, Gagnon* 2014]. ЕС же охарактеризовал *CETA* как наиболее глубокое торговое соглашение ЕС в части услуг и инвестиций, поскольку эти и другие привилегии действуют на взаимной основе [European Commission 2021^a].

В-четвертых, важное место занимает взаимное признание результатов инспекций [Government of Canada 2016]. На самом деле данный механизм действует с 1 февраля 2003 г. и был лишь встроен в *CETA* в форме протокола. Предыдущее соглашение о взаимном признании будет прекращено, как только новый договор полноценно вступит в силу после ратификации в парламентах стран-членов [European Medicines Agency 2021^b].

В-пятых, речь идет об улучшении мобильности для бизнеса (Раздел 10). В частности, стороны обязуются обеспечить возможность краткосрочного пребывания без требования получать разрешение на работу или аналогичный документ для ключевого персонала компаний; лиц, осуществляющих предоставление услуг по контракту или независимую профессиональную деятельность; деловых поездок на период до 90 дней в полугодие. В-шестых, канадские компании получают дополнительный доступ к тендерам на субнациональном уровне регионов и муниципалитетов, например, в школах, больницах и университетах (Раздел 19) [CETA 2017].

Равно как и в случае Канады, соглашение между ЕС и Великобританией выходит за пределы традиционных зон свободной торговли, где в основном речь идет о снятии тарифов. Соглашение содержит положения об инвестициях, интеллектуальной собственности, госзакупках, господдержке и краткосрочных командировках. В документ включено особое приложение о лекарственных средствах. Прежде всего, оно устанавливает критически важный для отрасли принцип взаимного признания, пусть даже с оговорками. Более того, предполагается создать рабочую группу по лекарственным средствам, чтобы вести мониторинг влияния сделки на доступность препаратов, реагировать на возможные угрозы поставкам и проводить технические консультации [Trade and Cooperation Agreement 2020].

В совместном заявлении представители *EFPIA* и *ABPI* приветствовали договор, хотя и подтвердили, что дать ему исчерпывающую оценку пока нельзя [ABPI 2020^b]. В свою очередь, британское Агентство по регулированию лекарственных средств и медицинской продукции начало публиковать серию руководств для отрасли по работе после 1 января 2021 г. В частности, в них подтверждено намерение установить предельный срок в 150 дней для выдачи регистрационных удостоверений новым препаратам [MHRA 2020].

Брекзит без соглашения

Выход без соглашения ни в коем случае не означал бы прекращения торговли. Она продолжилась бы по правилам Всемирной торговой организации (ВТО) [Бабынина 2019^а, с. 103]. В предыдущих разделах статьи автор намеренно не рассматривал тарифные ограничения. Дело в том, что еще во время Уругвайского раунда ведущие экономики мира договорились о взаимном снятии тарифов на фармацевтическую продукцию и химические вещества, используемые в ее производстве. Договоренности вступили в силу 1 января 1995 г. – одновременно с Марракешским соглашением о создании ВТО [GATT 1994]. Сегодня они распространяются на ЕС-27, Великобританию, США, Японию, Макао (Китай), Норвегию и Швейцарию [WTO 2021]. В 2016 г. на них приходилось 65% мировой фармацевтической торговли [DINK 2020].

Поскольку фармацевтика постоянно развивается, список препаратов подлежит регулярному пересмотру. Он состоялся в 1996, 1998, 2007 и 2010 гг., хотя изначально предполагалось проводить его не реже одного раза в три года [GATT 1994]. Примечательно, что в ходе дискуссии были обсуждены и медицинские проблемы пандемии COVID-19. В частности, в апреле 2020 г. Объединение торгово-промышленных палат Германии (*Deutscher Industrie- und Handelskammertag*, *DINK*) призвало расширить соглашение в двух направлениях. С одной стороны, речь шла о присоединении новых участников. С другой – предполагалось включить в списки медицинских товаров (шприцы, марля, спирт) медицинское оборудование и средства индивидуальной защиты (маски, респираторы, санитайзеры).

DINK приводило данные, что, несмотря на договоренности наиболее крупных игроков, средний тариф ВТО на лекарства составляет 2,1%, медтовары – 6,2%, медоборудование – 3,4% и средства индивидуальной защиты – 11,5%. Свыше половины государств ВТО сохраняют тарифы на медикаменты [DINK 2020]. Более того, в «Группе 20» есть страны, применяющие тарифы выше 8%, включая Россию (10,2%) – напоминали в британской исследовательской организации *Geneva Network* [Banik, Stevens 2015]. Что касается медицинского оборудования, только 19 членов Всемирной торговой организации ввели нулевой тариф. Медицинские маски, в свою очередь, облагаются в среднем пошлиной в 9,1% [DINK 2020]. Несмотря на во многом весомые аргументы, немецкое предложение пока осталось без ответа.

В период первой волны пандемии коронавируса маски были, пожалуй, наиболее востребованным товаром. Весной 2020 г. цены на них для розничных потребителей повышались в десятки раз. Таможенные тарифы использовались в этом кризисе в необычном качестве. На фоне либерализации международной торговли в последние десятилетия и общего стремления государств стимулировать экспорт – десятки стран ввели запреты или ограничения на экспорт (Россия поступила так 2 марта 2020 г. [Правительство РФ 2020]). По меньшей мере 50 стран временно сняли ввозные пошлины. В частности, Колумбия, Эквадор, Малайзия и Украина задействовали обе меры. Специалисты ОЭСР сочли такой подход логичным для расширения доступности масок внутри страны. Вместе с тем возникал вопрос, что случилось бы, если бы так поступили все страны [OECD 2020].

Сделка ЕС и Великобритании в итоге состоялась, хотя ранее выход без соглашения считался весьма вероятным [Бабынина 2019^а, с. 99–100]. Рассмотрим этот сценарий интереснее на примере США – крупнейшего партнера ЕС. Объем двусторонней торговли в 2019 г. составил 616,4 млрд евро. США занимают первое место в экспорте Евросоюза (18%, 384,4 млрд евро) и второе после Китая в импорте (12%, 232 млрд евро) [European Commission 2020^д, р. 2]. В товарообмене фармацевтическая продукция крайне важна. На нее приходится 12,6% европейского импорта и 16,9% экспорта, что в сумме составило в 2019 г. почти 94 млрд евро [European Commission 2020^д, р. 5].

Торговля фармацевтическими товарами с 2002 г. возросла почти в четыре раза. Вместе с тем торговый баланс для ЕС оставался устойчиво положительным, достигнув 36 млрд в 2019 г. [Eurostat 2020]. Европейское и американское фармацевтическое регулирование – ключевой вопрос для отрасли – по понятным причинам разделено полностью. Однако в период переговоров о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве Европейскому агентству лекарственных средств и американскому Управлению по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (*FDA*) удалось договориться о взаимном признании, несмотря на то, что партнерство так и не состоялось.

Их решение вступило в силу в ноябре 2017 г. и с 11 июля 2019 г. действует в полной мере в отношении лекарств, предназначенных для человека. В отрасли его ожидали по меньшей мере с 1998 г., когда в общее Соглашение о взаимном признании включили приложение о фармацевтике, которое почти за двадцать лет так и не было полностью имплементировано [European Medicines Agency 2019]. Именно на американский опыт ссылались в июне 2020 г. *EFPIA*, отмечая, что взаимное признание может существовать вне зависимости от изменений политического курса [EFPIA 2020]. Помимо США, такие соглашения подписаны с Австралией, Канадой, Израилем, Японией, Новой Зеландией и Швейцарией.

В упомянутом выше более позднем заявлении представители ассоциаций напомнили, что страны ЕС и Великобритания совместно создали один из главных биофармацевтических хабов в мире, способный конкурировать с США и Китаем. С их точки зрения, разделение общеевропейской экосистемы заставило бы инвесторов финансировать исследования и производственные площадки в других регионах. По оценкам предпринимателей, без взаимного признания годовой ВВП ЕС сократился бы на 1,3 млрд евро, а Великобритании – на 5 млрд евро. Готовясь к возможному переходу на торговлю по правилам ВТО, они рассматривали взаимное признание как подушку, способную сделать падение экспорта менее значительным: европейского на 1,2 млрд евро и британского на 2,3 млрд евро [ABPIA 2020*].

* * *

Брюссель и Лондон предлагали несколько разных сценариев дальнейшего развития торговых отношений. Последующие события исключили вступление Великобритании в ЕЭЗ и схожий с этим швейцарский вариант. В результате комплексное торгово-экономическое соглашение, устраняющее тарифы и ряд нетарифных барьеров, получило широкую поддержку в отрасли. Несмотря на разделение фармацевтического регулирования, между сторонами продолжит действовать важнейший принцип взаимного признания. Кроме того, в договоре есть положения о защите интеллектуальной собственности.

Что касается Северной Ирландии, Европейская комиссия, следуя ноябрьским договоренностям, подготовила ряд исключений на период после 31 декабря 2020 г. Их необходимость обоснована тем, что Северная Ирландия – наряду с Кипром, Ирландией и Мальтой – исторически полагалась на поставки лекарств из Великобритании или через ее территорию. Как следствие, при адаптации возникают риски перебоев в поставках лекарств. В ЕК привели три главных проблемы: нехватку операторов, имеющих обязательное для импорта разрешение на производство (*manufacturing authorization*); трудности в контроле качества («тестировании партий», *batch testing*) [Department of Health & Social Care 2018]; сложности с упомянутым выше уникальным идентификатором. В документе также говорится о пандемии COVID-19 как исключительном обстоятельстве, которое необходимо принять во внимание [European Commission 2021^c, p. 11–12]⁴.

⁴ Аналогично этому в опубликованной 25 ноября 2020 г. «Фармацевтической стратегии для Европы» коронавирус рассматривается как проблема для цепочек поставок, производственных мощностей, доступности научных данных и мониторинга безопасности препаратов после их регистрации [European Commission 2020^c].

До конца 2021 г. импортировать медпрепараты из других частей Соединенного Королевства в перечисленные регионы смогут и компании, у которых нет разрешения на производство [European Commission 2021^c, p. 12–13]. В течение этих двенадцати месяцев ЕК будет считать контроль качества партий в британских организациях «обоснованным случаем» отступления от директив [European Commission 2021^c, p. 14–15]. ЕК планирует пересмотреть собственный нормативный акт так, чтобы фирмам, направляющим продукцию в Кипр, Ирландию, Мальту и Северную Ирландию через Великобританию, не требовалось деактивировать уникальный идентификатор [European Commission 2021^c, p. 15–16]. Тем самым были сняты наиболее существенные озабоченности отраслевых игроков. Впрочем, публикация Еврокомиссией подобных разъяснений в январе 2021 г. подтверждает идею о том, что реальное влияние декабрьской сделки еще только предстоит уточнить.

Первой, но явно не последней проверкой, можно считать спор вокруг поставок вакцин против COVID-19. 29 января Европейская комиссия приняла регламент, запрещающий их экспорт в ряд третьих стран, включая Великобританию, без специального разрешения правительства страны-производителя [European Commission 2021^d]⁵. Так произошло на фоне сообщений британской AstraZeneca, о возможности направить в ЕС только четверть запланированного на квартал объема [Herszenhorn, Hanke Vela 2021]. В части Северной Ирландии Брюссель сослался на ст. 16 соответствующего протокола, позволяющую отменять его положения в определенных обстоятельствах. Поскольку подобное решение фактически создавало торговую границу на острове, Дублин и Лондон выразили протест [Casalicchio et al. 2021]. В итоге ЕК стремительно исключила обращение к ст. 16 из документа, охарактеризовав свой шаг как «оплошность» [Commission Implementing Regulation (EU) 2021/111 2021; Curtis 2021].

Инцидент можно считать показательным. И хотя Великобритания, будучи членом Евросоюза, представляла собой и партнера, и конкурента для других государств объединения, элемент конкуренции будет естественным образом усиливаться – как на уровне предприятий, так и регулирующих институтов [Бажан 2017, с. 26–27]. Как отмечено в [Буторина 2020] касательно будущего европейской интеграции в контексте брексита, «с выбытием Великобритании ЕС утрачивает монополию на истину... в Европе возникают два конкурирующих режима... эта конкуренция может стать богатым источником новых идей, смыслов и практик...». То же справедливо и для режима фармацевтического регулирования, который у каждой стороны теперь будет собственным, в том числе в отношениях с другими странами мира [MHRA 2019, p. 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабынина Л.О. (2019^a) Последствия брексита без сделки // Итоги правления Терезы Мэй. Отв. ред. Е.В. Ананьева. ДИЕ РАН. № 364. С. 99–105.
- Бабынина Л.О. (2019^b) Европейский союз: вызов брексита // Европа между трех океанов. Под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. П. Фёдорова. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 71–89.
- Бабынина Л.О. (2020) Проблемы Европейского союза в контексте брексита // Европа в поиске новых решений. Отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осколков. ДИЕ РАН. № 372. С. 46–52.
- Бажан А.И. (2017) Конкуренция как причина Брексита // Экономические аспекты Брексита. Отв. ред. А.И. Бажан. ДИЕ РАН. № 345. С. 26–34.
- Кондратьева Н.Б., Хромаков Д.О. (2020) Фармацевтический рынок ЕС: проблемы конкуренции. // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 2. С. 53–62.

⁵ Первоначальная версия документа, содержащая ссылку на статью 16 Протокола по Северной Ирландии, более недоступна на официальном интернет-сайте Европейской комиссии. С ее копией можно ознакомиться в других источниках.

Правительство РФ (2020) Постановление «О введении временного запрета на вывоз отдельных видов продукции из Российской Федерации». 2 марта (<http://static.government.ru/media/files/odPVbEJwgG6QH0ryelXGwqAIBTnzjfMm.pdf>).

Хесин Е.С. (2016) Экономические последствия выхода Великобритании из ЕС // Референдум о членстве Британии в Евросоюзе: ход, итоги и последствия. Часть I. Отв. ред. Е.В. Ананьева. ДИЕ РАН. № 330. С. 13–21.

Шелюбская Н.В. (2017) Проблемы развития науки и инноваций в ЕС в свете Брекзита // Экономические аспекты Брекзита. Отв. ред. А.И. Бажан. ДИЕ РАН. № 345. С. 79–89.

REFERENCES

ABPI (2020^a) COVID threat must inject urgency into trade talks, say UK & EU pharma bodies (<https://www.abpi.org.uk/media-centre/news/2020/september/covid-threat-must-inject-urgency-into-trade-talks-say-uk-eu-pharma-bodies/>).

ABPI (2020^b) Joint EU-UK pharmaceutical industry response to Brexit deal. December 24 (<https://www.abpi.org.uk/media-centre/news/2020/december/joint-eu-uk-pharmaceutical-industry-response-to-brexit-deal/>).

Agreement between the European Community and the Swiss Confederation on mutual recognition in relation to conformity assessment (2002) *Official Journal*, L 114, April 30, p. 369–429 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A22002A0430%2805%29>).

Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community (2020) *Official Journal*, L 29, p. 7–187 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12020W/TXT#d1e32-102-1>).

Babynina L.O. (2019^a) Posledstviya brekzita bez sdelki [The Implications of No-deal Brexit]. *Itogi pravleniya Terezy Mej*. E.V. Ananieva (ed.). *DIE RAN*, no. 364, pp. 99–105.

Babynina L.O. (2019^b) *Evropejskij soyuz: vyzov brekzita* [The European Union: the Challenge of Brexit]. *Evropa mezhdu trekh okeanov* [Europe Between Three Oceans]. Al.A. Gromyko, V.P. Fyodorova (eds.). Moscow, St.-Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 71–89.

Babynina L.O. (2020) Problemy Evropejskogo soyuza v kontekste brekzita [The Problems of the European Union in the Context of Brexit]. *Evropa v poiske novyh reshenij* [in: Europe in Search of New Solutions]. R.N. Lunkin, P.V. Oskolkov (eds.). *DIE RAN*, no. 372, pp. 46–52.

Banik N., Stevens P. (2015) *Pharmaceutical tariffs, trade flows and emerging economies* (<https://geneva-network.com/wp-content/uploads/2015/09/GN-Tariffs-on-medicines-1.pdf>).

Barber S. (2019) *Brexit and medicines regulation* (<https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8148/CBP-8148.pdf>).

Barnier M. (2020) Press statement by Michel Barnier following Round 6 of the negotiations for a new partnership between the European Union and the United Kingdom. *European Commission*. July 23 (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_20_1400).

BBC (2018) *Brexit: Amber Rudd says Plan B options plausible*. December 8 (<https://www.bbc.com/news/uk-politics-46490642>).

Belfast Telegraph (2018) ‘At least 10’ Cabinet ministers back Norway-style Brexit. December 7 (https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/at-least-10-cabinet-ministers-back-norway-style-brexit-37604287.html#An_increasing_trade_surplus).

Bazhan A.I. (2017) Konkurenciya kak prichina Brekzita [Competition as the Cause of Brexit]. *Ekonomicheskie aspekty Brekzita* [The Economic Aspects of Brexit]. A.I. Bazhan (ed.). *DIE RAN*, no. 345, pp. 26–34.

Cabinet Office (2020^a) Moving goods into, out of, or through Northern Ireland. GOV.UK (<https://www.gov.uk/government/collections/moving-goods-into-out-of-or-through-northern-ireland#history>).

Cabinet Office (2020^b) Press release: Ireland/Northern Ireland Specialised Committee 05 November 2020 GOV.UK (<https://www.gov.uk/government/news/irelandnorthern-ireland-specialised-committee-05-november-2020>).

Casalicchio E., Pogatchnik S., Isaac A., Gallardo C. (2021) Dublin and London blast Brussels over Brexit deal override in vaccine fight. *Politico*. January 29 (<https://www.politico.eu/article/uk-eu-coronavirus-vaccine-fight-crisis-call/>).

Commission Implementing Regulation (EU) 2021/111 of 29 January 2021 making the exportation of certain products subject to the production of an export authorisation (2021) *Official Journal*, L 311, January 30, pp. 1–8 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0111>).

Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part (2017) *Official Journal*, L 11, January 14, pp. 23–1079 ([https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22017A0114\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:22017A0114(01))).

Curtis J. (2021) Northern Ireland Protocol: Article 16 and EU vaccine export controls. *House of Commons Library*. February 2 (<https://commonslibrary.parliament.uk/northern-ireland-protocol-article-16-and-eu-vaccine-export-controls/>).

Decision of the Council, and of the Commission as regards the Agreement on Scientific and Technological Cooperation on the conclusion of seven Agreements with the Swiss Confederation (2002) *Official Journal*, L 114, April 30, p. 1.

Department of Health & Social Care (2018) Batch testing medicines if there's no Brexit deal: Guidance. GOV.UK (<https://www.gov.uk/government/publications/batch-testing-medicines-if-theres-no-brexit-deal/batch-testing-medicines-if-theres-no-brexit-deal>).

DIHK (2020) Idea Paper Extension WTO Pharmaceutical Agreement. April 24 (https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/dihk_extension_e.pdf).

Directive 2011/62/EU of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 amending Directive 2001/83/EC on the Community code relating to medicinal products for human use, as regards the prevention of the entry into the legal supply chain of falsified medicinal products Text with EEA relevance. (2011) *Official Journal*, L 174, pp. 74–87 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32011L0062>).

EFPIA (2020) Joint Letter on the Need for a Mutual Recognition Agreement between the EU and UK (<https://www.efpia.eu/news-events/the-efpia-view/statements-press-releases/need-for-a-mutual-recognition-agreement-between-the-eu-and-uk/>).

European Commission (2015) Administrative Arrangement to exchange non-public information on medicinal products between DG SANTE/EMA and FDHA/Swissmedic. July 9 (https://www.ema.europa.eu/en/documents/other/administrative-arrangements-exchange-non-public-information-medicinal-products-between-dg-sante_en.pdf).

European Commission (2020^a) European Union, Trade in goods with Norway (https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_norway_en.pdf).

European Commission (2020^b) European Union, Trade in goods with Switzerland (https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_switzerland_en.pdf).

European Commission (2020^c) European Union, Trade in goods with Canada (https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_canada_en.pdf).

European Commission (2020^d) European Union, Trade in goods with USA (https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details_usa_en.pdf).

European Commission (2020^e) Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Pharmaceutical Strategy for Europe. November 25 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0761>).

European Commission (2021^a) Union and Common Transit (https://ec.europa.eu/taxation_customs/business/customs-procedures/what-is-customs-transit/common-union-transit_en).

European Commission (2021^b) CETA explained (<https://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/ceta/ceta-explained/>).

European Commission (2021^c) Commission Notice – Application of the Union's pharmaceutical acquis in markets historically dependent on medicines supply from or through Great Britain after the end of the transition period. *Official Journal*, C 27/11, January 25 ([https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021XC0125\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021XC0125(01)&from=EN)).

European Commission (2021^d) Commission puts in place transparency and authorisation mechanism for exports of COVID-19 vaccines. January 29 (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_307).

European Medicines Agency (2019) Questions & Answers on the impact of Mutual Recognition Agreement between the European Union and the United States as of 11 July 2019 (https://www.ema.europa.eu/en/documents/other/questions-answers-impact-mutual-recognition-agreement-between-european-union-united-states-11-july_en.pdf).

European Medicines Agency (2021^a) Mutual recognition agreements (<https://www.ema.europa.eu/en/human-regulatory/research-development/compliance/good-manufacturing-practice/mutual-recognition-agreements-mra>).

European Medicines Agency (2021^b) Switzerland (<https://www.ema.europa.eu/en/partners-networks/international-activities/bilateral-interactions-non-eu-regulators/switzerland>).

Eurostat (2020) International trade in medicinal and pharmaceutical products (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=International_trade_in_medicinal_and_pharmaceutical_products&oldid=457953).

Eurostat (2021) Comext DS-018995, Division 54 'Medicinal and pharmaceutical products' of the Standard international trade classification revision 4 (SITC Rev. 4) (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/newxtweb/>).

GATT (1994) Trade in Pharmaceutical Products. March 25 (https://www.wto.org/gatt_docs/English/SULPDF/91770009.pdf).

Government of Canada (2016) Opportunities and Benefits of CETA for Canada's Pharmaceutical Exporters (<https://www.international.gc.ca/trade-commerce/assets/pdfs/agreements-accords/ceta-pharma-2016-eng.pdf>).

Herszenhorn D.M., Hanke Vela J. (2021) EU brandishes export ban to claim dibs on vaccines. *Politico*. January 28 (<https://www.politico.eu/article/eu-brandishes-export-ban-to-claim-dibs-on-vaccine-astrazeneca-pfizer/>).

Hesin E.S. (2016) Ekonomicheskie posledstviya vyhoda Velikobritanii iz ES [The Economic Implications of the UK Withdrawal from the EU]. Referendum o chlenstve Britanii v Evrsoyuz: hod, itogi i posledstviya [in: The UK EU Membership Referendum: It's Course, Results and Implications]. Chast' I. E.V. Ananieva (ed.). *DIE RAN*, no. 330, pp. 13–21.

House of Commons (2013) Leaving the EU: Research Paper, vol. 13/42. July 1 (<https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP13-42/RP13-42.pdf>).

House of Commons (2018^a) The impact of Brexit on the pharmaceutical sector.

House of Commons (2018^b) EU Exit Analysis Cross Whitehall Briefing. January (<https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/Exiting-the-European-Union/17-19/Cross-Whitehall-briefing/EU-Exit-Analysis-Cross-Whitehall-Briefing.pdf>).

House of Commons (2020^a) Oral evidence: Brexit and the Northern Ireland Protocol, HC 767. November 11 (<https://committees.parliament.uk/oralevidence/1204/html/>).

House of Commons (2020^b) The UK-EU future relationship: the March 2020 EU draft treaty and negotiations update: *Briefing Paper*. Number 8923. May 27 (<https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8923/CBP-8923.pdf>).

Johnson B. (2020) Statement made on 3 February 2020. *UK Parliament*. February 3 (<https://questions-statements.parliament.uk/written-statements/detail/2020-02-03/HCWS86>).

Jozepa I., Fella S., Browning S., Seely A., Ferguson D., Smith L., Priestley S. (2020) The UK-EU future relationship negotiations: Level playing field: *Briefing Paper*. Number CBP8852. June 19. (<https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-8852/CBP-8852.pdf>).

Killian A. (2020) Top 10 largest UK companies by market cap. *IG*. December 21 (<https://www.ig.com/uk/news-and-trade-ideas/top-10-largest-uk-companies-by-market-cap-190715>).

Knightley P., Evans H. (1979) *Suffer The Children: The Story of Thalidomide*. New York: The Viking Press.

Kondrat'eva N.B., Khromakov D.O. (2020) Farmatsevticheskiy rynek ES: problemy konkurentsii [EU Pharmaceutical Market: Problems of Competition]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, vol. 64, no. 2, pp. 53–62.

Lexchin J., Gagnon M.-A. (2014) CETA and pharmaceuticals: impact of the trade agreement between Europe and Canada on the costs of prescription drugs. *Globalization and Health* (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4108121/>).

May T. (2017) Speech Laying Out the U.K.'s Plan for Brexit. *Time*. January 17 (<https://time.com/4636141/theresa-may-brex-it-speech-transcript/>).

MHRA (2019) Annual Report and Accounts 2018/19 (https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/821766/annual_report_2019_for_govuk_new.pdf).

MHRA (2020) Guidance on 150-day assessment for national applications for medicines GOV.UK. December 31 (<https://www.gov.uk/guidance/guidance-on-150-day-assessment-for-national-applications-for-medicines>).

Neville S. (2019) Will drugs companies follow EU agency from London to Amsterdam? *Financial Times*. May 16 (<https://www.ft.com/content/70897a14-733c-11e9-bf5c-6eeb837566c5>).

O'Caroll L., Devlin H. (2018) Britain loses medicines contracts as EU body anticipates Brexit. *The Guardian*. September 2 (<https://www.theguardian.com/business/2018/sep/02/britain-loses-medicines-contracts-as-eu-body-anticipates-brexite>).

OECD (2020) The Face Mask Global Value Chain in the COVID-19 Outbreak: Evidence and Policy Lessons. May 4 (https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132616-14i0j8ci1q&title=The-Face-Mask-Global-Value-Chain-in-the-COVID-19-Outbreak-Evidence-and-Policy-Lessons)

Office for National Statistics (2020) Employment in the UK: November 2020 (<https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/bulletins/employmentintheuk/november2020>).

Political declaration setting out the framework for the future relationship between the European Union and the United Kingdom (2019) *Official Journal*, C 384I, November 12, pp. 178–193 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12019W%2FDCL%2801%29>).

Pravitel'stvo RF (2020) Postanovleniye «O vvedenii vremennogo zapreta na vyvoz otdel'nykh vidov produktsii iz Rossiyskoy Federatsii» [Resolution of the Government of the Russian Federation “On the Temporary Ban on Export of Certain Goods from the Russian Federation”]. 2 marta (<http://static.government.ru/media/files/odPVbEJwgG6QH0ryelXGwqAIBTnzjfMm.pdf>).

PwC (2016) Brexit Monitor: The impact on Pharma & Life Sciences (<https://www.pwc.nl/en/brexit/documents/pwc-brexit-monitor-pharma-life-sciences.pdf>).

Shelyubskaya N.V. (2017) Problemy razvitiya nauki i innovacij v ES v svete Brekzita [The Problems of Science and Innovations in the EU in the Light of Brexit]. *Ekonomicheskie aspekty Brekzita*. [The Economic Aspects of Brexit]. A.I. Bazhan (ed.). *DIE RAN*, no. 345, pp. 79–89.

Trade and Cooperation Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the other part. (2020) *Official Journal*, L 444, December 31, pp. 14–1462.

Unified Patent Court (2020) UK Withdrawal from the UPCA. July 20 (<https://www.unified-patent-court.org/news/uk-withdrawal-upca>).

WTO (2021) The WTO's Pharma Agreement (https://www.wto.org/english/tratop_e/pharma_ag_e/pharma_agreement_e.htm).

РЕСПУБЛИКИ ЮЖНОГО КАВКАЗА:
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ
*REPUBLICS OF THE SOUTH CAUCASUS:
DEMOCRATIZATION AND NATIONAL INTERESTS*

Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа

*А.С. АЙВАЗЯН**

***АЙВАЗЯН Анна Степановна** – научный сотрудник Отдела европейской интеграции Института Европы РАН. Адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3. E-mail: anna.ayvazyan@gmail.com

В статье рассмотрена практика демократических реформ, ее результаты и ограничения в рамках партнерства ЕС со странами Южного Кавказа. Автор подчеркивает, что консолидация демократии фигурирует как ключевая цель сотрудничества ЕС с Арменией, Грузией и Азербайджаном. Предметом исследования послужили соглашения, заключенные ЕС с южнокавказскими государствами, а также программные документы Комиссии ЕС, касающиеся вопросов развития третьих стран. Сделан вывод о смещении фокуса сотрудничества в сфере демократических реформ с трансформации политических режимов на адаптацию государственными институтами стран-партнеров европейских административных практик, диалог с организациями гражданского общества. Автор считает, что, несмотря на некоторые успехи в отдельных аспектах партнерства, это не привело к коренным политическим изменениям.

Ключевые слова: европейская интеграция, ЕС, Южный Кавказ, демократические реформы, содействие развитию, гражданское общество.

DOI: 10.31857/S086904990013831-6

Цитирование: Айвазян А.С. (2021) Роль ЕС в продвижении демократических реформ в странах Южного Кавказа // Общественные науки и современность. № 1. С. 132–144. DOI: 10.31857/S086904990013831-6

The Role of the EU in Democracy Promotion in the South Caucasus Countries

*Anna S. AYVAZYAN**

***Anna S. Ayvazyan** – research associate, Department for European integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 125009, Moscow. 11 Mokhovaya, build. 3. E-mail: anna.ayvazyan@gmail.com

Abstract. The article poses the issue of the implementation of democratic reforms, their results and limitations as a part of the EU partnership with the South Caucasus countries. The author underlines

that consolidation of democracy has been mentioned as the key goal of the EU-Armenia, EU-Georgia and EU-Azerbaijan cooperation. The subject of research are official agreements between the EU and the South Caucasian states, as well as the EU Commission documents that relate to the development of third countries. The author concludes that the focus of cooperation in democratic reforms has moved from regime transformation to adaptation of European administrative practices, building dialogue with civil society organisations. Despite certain success in selected aspects of the partnership, this has not brought any profound political change.

Keywords: European integration, EU, South Caucasus, democratic reforms, development assistance, civil society.

DOI: 10.31857/S086904990013831-6

Citation: Ayvazyan A. (2021) The role of the EU in democracy promotion in the South Caucasus countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 132–144. DOI: 10.31857/S086904990013831-6 (In Russ.).

Становление демократии – цель выстраивания отношений ЕС с Азербайджаном, Арменией и Грузией, закрепленная в договоренностях с 1996 г. Именно тогда южнокавказские государства подписали идентичные Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, в отдельной главе которых шла речь о сотрудничестве в сфере демократии и прав человека¹. Авторы соглашения подчеркивали в качестве приоритетов верховенство закона, уважение прав человека, прав представителей меньшинств, установление многопартийной системы со свободными и демократическими выборами².

В дальнейшем стороны уделяли внимание развитию демократии в подпунктах разделов о реформах государственных институтов. В ст. 4 Соглашения о всеобъемлющем и расширенном сотрудничестве ЕС с Арменией указана цель развития, укрепления стабильности и эффективности демократических институтов и верховенства закона в качестве одного из направлений внутренних реформ³. В соглашении нет отдельного раздела, в котором бы уточнялось понятие «демократии» либо механизм, посредством которого демократические институты должны развиваться.

Наряду с первостепенной важностью демократии, в преамбуле Соглашения об ассоциации Грузии с ЕС множество разделов и статей о секторальном сотрудничестве, реформах в отдельных сферах прописаны гораздо подробнее. В документе подчеркнуто, что ЕС основан на ценностях демократии, уважении прав человека и фундаментальных свобод, что служит фундаментом политической ассоциации и экономической интеграции. В ст. 4 соглашения подтверждено намерение сторон сотрудничать в развитии и усилении стабильности и эффективности демократических институтов и верховенства закона, в реформировании сферы правосудия и законодательства, государственного управления,

¹ Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part. Official Journal of the European Union. 1999. 9 September (https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-armenia_partnership_and_cooperation_agreement_en.pdf).

Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Georgia, of the other part. Official Journal of the European Union. 1999. 4 August (<https://ec.europa.eu/world/agreements/prepareCreateTreatiesWorkspace/treatiesGeneralData.do?step=0&redirect=true&reatyId=188>).

Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Republic of Azerbaijan, of the other part. Official Journal of the European Union. 1999. 17 September ([https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:21999A0917(01))).

² Там же.

³ Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part. European Commission. 2017 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0037>).

борьбе с коррупцией⁴. Демократическое развитие авторы соглашения также упоминают в ст. 8 в контексте региональной стабильности и мирного разрешения конфликтов.

Продвижение в сфере демократии – один из основных критериев, который Европейский союз использует, принимая решения о выделении средств на развитие сотрудничества с третьими странами. Среди главных показателей приверженности страны демократическому развитию – заявления политических лидеров о выборе пути сотрудничества с ЕС как основного, а также подписание соответствующих соглашений. Что именно подразумевается под демократическими реформами? Каким образом осуществлялось данное направление партнерства со странами Южного Кавказа? Каков достигнутый результат и его ограничения? В статье предпринята попытка найти ответы на эти вопросы.

Определение демократии применимо к политическим режимам, закрепленным в разных странах. В академических публикациях, к примеру, различают российскую модель суверенной демократии, либерально-демократическую модель США, социально-либеральную модель ЕС [Oskanian, Averre 2016]. Выход Великобритании из ЕС способствовал разделению британской демократической модели и демократии континентальной Европы [Буторина 2020]. Говорить о единой европейской демократической политической модели затруднительно из-за существования целого спектра понятий демократии.

Разделение на условно демократичный Запад и недемократичные развивающиеся страны в академических публикациях часто подвергаются критике. Один из аргументов состоит в том, что будущее демократии более не сводится лишь к способности Запада продвигать свое видение о либеральном порядке. На эту роль претендуют и другие игроки, что было свойственно, в частности, внешней политике Турции во время событий арабской весны. Содействие развитию оказывает и Индия, предоставляя помощь на проекты по мониторингу выборов в таких странах, как Египет, Ливия, Намибия и ЮАР [Youngs 2019]. С другой стороны, утрата доверия к политикам, политическим партиям и институтам – глобальный тренд, наблюдаемый и в западных странах, апеллирующих к демократическим идеям политических сил самого разного толка [del Valle Ruiz 2017]. Усиливающаяся полицентричность мира размывает основы либеральной модели мироустройства, растет множественность моделей развития государства [Неймарк 2018].

Вместе с тем страны Южного Кавказа развивают партнерские отношения и с Россией. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г., свидетельствует о конкуренции между государствами, которая все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития⁵. Согласно Стратегии, Россия проводит открытую, рациональную и прагматичную внешнюю политику, исключая затратную конфронтацию, признавая приоритет интересов во взаимоотношениях с другими странами и их способность самостоятельно выбирать ту или иную модель развития и экономического взаимодействия. Определенные усилия российская сторона предприняла и в сфере содействия развитию стран-партнеров. Основной документ, в котором обосновано оказание технической, финансовой, гуманитарной и иной помощи странам-соседям со стороны Российской Федерации, – Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию⁶. Ее декларируемая цель – устойчивое социально-экономическое развитие государств-партнеров как необходимого элемента коллективной безопасности, а нормативный базис включает Устав ООН. Преимущество отдано

⁴ Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part. Official Journal of the European Union. 2014. 13 August ([https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02))).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 (<http://kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1>).

⁶ Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/64542).

вопросам безопасности, экономического взаимодействия. В меньшей степени приоритет взаимодействия в других сферах связан с восприятием стран региона как исторически, культурно и социально близких России партнеров. Таким образом, у государств Южного Кавказа складываются стратегические партнерства, основанные как на идейных предпочтениях политических элит, так и на прагматичных интересах стран.

Исследователи расценивают государства Южного Кавказа как гибридные режимы, сочетающие формальные элементы демократического правления с укорененными неформальными и либеральными практиками, свойственными авторитаризму. Модели политического развития стран региона так или иначе сочетают в себе смешанные формы: например, в отношении Армении использовался термин «конкурентный авторитаризм» [Babayán 2016], Грузии – «медленно зреющая демократия» [Delcour, Wolczuk 2015], термин «полуавторитаризм» свойствен публикациям, в которых речь идет об Азербайджане [Gulyiev 2005]. Политические преобразования в этих странах отличает сохранение авторитарных тенденций при одновременном сближении с Западом в самых разных сферах взаимодействия, включая правовую. Проблема в том, что само по себе функционирование политических институтов, избирательной системы не означает перехода к демократическому режиму правления. Для исследовательской повестки актуален вопрос определения критериев эффективности демократических реформ, используемых ЕС.

Подходы к определению качества демократических режимов различны: исследователи рассматривают саму процедуру демократического процесса (его управляемость, методы, сроки); структурные характеристики, содержательную часть и идейную основу демократических преобразований; оценки конечных потребителей – граждан, у которых есть возможность критиковать действия правительства и публично выражать собственное мнение о легитимности правления [Морлино 2014].

За годы взаимодействия со странами Южного Кавказа ЕС сместил фокус демократических реформ с изменений в правящей структуре государств к административным практикам в государственном управлении, например, в сфере финансов и права. Соответственно, в отчетах о сотрудничестве последних лет с Азербайджаном, Арменией и Грузией Европейский союз особо делает акцент на защите прав и свобод индивида и отдельных социальных групп. К сообществам, которые ЕС выделяет как уязвимые и нуждающиеся в правовой защите, относятся гендерные и сексуальные меньшинства, национальные меньшинства, люди с ограниченными возможностями, дети. Для традиционных обществ южнокавказских государств особенно болезненным оказался вопрос выдвижения прав гендерных и сексуальных меньшинств на политический уровень. Резонансным стало выступление трансгендерной женщины в армянском парламенте в 2019 г. при обсуждении реформ судебно-правовой системы. В ее адрес со стороны парламентариев раздавались жесткая критика и угрозы⁷. Грузинская патриархия утвердила «День святости семьи» в ответ на акции в поддержку ЛГБТ сообщества⁸.

Внимание к вопросам прав и свобод отдельного гражданина послужило точкой отсчета успеха или неуспеха демократических реформ [Badalyan, Vasilyan 2020]. Такой подход отвечает общему тренду развития концепции «человеческой безопасности» в международном сотрудничестве, заложенному, в том числе, и в Заключительном акте Хельсинкского соглашения, обозначающего военно-политическое, экономическое и «человеческое» измерения как имеющую одинаковую значимость [Paris 2001]. Однако в южнокавказских обществах такую позицию ЕС некоторые политические силы восприняли как несправед-

⁷ Выступление трансгендера в парламенте Армении вызвало резонанс в соцсетях (<https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/333976/>).

⁸ Священнослужители проведут автомобильное шествие в Тбилиси на «День святости семьи» (<https://www.ekhhokavkaza.com/a/30615939.html>).

ливую позитивную дискриминацию отдельных групп, критерии обозначения которых навязаны извне.

Традиционные подходы к распространению демократии подразумевают использование рычагов воздействия на правящие элиты (*leverage* – англ.) либо привязку сотрудничества к результатам реформ (*linkage* – англ.) [Levitsky 2006]. В другом случае становление демократии происходит в условиях социально-экономического развития и международного обмена, что, несомненно, актуально для стран, образовавшихся после распада СССР и находящихся в поиске успешных практик государственного управления. Программы взаимодействия доноров реформ с развивающимися странами широкомасштабны и нацелены на поддержку целого спектра направлений сотрудничества, включая сферу образования, инициативы гражданского общества, экономику и др.

Использование рычагов взаимодействия, наоборот, сфокусировано на роли правящих элит в изменении политических режимов. В этом случае ЕС воздействует на политические элиты, предлагая им определенные выгоды партнерства, как, например, членство страны в Союзе. Сотрудничая со странами Южного Кавказа, ЕС часто прибегает к декларативным методам, выражая то или иное мнение по поводу политической ситуации внутри страны и в регионе. Прежде всего потому, что выбор рычагов воздействия очень ограничен, а главный стимул к реформам – членство в ЕС – отсутствует в партнерстве с Азербайджаном, Арменией и Грузией.

С расширением программ развития, поддерживаемых ЕС, широко распространился термин «надлежащее управление» (*good governance* – англ.). Это понятие в русскоязычных источниках чаще используют в отношении эффективности государственного управления. Оно обозначает заимствование моделей и практик – принципов прозрачности, подотчетности государственных органов гражданам стран и др. в ходе взаимодействия различных административных структур, но не непосредственную смену политических режимов [Lavenex 2015]. Такой подход, не предполагая коренной реформы политических институтов, готовит правовую основу для демократического правления и создает предпосылки для транзита к демократии.

В 2006 г. Комиссия ЕС предложила при сотрудничестве с третьими странами перенести акцент со смены политических режимов, что не может быть реалистичной целью ЕС, на распространение практик надлежащего управления. Под этим, в свою очередь, европейские политики подразумевают более прозрачные, подотчетные гражданам практики государственного управления, большую вовлеченность населения в процесс принятия решений даже в авторитарных странах⁹. Европейская комиссия подчеркивает важность эффективного государственного управления в широком значении, включая не только борьбу с коррупцией, но и доступ к здравоохранению, образованию, правосудию, плюрализм в СМИ, функционирование парламента, управление государственными финансами и природными ресурсами.

В 2012 г. Комиссия ЕС выпустила сообщение «Корни демократии и устойчивого развития – взаимодействие Европы с гражданским обществом во внешних отношениях»¹⁰. В результате во взаимодействии ЕС с развивающимися странами появился новый субъект – гражданское общество, названное в документе важнейшим компонентом демократической системы. Представлено и его определение: гражданское общество включает все негосударственные и некоммерческие структуры, не принадлежащие к какой-либо политической партии и носящие ненасильственный характер. При их помощи люди самоорганизуются для достижения общих задач и идеалов, включая политические, культурные, социальные

⁹ Governance in the European Consensus on Development. Towards a Harmonised Approach within the European Union. European Commission. 2006 (<https://eur-lex.europa.eu/summary/EN/r13012>).

¹⁰ The roots of democracy and sustainable development: Europe's engagement with Civil Society in external relations. European Commission. 2012 (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52012DC0492>).

или экономические. В цели институтов гражданского общества, по мнению Европейской комиссии, входят социальный прогресс и фундаментальные ценности мира — свобода, равные права и человеческое достоинство. Обозначены три конкретных направления по работе с подобными организациями в странах-партнерах: создание благоприятной среды для соответствующих организаций, значимое участие гражданского общества во внутренней политике стран-партнеров и международных процессах; усиление способности гражданского общества выполнять функцию акторов развития.

Формализация подходов к демократическому развитию стран-партнеров в рамках европейских институтов продолжилась. В 2015 г. Совет Европейского союза принял документ «План действий ЕС по продвижению прав человека ЕС и демократии»¹¹, в котором предложил включить повестку о защите прав человека во все внешнеполитические программы сотрудничества, в том числе касающиеся сферы торговли, миграции, борьбы с терроризмом. Такой подход к программам развития, основанный на правозащитной повестке, получил формальное обоснование; критерии, связанные с оценкой ситуации с правами человека, были включены в качестве основных в мониторинг сотрудничества со странами-партнерами во всех сферах взаимодействия.

Те же тенденции отразились и на взаимоотношениях ЕС со странами Южного Кавказа. В первые годы политики соседства ЕС демократические реформы рассматривались в связке с усилиями Европейского союза по снижению бедности в странах. Следуя Европейскому Консенсусу развития, - документу, изданному Комиссией ЕС и определяющему основы отношений с развивающимися странами, - ЕС сотрудничал с третьими странами, предлагая меры по уменьшению бедности, продвижению надлежащего управления и уважению прав человека¹².

В 2007–2013 гг. ЕС сотрудничал с Арменией способствуя трансформации общества в полноценную демократию и рыночную экономику¹³. Решить эту задачу ЕС пытался преимущественно за счет адаптации европейских практик государственного управления, европейского законодательства к реалиям страны. Приоритетами служили усиление демократических структур и верховенства права, в особенности реформы правосудия и государственного управления, включая местное самоуправление, борьбу с коррупцией. В национальной индикативной программе Европейского инструмента по партнерству и соседству с Арменией на 2007–2010 гг. стороны обозначили в качестве ожидаемого долгосрочного результата видимое улучшение уважения прав человека и фундаментальных свобод в Армении, активное участие гражданского общества в общественной жизни, стабильное демократическое развитие Армении. Индикаторами при этом служили явные признаки растущего доверия граждан по отношению к правам человека и фундаментальным свободам; стабильный уровень свободы самовыражения и свободы СМИ (что должно отражаться в оценках независимых наблюдателей, отчетах НКО и др.), укрепление структур общественного диалога¹⁴.

В Грузии вышеупомянутые цели сотрудничества включали также задачу мирного решения внутренних конфликтов и восстановления территорий после военных действий¹⁵.

¹¹ EU Action Plan on Human Rights and Democracy. European Council. 2015 (<https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/publications/eu-action-plan-on-human-rights-democracy/>).

¹² The New European Consensus on Development “Our World, Our Dignity, Our future”. European Commission. 2017 (https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/european-consensus-on-development-final-20170626_en.pdf).

¹³ Armenia. Country Strategy Paper 2007–2013. EDRC. (https://www.edrc.am/images/Partnership_Strategies/EU/enpi_country_strategy_paper_%202007_2013_eng.pdf).

¹⁴ Armenia. National Indicative Programme 2007–2010. EDRC (https://www.edrc.am/images/Partnership_Strategies/EU/armenia_enpi_national_indicative_programme_2007-2010.pdf).

¹⁵ Annual Action Programme 2007 in favour of Georgia. European Commission: (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2007_c2007_5372_annual_action_programme_for_georgia.pdf).

Приоритеты сотрудничества Грузии с ЕС на 2007–2010 гг. – демократическое развитие, верховенство права и надлежащего правления, экономическое развитие, уменьшение бедности и поддержка социальных реформ¹⁶. Национальная индикативная программа на 2007–2010 гг. в Азербайджане определяла следующие задачи: социально-экономические реформы и сближение азербайджанского законодательства с европейским, борьбу с бедностью и усиление потенциала государственных органов¹⁷.

С начала взаимодействия Азербайджана, Армении и Грузии с ЕС развитие получили проекты межведомственного сотрудничества, установление контакта непосредственно между министерствами. Особое внимание ЕС уделял министерствам, непосредственно вовлеченным в процесс реформ. Среди них: Министерство иностранных дел, Министерство финансов и экономики, Министерство торговли, Министерство правосудия, Министерство сельского хозяйства, Министерство образования. Помимо межведомственного сотрудничества, ЕС также поддерживал программы профессионального обучения и обмен опытом между государственными структурами. Эффект от подобных программ оценить сложно: с одной стороны, государственные служащие действительно участвуют в тренингах и обменах. Однако насколько каждый из них применяет полученные знания в условиях иных систем управления и правовой культуры, никаким образом не отслеживается. Кроме того, фокус подобных программ был изначально размыт, включал реформы правосудия, государственного управления, местного самоуправления, управления государственными финансами, поддержку проектов в развитии гражданского общества, контактов между людьми. Все это так или иначе обозначалось в качестве демократических реформ, так как способствовало заимствованию норм и практик в ЕС в различных сферах регулирования.

Пределы Европейской политики соседства

Начальный этап развития отношений между ЕС и государствами Южного Кавказа уже продемонстрировал слабость административного аппарата в странах-партнерах, их ограниченную способность воспринять и адаптировать требования ЕС. Именно эта причина была названа в ЕС как одно из основных препятствий к взаимодействию Азербайджана с международными организациями в целом и с ЕС в частности¹⁸.

ЕС не прибегал к санкциям в случае отсутствия прогресса в продвижении к демократической форме правления. Мотивировать страны к реформам должен был принцип «большее за большее», подразумевавший больший прогресс в отношениях при больших усилиях партнеров¹⁹. Предложенная концепция сотрудничества обозначила предел европейской интеграции для государств, участвующих в Европейской политике соседства: Европейский союз не мог однозначно сформулировать размер выгод и сроки их достижения для каждой из стран.

Наиболее стабильным направлением сотрудничества ЕС со странами Южного Кавказа в сфере демократических реформ стала реформа системы правосудия. В Армении в 2008 г. были пересмотрены закон о регулировании статуса судей, процедуры назначения и повышения судей в должности, закон о прокуратуре, внедрение института общественного

¹⁶ Annual Action Programme 2008 in favour of Georgia. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2008_c2008_3516_annual_action_programme_for_georgia.pdf).

¹⁷ Azerbaijan. National Indicative Programme 2007–2010. European Commission (https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/national_ind_prog_azerbaijan.pdf).

¹⁸ Annual Action Programme 2008 in favour of Azerbaijan. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/c_2008_8238_f1_commission_decision_en_v2_p1_516313.pdf).

¹⁹ European Neighbourhood Policy (ENP) – Fact Sheet. European Commission (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_13_236).

защитника²⁰. Состоялось открытие центра AEPLAC, изучающего вопросы сближения законодательства страны с европейским, организованы тренинги для сотрудников Министерства юстиции, судей, адвокатуры, представителей гражданского общества по принятым законам. Реформа системы правосудия призвана способствовать принятию европейских процессуальных норм, принципов прозрачности правосудия, уменьшения неравенства во время судебных разбирательств.

В национальной индикативной программе сотрудничества Армении и ЕС на 2011–2013 гг. стороны также рассматривали развитие демократических институтов в контексте реформы правосудия. Среди предложенных мер — борьба с коррупцией в секторе правосудия, доступность и качество юридических услуг, в том числе судебного процесса за счет повышения квалификации судей, адвокатов, работников прокуратуры, пересмотра Уголовного кодекса и уменьшения количества заключенных²¹. К 2017 г., однако, в обновленном плане сотрудничества страны на 2017–2020 г. указано отсутствие объективных данных о реформах²². Согласно документу, большинство из предпринятых преобразований были направлены на смену общих принципов, но не на конкретный результат. Например, качество судебных решений не всегда соответствовало международным стандартам, так как судьи не могли обосновать, почему они приняли то или иное решение²³. Премьер-министр Армении Н. Пашинян провел реформы в судебной сфере в 2019 и 2020 гг., что вызвало критику со стороны оппозиции как попытку учредить «карманный суд» в борьбе с политическими конкурентами. Таким образом, оказалось, что систему правосудия легко трансформировать под интересы власти, несмотря на видимость изменений.

В 2007–2013 гг. усиление верховенства права стало одним из ключевых направлений и приоритетов взаимодействия Грузии и ЕС²⁴. Грузия в большей степени продвинулась в реформировании уголовного законодательства. Стратегия по реформе уголовного правосудия была разработана при содействии Миссии ЕС по верховенству права и имела целью обеспечить качественные услуги в сфере уголовного законодательства. Предусматривалась социальная реинтеграция заключенных, уменьшение количества заключенных и улучшение условий в тюрьмах, предоставление им доступа к здравоохранению, юридической помощи, усиление института общественного защитника. С 2001 по 2011 г. ЕС направил более 37 млн евро на реформирование уголовного правосудия в Грузии. Приоритет реформы правосудия сохранился и на последующие годы. В частности, план действий 2018 г. включал сотрудничество по усилению безопасности граждан Грузии путем поддержки верховенства закона в стране и надлежащего правления²⁵. Этот приоритет остался неизменным и в 2017–2020 гг.²⁶

Большое влияние на развитие сотрудничества ЕС и стран Южного Кавказа оказал пражский саммит программы «Восточное партнерство» в 2009 г. С этого времени

²⁰ Support to Justice Reform. European Commission. (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2008_c2008_3494_annual_action_programme_for_armenia_justicereform.pdf).

²¹ Armenia. National Indicative Programme 2011–2013. Deutsch – Armenische Gesellschaft (<http://www.deutscharmenischegesellschaft.de/wp-content/uploads/2010/04/EU-Kommission-NATIONAL-INDICATIVE-PROGRAMME-2011-2013-Armenia.pdf>).

²² Annual Action Programme 2017 in favour of the Republic of Armenia. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2017_c20178195_annual_action_programme_for_armenia.pdf).

²³ Action Document for “Consolidation of the Justice System in Armenia”. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2017_040664_consolidation_of_the_justice_system.pdf).

²⁴ Support to the Criminal Justice Sector. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_criminaljusticesector.pdf).

²⁵ Annual Action Programme in favour of Georgia for 2018. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2018_c20188064_annual_action_programme_for_georgia.pdf).

²⁶ Single Support Framework for EU support to Georgia (2017–2020). European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/ssf_georgia.pdf).

в официальных документах ЕС появилась формулировка «европейский выбор», разделяющая страны-партнеры на принявших соответствующее решение о сближении с ЕС, и страны, следующие европейскому вектору интеграции лишь в ограниченной мере.

2008 год, предшествовавший саммиту, стал переломным для сотрудничества Армении и ЕС. После президентских выборов и последующей конфронтации между властью и оппозицией 1 марта 2008 г. президент Армении С. Саргсян обратился к Европейской комиссии с просьбой усилить поддержку реформ и таким образом обеспечить стабильность. Была основана Консультативная группа ЕС, финансирование которой направлялось через Инструмент стабильности. К соответствующим министерствам, омбудсмену Армении, президентской администрации и парламенту страны были прикреплены консультанты (включая офис премьер-министра, министра экономики, министра иностранных дел, министра энергетики)²⁷. С другой стороны, в плане действий 2009 г. отмечено, что в 2008 г. получено лишь три реалистичных предложения касательно межведомственного сотрудничества от проектного офиса в Армении.

Армянский опыт 2006–2008 гг. показал, что мотивация руководства страны к сотрудничеству с ЕС может быть обоснована внутривластными причинами: правительства и руководства стран могут таким образом пытаться утвердиться в международном сообществе и повысить свою легитимность внутри государства. С одной стороны, власти Армении высказывали готовность к сотрудничеству, с другой – на столе переговоров не было большого количества конкретных предложений ни со стороны ЕС, ни со стороны Армении.

С 2009 г. ЕС сотрудничал с Азербайджаном, Арменией и Грузией с намерением заключить с каждой из стран Соглашение об ассоциации. В 2010 г. Комиссия направила 21 млн евро на подготовку Соглашения об ассоциации ЕС и Армении. План предполагал сближение экономического законодательства и административных практик, включая стратегию в сфере энергетики²⁸. Кроме того, правительство Армении проявило инициативу, разработав программу действий и индикаторов по выполнению Плана действий в рамках Европейской политики соседства, согласно президентскому указу. С апреля 2009 г. консультативная группа ЕС делилась опытом стран-членов в проведении реформ. С этого момента в планах действий фигурировала цель вовлечь гражданское общество, расширить знания о ЕС, европейской интеграции и ценностях посредством образовательных программ, в особенности для молодежи.

Годовой бюджет, ориентированный на подготовку Соглашения об ассоциации с Грузией в 2011 г., составил 9,73 млн евро²⁹. В Азербайджане на аналогичные цели в 2011 г. было направлено 11 млн евро³⁰. Объем выделенных средств различен и соразмерен усилиям по подготовке соглашений, включая необходимые изменения в законодательстве, создание необходимых для имплементации государственных институтов и др. В Грузии сотрудничество сконцентрировалось в особенности в тех сферах, которые не были предметом взаимоотношений ранее: экономическое развитие, энергетическая эффективность, окружающая среда, контакты между людьми.

²⁷ Twinning and Technical assistance Facility in support of the EU-Armenia European Neighbourhood Policy Action Plan. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2009_c2009_7634_annual_action_programme_for_armenia_twinningtechnicalassistance.pdf).

²⁸ Support to the Government of Armenia for the implementation of the ENP Action Plan and preparations for the future Association Agreement. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2010_c20109242_annual_action_programme_for_armenia_multisectorbudgetsupport.pdf).

²⁹ Framework Programme in support of EU-Georgia agreements. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_eu-georgia_agreements.pdf).

³⁰ Framework programme in support of EU-Azerbaijan agreements. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_7097_eu-azerbaijan_agreements.pdf).

Важной частью подготовки государств Южного Кавказа к ассоциации с ЕС стала Всеобъемлющая программа по созданию институтов, необходимых для имплементации соглашения. ЕС и каждая страна подписали соответствующее рамочное соглашение из трех частей: создание координационной структуры для имплементации Соглашения об ассоциации, подготовка Соглашений о создании зоны свободной торговли, упрощении визового режима и реадмиссии. В документах ЕС отмечен ограниченный эффект проектов из-за слабости административного аппарата, неэффективности правительственных структур, низкой способности стран освоить приток капиталовложений.

Программа всеобъемлющего создания институтов в Грузии предполагала развитие трех направлений: координация и переговоры о новом соглашении Грузии и ЕС; сфера торговли; демократическое развитие, надлежащее правление и права человека. Под последними, в частности, имелись в виду введение института общественного защитника, поддержка парламентского сотрудничества³¹.

Несмотря на значимые вложения ЕС в подготовку Соглашения об ассоциации со странами Южного Кавказа, не были соблюдены основные предусловия сотрудничества: приверженность правительств к реформам, к расширению политического и экономического партнерства с ЕС, наличие политической воли продолжить переговоры и заключить соглашения. Единственной страной региона, подписавшей Соглашение об ассоциации в 2014 г. и сделавшей выбор в пользу европейской интеграции, оказалась Грузия. И Армения, и Азербайджан предпочли сохранить многовекторность внешней политики. Обе страны продолжили переговоры о заключении соглашений с ЕС, однако их формат существенно отличался от ранее предложенных. К тому же ЕС в переговорах настойчиво игнорировал фактор безопасности, столь важный для Армении. Война 2020 г. в Нагорном Карабахе продемонстрировала, насколько бесполезен Европейский союз в кризисной ситуации: армянские политики полагались исключительно на союзническую помощь России. Азербайджан, с другой стороны, предпочел военно-политический союз с Турцией – региональной державой, которая последовательно усиливала свое экономическое и военное присутствие в регионе. Большинство европейских политиков и исследователей в то же время продолжали рассматривать Южный Кавказ в парадигме соперничества России и ЕС.

В 2014–2017 гг. особое значение приобрела поддержка организаций гражданского общества. Однако в Армении вложения ЕС были признаны малоэффективными. В отчетах ЕС указано, что, несмотря на значительное финансирование, организации гражданского общества в Армении ограничены во влиянии на принятие политических решений. Кроме того, отмечено недоверие к ним со стороны правительства. Несмотря на создание Национальной платформы гражданского общества в рамках Форума гражданского общества Восточного партнерства, некоторые организации, не видя возможности коммуникации с правительством, отказались от членства в этой инициативе³². Отмечено, что Министерство финансов и министерство экономики продемонстрировали нежелание включать организации гражданского общества в обсуждение бюджета и других вопросов. Таким образом, соответствующие государственные институции открыто проявляли скептицизм в отношении отдельных программ ЕС.

Подписание Арменией Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с ЕС в 2017 г. в Брюсселе восприняли как окно возможностей, чтобы продвигать европейскую политическую модель. Обновленная повестка взаимодействия предполагала

³¹ Framework Programme in support of EU-Georgia agreements. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/enpi_2011_c2011_4966_annual_action_programme_for_georgia_eu-georgia_agreements.pdf).

³² Support to Human Rights Protection in Armenia. European Commission (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2014_c2014_7807_final_annual_action_programme_for_armenia_humanrightsprotection.pdf).

выполнение программы «ЕС для граждан – углубляя демократию в Армении», инициированной в 2018 г. Предполагалось расширить участие гражданского общества в наблюдении за парламентскими выборами, уважение фундаментальных прав и др. Значительные усилия были направлены на поддержку избирательных реформ, внедрение биометрической идентификации, проведение тренингов.

Впоследствии вовлечение гражданского общества во внутривластные процессы и идеал прямой демократии вызвали активное обсуждение и критику в армянском обществе. Этому способствовали события карабахской войны 2020 г., когда лидер, пришедший к власти на волне массовых общественных протестов, единолично принял решение о сдаче территорий. В условиях высокой милитаризации региона и децентрализации власти, возможное ослабление многие восприняли как фактическую угрозу государственности.

Поддержка гражданского общества в Грузии была основана на принципах стимулирующего подхода Европейского инструмента соседства. Средства ЕС направлялись на поддержку уже существующих правительственных программ, но не на новые инициативы. В 2015 г., к примеру, ЕС предоставил Грузии 10 млн евро в рамках зонтичного механизма финансирования, руководствуясь прогрессом страны на пути к устоявшейся демократии³³. Организации гражданского общества получили средства на тренинги, внедрение законодательных инициатив, усиление организационной структуры. Как и в Армении, в Грузии была создана грузинская национальная платформа Форума гражданского общества Восточного партнерства. В рамках приоритета поддержки прав человека в Грузии в 2019 г. особое внимание ЕС уделил защите прав детей, борьбе с насилием против женщин и обеспечению равенства и инклюзии уязвимых групп населения и меньшинств. Маркером успеха сотрудничества с ЕС стала конституционная реформа в Грузии, в ходе которой страна постепенно должна осуществить переход к парламентской форме правления к 2024 г.

Изменения в конституции вызвали острые разногласия между правящей партией «Грузинская мечта – демократическая Грузия», попытавшейся сохранить власть, и объединенной оппозицией. Весь 2020 г. представители ЕС и США были модераторами переговоров, однако без особого успеха. Консенсус не сложился, а на парламентских выборах 2020 г. «Грузинской мечте» удалось получить большинство голосов, несмотря на растущее общественное недовольство. Вмешательства и рекомендаций внешних сил оказалось недостаточно для изменения внутривластной динамики, несмотря на сохранение большинством грузинских политических партий прозападной ориентации.

Ситуацию в Азербайджане ЕС оценивал наиболее критично, неизменно отмечая ущемления прав журналистов, правозащитников, гражданских и политических активистов, ограничения в Интернете. За годы сотрудничества не прекращалась регулярная критика со стороны европейцев по поводу преследования журналистов и представителей гражданского общества, пресечения политической конкуренции. Общая оценка политического климата в стране также была негативной. Наряду с продвижением переговоров о новом соглашении, республика оказалась на грани исключения из Совета Европы из-за отказа исполнить решение ЕСПЧ об освобождении оппозиционера И. Мамедова³⁴. Все обвинения против Мамедова Европейский суд признал политически мотивированными. Такого рода ситуация стала серьезнейшим вызовом для ЕС, который никогда не сталкивался с подобным ранее. Брюссель в случае с Азербайджаном встретился с проблемой найти баланс между прагматическими интересами сотрудничества, с одной стороны,

³³ Action Document for Civil Society Facility (Georgia). *European Commission* (https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eni_2015_c2015_7148_annual_action_programme_for_georgia_civil_society.pdf).

³⁴ Azerbaijani Supreme Court acquits human rights defenders to execute the European Court's judgments. Council of Europe (<https://www.coe.int/en/web/execution/-/azerbaijani-supreme-court-acquits-human-rights-defenders-to-execute-the-european-court-s-judgments>).

и необходимостью сохранить образ нормативного актора — с другой. Отказаться полностью от повестки развития демократии, соблюдения прав человека, защиты фундаментальных прав и свобод ЕС не может, так как эти ценности институционализированы в его учредительных документах и соглашениях с соседствующими странами. Вместе с тем навязывать свои установки критично настроенному партнеру малоэффективно.

В июле 2018 г. Европейский парламент принял ряд рекомендаций по поводу соглашения о сотрудничестве с Азербайджаном. В рекомендациях прямо говорится, что «всеобъемлющее соглашение о сотрудничестве не может быть подписано со страной, не уважающей основные европейские ценности»³⁵. В первую очередь, это означает исполнение решений Европейского суда по правам человека и освобождение политических заключенных. Руководствуясь данными предписаниями и в связи с подготовкой к заключению нового соглашения с ЕС, Азербайджан все же вынужден был пойти на символические уступки и ослабить политическое давление на гражданских активистов и нелояльных власти политических деятелей. В 2019 г. оппозиционер Мамедов вышел на свободу после пяти с половиной лет заключения. Его дело стало знаковым: содержание активиста под стражей спровоцировало беспрецедентное до этого обращение Комитета министров Совета Европы в Большую палату ЕСПЧ и угрозу исключения Азербайджана из Совета Европы.

Несмотря на то, что одна из стран региона подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, а две других предпочли другие форматы взаимодействия, сотрудничество ЕС и стран Южного Кавказа в сфере демократических реформ не предусматривало трансформацию политических режимов в качестве конкретной задачи. Наоборот, акцент был смещен на адаптацию европейских практик, их заимствование государственными институциями стран, диалог с населением через поддержку организаций гражданского общества. Такой подход продемонстрировал признание самим Евросоюзом ограниченности своего влияния в странах-партнерах.

Вместе с тем, роль ЕС в качестве «независимого голоса международного сообщества» способствовала тому, что политические элиты стран прислушивались к заявлениям европейских политиков и старались им соответствовать в меру возможности. В некоторых случаях, в частности в Азербайджане, это помогло ослабить политическое давление внутри страны. Однако взаимодействие с ЕС не способствовало коренному изменению внутренних политических институтов. Политическая элита стран использовала отсылку к партнерству с ЕС как возможность собственной легитимации внутри страны. Сам ЕС, стремясь заключить со странами Южного Кавказа Соглашения об ассоциации, сместил фокус сотрудничества с содержательной части на формальный факт подписания, что еще больше отдалило его от продвижения своего демократического идеала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буторина О. (2020) Сужение Европейского союза и потенциал интеграции // Современная Европа. №2. С. 20–32.

Морлино Л., Карли Л.-Г. (2014) Как оценивать демократию? Какие существуют варианты. Доклад к XV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Изд. дом Высшей школы экономики.

Неймарк М. (2018) Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза // Современная Европа. № 1. С. 26–35.

³⁵ Report on a European Parliament recommendation to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission. European Parliament (<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2018-0185&language=EN>).

REFERENCES

- Babayan N. (2016) A Global Trend EU-style: Democracy Promotion in 'Fragile' and Conflict-Affected South Caucasus. *Global Policy*, vol. 7, is. 2, pp. 217–225.
- Badalyan T., Vasilyan S. (2020) The perceived rationale, variegated institutional take and impact of the EU's human rights policy in Armenia and Georgia. *Journal of Contemporary European Studies*, 28:4, pp. 514–529.
- Butorina O. (2020) Suzhenie Evropejskogo soyuza i potencial integracii [Shrinkage of the EU and potential of integration]. *Sovremennaya Evropa*, no. 2, pp. 20–32.
- Del Valle Ruiz Gomez A. (2017) Slow death of western democracy. *Journal of International Affairs*, vol. 71, no. 1, pp. 161–174.
- Delcour L., Wolzuck K. (2015) The EU's Unexpected 'Ideal Neighbour'? The Perplexing Case of Armenia's Europeanisation. *Journal of European Integration*, 37(4):1, pp. 1–17.
- Gulyev F. (2005) Post-Soviet Azerbaijan: Transition to Sultanistic Semiauthoritarianism? *Demokratizatsiya: The Journal of Post-soviet Democratization*, pp. 393–435.
- Lavenex S. (2015) *Models of EU Democracy Promotion: From Leverage to Governance*. In book: *Democracy Promotion by Functional Cooperation. Challenges to Democracy in the 21st Century* (Ed. Freyburg T., Lavenex S., Schimmelfennig F., Skripka T., Wetzel A.), Palgrave Macmillan, London, pp. 10–24.
- Levitsky S., Lucan Way S. (2006) Linkage versus Leverage. *Rethinking the International Dimension of Regime Change*, vol. 38, no. 4, pp. 379–400.
- Morlino L., Karli L.-G. (2014) *Kak ocenivat' demokratiyu? Kakie sushchestvuyut varianty. Doklad k XV Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [How to assess democracy? What options exist? Report, XV April international academic conference on economic societal development]. Moscow: Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki.
- Nejmark M. (2018) Krizis liberal'noj modeli miroporyadka i budushchee Evrosoyuza [Crisis of liberal world order and future of the European Union]. *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 26–35.
- Oskanian K., Averde D. (2016) *Security and Democracy in the Caucasus*. CASCADE Exploring the Security–Democracy Nexus in the Caucasus, Work Package 2, March.
- Paris R. (2001) Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? *International Security*, vol. 26, no. 2, pp. 87–102.
- Youngs R. (2019) *Upholding Democracy in a Post-Western Order*. Carnegie Endowment for International Peace.

Армянский информационно-политический разлом

*А.В. АНАНЬЕВ**

***АНАНЬЕВ Александр Васильевич** – кандидат биологических наук, старший советник МИД России в отставке. Адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
E-mail: a-ananjev@yandex.ru

В статье в свете различных методологических подходов (концепции «мягкой силы» Дж. Ная в русле либерального реализма, неомарксистской концепции гегемонии А. Грамши, постструктуралистской концепции идеологии Л. Альтюссера, концепции суггестии и контрсуггестии Б. Поршнева) дан анализ деятельности прозападных НПО и СМИ, состояния общественного мнения в Армении до и после 44-дневной Карабахской войны 2020 г. Автор отмечает, как происходила смена настроений населения и тактики политтехнологов после Карабахской войны 2020 г. в условиях преобладания в обществе контрсуггестии, критического осознания тяжелых последствий для страны деятельности прозападных властей. Использование политтехнологами «мягкой силы» по продвижению позитивного имиджа объекта (коллективного Запада и действующей власти) уступает место «мягкой силе наоборот» – созданию негативного имиджа противника – дискредитации России. Предложены меры по консолидации информационного пространства Армении и России для противодействия СМИ и НПО антироссийской направленности.

Ключевые слова: Армения, Россия, ЕС, «мягкая сила», СМИ, НКО, цветная революция.

DOI: 10.31857/S086904990013998-9

Цитирование: Ананьев А.В. (2021) Армянский информационно-политический разлом // Общественные науки и современность. № 1. С. 145–156. DOI: 10.31857/S086904990013998-9

The Armenian Info-political Rift

*Alexander V. ANANIEV**

***Alexander V. Ananiev** – Candidate of Sciences (Biology), Senior councilor, Foreign Affairs Ministry of Russia (retired). Address: Mokhovaya Street, 11-3, 125009, Moscow, Russia. E-mail: a-ananjev@yandex.ru

Abstract. Using diverse methodological approaches (J. Nye’s liberal realism concept of “soft power”, the neomarxist A. Gramsci’s concept of “hegemony”, the poststructuralist theory of ideology by L. Althusser, the suggestion and countersuggestion conception by B. Porshnev) the author analyses the activities of the pro-Western NGOs and media, the state of public consciousness in Armenia before and after the 44-days

Karabach war of 2020. Changes in the perceptions of the citizens and the tactics of political spin-doctors in the aftermath of the war in conditions of countersuggestion and critical attitudes of the public as well as awareness of the dire consequences for the country of the performance of the Pashinyans' government are examined. The author notes that the pro-Western NGOs and media turn from "soft power" promoting a positive image of the object (the aggregate West and incumbent authorities) to give priority to "soft power in reverse" – creating a negative image of the adversary, namely "demonizing" and discrediting Russia. Measures to consolidate the information space of Armenia and Russia to counter the anti-Russian line are proposed.

Keywords: Armenia, Russia, EU, "soft power", media, NGO, colour revolution

DOI: 10.31857/S086904990013998-9

Citation: Ananiev A. (2021) The Armenian Info-political Rift. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 145–156. DOI: 10.31857/S086904990013998-9 (In Russ.)

После распада СССР Армения постоянно была объектом соперничества мировых центров силы за культурно-цивилизационную, геополитическую, геостратегическую и экономическую ориентацию общества страны и ее элит. Ориентация общества чрезвычайно важна, так как она создает либо благоприятную, либо неблагоприятную среду для той или иной стороны, с точки зрения продвижения своих национальных интересов. В научной литературе прочно утвердилась и вошла в широкий обиход в публицистике концепция «мягкой силы» Дж. Най [Nye 1990]. Характерны названия его книг: «Обреченные лидировать: меняющаяся природа американской силы», «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике». Насильственному принуждению субъектом объекта против его воли противопоставлено добровольное подчинение объекта неявному доминированию субъекта власти. Как отмечено в [Юдин 2015], не существует специфических «ресурсов мягкой силы» или «ресурсов жесткой силы»: каждый участник международных взаимодействий (неважно, государственный или негосударственный) обладает запасом материальных и нематериальных ресурсов. И «жесткая», и «мягкая сила» в зависимости от контекста или от целей могут применять любой тип ресурсов, имеющихся в его распоряжении, а чаще всего – из их сочетания. Так происходит переход от «мягкой силы» к «цветной революции» [Нарочницкая 2008; Манойло 2015; Наумов 2015].

Дж. Най в теории международных отношений по существу ввел в оборот основы концепции «культурно-идеологической гегемонии» А. Грамши, основателя Итальянской коммунистической партии, размышлявшего в русле неомарксизма. В 1930–1940-х гг. в «Тюремных тетрадах» он поставил под вопрос жесткую детерминированность надстройки базисом, предложив концепцию гегемонии: господство класса основано не только на принуждении, но и на идеологическом доминировании, которое проводится через институты гражданского общества (партии, профсоюзы, образовательные и культурные учреждения, церковь, СМИ и т.д.) [Грамши 1991]. В неомарксизме и постмарксизме утверждалось мнение о рядоположенности уровней общественной формации и, соответственно, о существенной роли идеологии в состоянии общественного сознания.

В период еврокоммунизма как политической практики западноевропейских компартий концепцию развивал уже в русле постмарксизма французский философ Л. Альтюссер. Исходя из замечания Энгельса о материалистическом понимании истории (базис определяет надстройку лишь «в конечном счете» [Энгельс 1965]), Альтюссер в работе «За Маркса» считал, что «одиноким часом конечного счета никогда не приходит». Его концепция идеологии во многом исходит из понятия «коллективных представлений» позитивиста Э. Дюркгейма [Дюркгейм 1995; Strawbridge 1982]. Идеология – это система репрезентаций

(образов, мифов, идей и понятий), наделенная особым существованием и ролью в обществе [Althusser 1965, 238].

Французский философ считал, что идеология представляет собой «воображаемое отношение индивидов к их реальным условиям существования», поэтому не может быть «ложным сознанием» (как у К. Маннгейма [Мангейм 1994]). Иными словами, идеология не отражает ни реальных условий жизни людей, ни систему реальных отношений, а есть «воображаемое» и «проживаемое» отношение индивидов к условиям их существования [Althusser 1970, p. 24]. Альтюссер вслед за А. Грамши развивал концепцию гегемонии в том смысле, что различал государственные аппараты подавления (ГАП) и идеологические аппараты государства (ИАГ), действующие исподволь, незаметно для реципиента (церковь, школы, СМИ, профсоюзы, культура). Вместе с тем философ отмечал, что (репрессивный) государственный и идеологические аппараты государства «плетут между собой тонкую сеть явных или неявных отношений» [Althusser 1970, p. 24]. Преобладание суггестии (внушения), отсутствие критического сознания делают человека механическим элементом общественной системы или послушным орудием в руках сильного человека [Субботина 2008, с. 18]. Однако столкновение с жесткой действительностью, резко меняющее «условия существования», способно развенчать «воображаемое» отношение, порожденное как внешней, так и внутренней «мягкой силой». Тем не менее могут быть найдены новые пути, чтобы воссоздать «воображаемое отношение».

Зарубежные акторы применяют «мягкую силу» с целью повысить эффективность своего внешнеполитического влияния, используя материальные и нематериальные ресурсы. Яркий пример тому – Украина. Если для изменения геополитической ориентации значительной части украинского общества, Соединенные Штаты, по словам помощника госсекретаря США В. Нуланд, израсходовали порядка 5 млрд долл., то возврат ситуации к исходной точке или ее перевод в какое-либо благоприятное состояние для любого субъекта будет стоить на порядки дороже.

В современных условиях союзнические отношения с Россией Армении жизненно необходимы. Они чрезвычайно значимы и для России в стратегической перспективе. Поэтому сохранение и укрепление позитивного восприятия России в армянском обществе – сверхважная задача. Первостепенная роль в этом вопросе принадлежит средствам массовой информации (СМИ). Негативный информационный фон может в итоге подорвать все еще прочный фундамент российско-армянских отношений, которые носят исключительно взаимовыгодный характер.

Российско-армянское инфополе в «постреволюционный» период

На протяжении двух лет после «бархатной революции» новая власть продвигала идею о необходимости исключить из национального цифрового мультиплекса (социального пакета общественных медиа, доступного всему населению) иностранные (в том числе российские) телекомпании, исходя из соображений «информационной безопасности». Соответствующий указ был подготовлен, парламент его одобрил и в июле 2020 г. президент Армении А. Саркисян его подписал. Согласно указу, с 2021 г. российские телеканалы должны были быть исключены из сетки общественного вещания с целью ограничить доступ к информации, которая, по мнению депутатов правящей фракции «Мой шаг», якобы противоречит национальным интересам Армении.

Однако всего лишь через неделю после того, как лидеры РФ, Азербайджана и Армении подписали трехстороннее Заявление о прекращении военных действий в Нагорном Карабахе, армянская сторона анонсировала и в конце 2020 г. подписала соглашение о сотрудничестве в сфере массовых коммуникаций между Арменией и Россией. Согласно документу, три российских телеканала («РТР-Планета», «Россия-Культура» и «Первый

канал. Всемирная Сеть») смогут вещать на территории Армении. Правительство РА предоставит одному российскому телеканалу («РТР-Планета») право вещания в общественном мультиплексе на территории всей страны и двум телеканалам («Россия-Культура» и «Первый канал. Всемирная Сеть») в Ереване.

В свою очередь, Россия на паритетной основе по обращению Армении будет регистрировать соответствующие СМИ и предоставлять общественному телевещателю Республики Армения универсальную вещательную лицензию, предусматривающую право вещания телеканала на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, до начала горячей фазы карабахского конфликта создание общего информационного пространства с Россией в глазах постреволюционной власти Армении противоречило национальным интересам. Сразу по окончании войны произошла переоценка, и власти республики перестали, по крайней мере, на официальном уровне, рассматривать такую угрозу.

Однако отметим, что в феврале 2019 г. в контексте революционных событий был проведен опрос¹ относительно доверия армянского общества к российским телеканалам, так как в Армении влияние российских СМИ обычно было высоким. Согласно результатам, только 35% респондентов доверяли российским телеканалам, а 64% негативно относились к их информации. Опрос был проведен до Карабахской войны осени 2020 г. Высокий уровень недоверия вряд ли позволил бы эффективно использовать российские телеканалы и СМИ для укрепления позитивного восприятия России в информационном пространстве, если бы война не возвратила общество к осознанию реального положения дел, кто – друг, а кто «а так» (по Высоцкому).

Сохранение российского телевещания на территории Армении – первый и очень важный шаг по созданию общего информационного пространства, по поводу которого в одном из интервью² хорошо высказался российский миллиардер и филантроп, армянин по национальности Р. Варданян³: «В последнее время (в период и после 44-дневной карабахской войны – Прим. автора) я часто перемещался между Степанакертом, Ереваном и Москвой. К своему удивлению понял, что существует громадный информационный разрыв, причем по одному и тому же событию в одно и то же время в разных местах существуют разные толкования и суждения. Еще понял, что наряду с материально-технической базой и военной составляющей важную роль играет общее информационное пространство с союзником, чтобы в разных точках на события была в целом адекватная (схожая) реакция. В общем информационном водопаде, который низвергается в СМИ и социальных сетях, чтобы не утонуть, надо находить общие потоки с позитивной повесткой дня, так как информационный разрыв не менее опасен, чем технологический для построения совместного будущего».

Информационный разрыв или разлом между Россией, Арменией и НКР длительное время готовили средства массовой информации и неправительственные организации (НПО), финансируемые западными фондами. Один только Фонд Сороса, который начал работать в Армении с 1997 г., выделил более чем 200 организациям свыше 48 млн долл. США. Например, он инвестировал 5 млн долл. в СМИ Армении под предлогом развития их независимости. Журналистов и активистов гражданского общества из окружения Н. Пашиняна и его команды, к которым «приклеилось» собирательное название «соросята» или «грантоеды», прозападные НПО целенаправленно начали обучать задолго

¹ 87% респондентов считают, что власти Армении должны углублять отношения с ЕС (<https://www.aravot-gu.am/2019/02/02/297517/>. Аравот – Новости Армении).

² [Электронный ресурс] РУБЕН ВАРДАНЯН. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. АРМЕНИЯ 2020 НА ПЕРЕКРЕСТКЕ. REPAT RIARCH LIVE. – YouTube.

³ Инвестор и предприниматель. Соучредитель Гуманитарной инициативы «Аврора», инициатор идеи, один из основателей Московской школы управления «Сколково» и ее первый президент (2006–2011).

до «бархатной революции». Усилиями спонсируемых медиа в течение многих лет сформировалось общественное мнение, а активисты НПО были натренированы для организации «цветной революции». Впоследствии больше сотни журналистов и общественных активистов, прошедших подготовку, выполняли функцию ведущих рупоров «революции». Тем самым они сыграли не последнюю роль в уличных протестах и перекрытии транспортных путей в апреле 2018 г., что привело к отставке правительства.

Придя к власти, Н. Пашинян исполнял свои обязательства перед спонсорами, назначая на высокие посты основных представителей НПО, получивших образование либо полностью, либо частично за рубежом с помощью различных программ обмена, стажировок и т.д. Тому есть много примеров⁴. Министерства, посольства и службы за два с половиной «постреволюционных» года стали объектами влияния западных стран.

Анализ информации из армянских СМИ показывает, что среди депутатов фракции «Мой шаг» в Национальном собрании Армении западные НПО уже давно финансируют 14 депутатов, и более 50 депутатов косвенно аффилированы с Фондом Сороса.

Значительно усилились возможности западных фондов влиять на смену геополитического вектора Армении, преследуя оппозиционные СМИ ставленниками НПО после их назначения на ответственные посты в силовые ведомства⁵. Так, Специальную следственную службу Армении возглавил С. Хачатурян, брат главы совета директоров Фонда Сороса Д. Хачатуряна; по рекомендации исполнительного директора Фонда Сороса в Армении Л. Минасян министром юстиции был назначен Р. Бадасян; главой Совета национальной безопасности стал экс-координатор «Transparency International» А. Григорян; Д. Санасарян, скандально известный тем, что забрасывал яйцами посольство РФ в Армении, некоторое время руководил Государственной контрольной службой, пока его не уличили в получении взятки.

С помощью этих назначенцев были организованы нападки на российский бизнес в республике (выдвигались претензии к ЮКЖД, дочерней компании ОАО РЖД, и ЗАО «Газпром Армения»⁶). Не чувствовали себя в безопасности и более 30 крупных предприятий с российским капиталом, работающих в сфере поставок газа, нефтепродуктов, добычи полезных ископаемых и телекоммуникаций. Через прозападные армянские СМИ проводилась кампания по дискредитации их репутации. Эксперты предполагали, что претензии к российским компаниям объяснялись желанием новых властей с подачи «западников» пересмотреть экономические договоры и передать управление инфраструктурой в «другие руки».

Целенаправленная политика «революционного» правительства по «умеренному и скрытому вытеснению» российских экономических операторов привела к тому, что, согласно отчету миссии МВФ в 2019 г.⁷, приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России в страну составил 33,2 млн долл. США, тогда как в 2018 г. этот показатель составлял 124,3 млн долл. США. Иными словами, всего за один год приток ПИИ из России снизился на 73%. Неслучайно в 2019 г. параллельно со снижением российских инвестиций в Армению активно привлекались ПИИ из западных стран: из Италии – 27,1 млн долл. США, из Германии – 18,6 млн долл. США, из Аргентины – 18,8 млн долл. США и из греческого Кипра – 6 млн долл. США.

С помощью спонсируемых Западом СМИ и в социальных сетях в общественное сознание усиленно внедрялась идея, что все проблемы в государственной экономике

⁴ [Электронный ресурс] Фонд Сороса в Армении: антироссийская риторика, кто привел к власти Пашиняна: Политика (ytro.ru).

⁵ Использование репрессивных аппаратов государства (ГАП) – тема отдельного исследования.

⁶ [Электронный ресурс] Армения грозит российскому бизнесу налогами – Бизнес – Коммерсантъ (kommersant.ru).

⁷ [Электронный ресурс] Годовой отчет МВФ 2019; Наш взаимосвязанный мир (imf.org).

произошли по вине России. Основной причиной широко распространенной коррупции в Армении якобы стало доминирующее влияние России на ее экономику и региональную безопасность. Критически подавалось и членство Армении в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

Армянские СМИ также обвиняли президента России В. Путина в том, что он, «применив тактику шантажа и угроз, заставил нашу страну вступить в ТС и ЕАЭС, которые показали свою ненужность Армении»⁸. Вместе с тем именно Армения выступает бенефициаром в отношениях Еревана и Москвы. Статистика, приведенная в отчете ЦБ России за 2019 г.⁹, наглядно показывает сумму индивидуальных денежных переводов из РФ в Армению. В 2018 г. трансферы, отправленные из РФ, составили 1,121 млрд долл. США, в 2019 г. – 1,059 млрд долл. США, тогда как западные страны перевели в те же годы всего лишь 156 и 177 млн долл. США, соответственно.

То же можно сказать и о членстве Армении в ЕАЭС. В отчете «Об основных тенденциях в интегративном развитии Армении в 2019 году» отмечено, что армянский ассортимент товаров, экспортируемых в страны ЕАЭС (в основном это алкогольные и безалкогольные напитки, а также фрукты, овощи и рыба), не дополняет уже имеющийся в странах союза. Также очевидно, что товары, импортируемые Арменией из России, жизненно необходимы для нормального функционирования экономики страны (в основном, энергоносители (нефтепродукты, газ) и продовольствие (пшеница).

«Бархатная революция» в Армении раскрыла завуалированные процессы, которые многие годы планомерно и целенаправленно готовили в республике западные фонды с помощью финансируемых ими НПО. За два с половиной года управления страной новой властью, кадровый костяк которой составляют выходцы из прозападных НПО, – геополитический вектор Армении сместился в сторону Запада. Нападкам подвергаются именно армяно-российские отношения, их развитию противятся многочисленные структуры, лица и СМИ, работающие на западные гранты.

Вместе с тем пришедшая после «бархатной революции» новая власть и ее кураторы отчетливо осознают неприемлемость для большей части гражданского общества Армении, традиционно воспринимающего Россию как дружественную страну, резкого изменения геополитической ориентации. Поэтому ставка делается на «подготовку почвы», на внедрение в сознание армян сомнений в правильности исторического выбора. Поведение прозападных СМИ легко объяснимо: подавляющее большинство населения республики воспринимает членство Армении в ЕАЭС как свидетельство курса на укрепление армяно-российских отношений, значит, ударим именно по ним. То же относится и к положительному восприятию гражданами Армении союза с Россией: надо проводить «политику мелких дел», методично, по капле настраивая общество против Москвы. Запад реализует концепт «мягкая сила наоборот», при котором культурные, образовательные, медийные, научные и иные проекты, ориентированные на взаимодействие с армянской общественностью, нацелены не столько на создание привлекательного образа своей страны, сколько на «демонизацию» России.

Внутриполитические события в России подаются с точки зрения российской внесистемной оппозиции. Например, Общественное телевидение Армении, находящееся под контролем правительства, для комментариев о предстоящем в июле 2020 г. референдуме по поправкам в Конституцию РФ предоставило трибуну А. Навальному. Российский оппозиционер резко критиковал кремлевское руководство, призывая бойкотировать референдум. Если учесть, что в России проживают более 3 млн армян, сохраняющих тесные

⁸ [Электронный ресурс] Недовольство «обнулившихся» | ArmenianReport.

⁹ [Электронный ресурс] Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации 2019 год (garant.ru).

связи с родственниками и соотечественниками, подобный репортаж можно расценить как вмешательство во внутренние дела Российской Федерации.

Руководитель RT М. Симоньян открыто высказала претензии, которые накапливались в России с приходом к власти Пашиняна относительно засилья бывших активистов НПО в государственном аппарате и их негативного влияния на армяно-российские отношения. В частности, она адресно упрекнула главу армянского правительства: «Вы наводнили страну антироссийскими НПО, которые на вашей территории обучают молодежь, как свергать власть в России. Вы стали плацдармом антироссийских сил на Кавказе».

В интервью РБК¹⁰ Н. Пашинян, не скрывая факта своего взаимодействия с Фондом Сороса, попытался парировать обвинение: «Все эти организации были созданы при Роберте Кочаряне и Серже Саргсяне. Если тогдашние правительства были действительно пророссийско настроенными, то почему же они не закрыли эти организации?». Однако если при упомянутых президентах структуры гражданского общества, включая НПО, активно действовали в сфере защиты прав человека, мониторинга избирательного процесса, охраны природы, скрывая свою политизированность, то после победы «бархатной революции» активисты прозападных НПО фактически взяли под контроль все три ветви власти в стране.

В течение 44 дней войны 2020 г. особенно интенсивно тиражировались рассуждения о «предательстве России». Например, некий пользователь Twitter А. Сусанян открыто обвинял Россию в том, что она не отправила воевать в Карабах хотя бы 100 тысяч своих солдат. Сусанян заявлял, что даже если они и погибнут, то от этого земля русская не оскудеет. Таков только один из десятков тысяч постов, твитов и комментариев, размещенных в соцсетях в те дни.

Ни одно официальное лицо РА так и не выступило с опровержением и осуждением антироссийской пропаганды. Лишь после принятия совместного Заявления президентов России, Азербайджана и премьер-министра Армении о прекращении военных действий население РА и НКР узнало всю правду и подробности происходившего.

Сокрушительное поражение в Карабахском конфликте выявило всю некомпетентность новых назначенцев. Президент Армении А. Саркисян в поздравительном послании стране по случаю наступления нового 2021 г. подчеркнул: «Результат войны и сегодняшняя ситуация — следствие дезорганизованности, безответственности и непрофессионализма в различных сферах государственного управления».

Послевоенные инфо-реверансы

Народное недовольство деятельностью «соросовцев» вылилось в разгром здания Фонда Сороса в Ереване, способствовавшего планомерному разрушению армянской государственности и созданию зоны управляемого хаоса в Армении и на Южном Кавказе. Под давлением общественности Пашинян стал избавляться от особо одиозных фигур в своем окружении, бывших получателей западных грантов. Были уволены министр образования, науки, культуры и спорта Армении А. Арутюнян; министр здравоохранения А. Торосян и др., но агентов влияния во власти еще предостаточно. Много их и в информационной сфере, что позволяет эффективно в прозападном ключе влиять на общественное мнение. К сожалению, на этом базисном направлении даже после пережитой трагедии в Армении делается крайне мало. Шок от отсутствия какой-либо реальной помощи со стороны Запада во время 44-дневной войны и реального обеспечения безопасности российским миротворческим контингентом в Карабахе сменился яростной атакой русофобов по всем фронтам. После некоторого затишья и даже определенных реверансов в сторону России со сто-

¹⁰ [Электронный ресурс] Большое интервью Никола Пашиняна российскому РБК (Видео) – Gisher News.

роны власти прозападные НПО и даже официальные лица без стеснения по-прежнему стали будоражить умы, предлагая тенденциозную интерпретацию российско-армянских отношений с целью увеличить информационный разрыв.

На своей странице в Фейсбук политолог, директор Армянского Института международных отношений и безопасности и Председатель Общественного совета Армении С. Сафарян обвинил российских дипломатов и президента России В. Путина в лживой интерпретации переговоров относительно условий прекращения военных действий в Нагорном Карабахе. Он уверял своих подписчиков, что именно Россия – инициатор и главный виновник поражения Армении в 44-дневной войне, побудившая к «дезертирству в зонах ответственности пророссийских оппозиционных генералов»¹¹ ...

Интегральной целью всей информационной войны, развязанной соросовскими структурами, было и есть разжигание в Армении русофобских настроений. Суть ее сводится к тому, чтобы переложить на Россию ответственность за эти, обернувшиеся национальной трагедией, провалы в работе правительства Пашипяна по обеспечению безопасности, а также в социально-экономической сфере. Действия, подтачивающие основы российско-армянского стратегического союза, власти Армении не только не пресекают, но и исподволь их поощряют. Доходит до того, что эфир Общественного телевидения Армении предоставляют для антироссийской пропаганды идейному руководителю партии «Сасна црер»¹², а в глазах многих зрителей – главарю террористической группировки Ж. Сефилян.

В активизации антироссийской пропаганды сыграло свою роль обещание новой администрации США помочь Армении пересмотреть условия карабахского урегулирования – очередной «морковки». Обещание отвечает на запрос части армянских политиков, граждан и представителей диаспоры, недовольных трехсторонним Заявлением и готовых опереться на Соединенные Штаты. Цель очевидна: взорвать карабахский конфликт еще раз, чтобы продемонстрировать миру неэффективность российского миротворчества. Подобную сверхзадачу и будет решать Запад через спонсируемых агентов влияния во власти и СМИ Армении, в том числе через поддержку там реваншистов.

Проявления такой политики не заставили себя долго ждать: Пашипян с помощью фракции «Мой шаг», имеющей большинство в парламенте, добился назначения на должность члена Высшего судебного совета Армении уже упомянутого директора Фонда Сороса Д. Хачатряна. Он известен своими русофобскими взглядами, а также активным участием в киевском Майдане. Кстати, на Украине Хачатрян проходил обучение в представительстве Сороса по рекомендации министра внутренних дел Украины А. Авакова, этнического армянина.

Новыми послами Армении в США и на Украине Пашипян назначил Л. Макунц (руководила правящей фракцией блока «Мой шаг» в парламенте) и своего бывшего пресс-секретаря В. Карапетяна, соответственно. Кандидатуры послов были настолько шокирующими, что министр иностранных дел Армении А. Айвазян категорически возражал против замены послов и, чтобы снять с себя ответственность, написал в представлении: «СОГЛАСНО УСТНОМУ указанию премьер-министра».

Назначение Макунц послом в США критикуют пресса и оппозиция. Бывший посол Армении в Ватикане М. Минасян назвал ее некомпетентным политиком, напомнив о неудачах о внешнеполитической работе – в частности, в сфере межпарламентских связей.

¹¹ Степан Сафарян: Россия стала беспокоиться о том, что думают о ней в Армении в контексте 44-дневной войны (Аравот, Армения) (<https://inosmi.ru/politic/20210115/248921559.html>).

¹² Всеармянская партия «Сасна Црер» («Храбрецы из Сасуна») – армянская националистическая партия, созданная из политического крыла одноименной экстремистской группировки, захватившей в июле 2016 г. здание полка ППС в Ереване. Члены партии отказываются признать Республику Армения, поскольку считают ее «порождением преступного русско-турецкого сговора». Цель партии – ревизия договорно-правовой базы отношений с Россией, включая условия пребывания 102-й РВБ и пограничников; углубление армяно-американских отношений на всех платформах.

По мнению Минасяна, карьерный рост Макунц обусловлен исключительно ее доверительными отношениями с премьер-министром Н.Пашиняном (в 2016–2017 гг. Макунц преподавала ему английский). Минасян также сообщил, что «соросовским кругам спустили разрядку подстегнуть антироссийскую риторику и начать заигрывать с США. Решение о назначении Макунц будет формализацией, институционализацией того геополитического хаоса, в который Пашинян втягивает Армению»¹³.

Источники в окружении Пашиняна рассказывают, он не скрывает от своих соратников, что после прихода Дж. Байдена к власти в США от России теперь мало что зависит в регионе¹⁴.

Использование инструмента «мягкой силы» как продвижения субъектом своего позитивного имиджа может уступать первенство использованию «мягкой силой наоборот» – «демонизации» имиджа противника.

21 января 2021 г. газета «Грапарак» опубликовала клеветнические измышления в адрес посла России в Армении. В своем открытом письме российская дипмиссия предложила газете либо представить убедительные доказательства изложенной в статье информации, либо опубликовать официальное опровержение. Неприкрытое хамство ответа («издание имеет право предоставлять любую информацию, которую считает целесообразной... мы не обязаны докладывать вам и представлять “убедительные доказательства”») ясно показывает, перед кем данное издание старается выслужиться.

Как создать общее информационное поле?

Тем не менее ситуация не столь однозначна и драматична хотя бы потому, что помимо «соросовского» крыла, в правительстве, парламенте и гражданском обществе в целом есть реалисты, прагматики и технократы, в меньшей степени подверженные идеологическим штампам.

Представители едва ли не всех политических сил, сплотившихся сейчас для того, чтобы изменить Армению, сходятся в одном – ее дальнейшее развитие, да и, по сути, существование без самого тесного сотрудничества с Россией будет не просто проблематичным, а скорее невозможным¹⁵. Очевидно, что сегодня лишь российские миротворцы в Нагорном Карабахе удерживают ситуацию от возобновления военных действий. Однако срок их мандата установлен в пять лет, а азербайджанский и турецкий лидеры уже делают далекоидущие заявления, называя своими «исконными землями» чуть ли не всю территорию Армении. Поэтому лидер партии «Просвещенная Армения» Э. Марукян недавно призвал создать на юге страны вторую российскую военную базу – в Сюникской области. По мнению политика (еще недавно прозападных взглядов), в нынешних условиях, после утраты «карабахского пояса безопасности» она необходима для обеспечения безопасности. Ряд партий и политических деятелей Армении выступают с призывами «сформировать межгосударственный союз с Россией с максимальной взаимной интеграцией», исходя из логики развития событий. Главная цель такого союза – «создание совместных войсковых соединений, как минимум – пограничных сил» и «защита рубежей Армении и Арцаха с участием российских Вооруженных сил». Вместе с тем они обещают своему электорату, что в таком случае Армения не лишится своего суверенитета и будет вести независимую внешнюю политику.

¹³ Пашинян назначил свою учительницу английского послом в США (https://news.rambler.ru/conflicts/45679761/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink).

¹⁴ Премьер-министр Армении продолжает играть и обманывать Кремль и лично Путина (<https://news.am/rus/news/625013.html>).

¹⁵ [Электронный ресурс] С Белоруссией не вышло, создадим Союзное государство с Арменией? – Свободная Пресса (svpressa.ru).

Однако не бывает союзного государства без делегирования суверенитета. Это относится и к информационной политике. Если не ликвидировать образовавшийся в последнее время информационный разрыв, не представляется возможным думать о союзнических отношениях в других сферах, включая обеспечение безопасности. Такого же подхода придерживается армянский политик новой волны председатель партии «Во имя социальной справедливости» А. Гукасян: «Нужна политическая воля, чтобы ограничить воздействие соросовских организаций правовыми методами. Это не значит, что надо перекрыть доступ в информационное поле всем НПО или закрыть гранты и программы, но нужно фильтровать их для того, чтобы ограничить вмешательство этих организаций во внутривнутриполитические дела Армении»¹⁶. По его словам, Фонд Сороса выступает лишь верхушкой айсберга, поскольку в Армении уже много лет действуют и другие организации подобного характера, такие как «Национальный фонд по поддержке демократии», «Европейский фонд по поддержке демократии» и др. Для борьбы с внешними интервенциями подобных организаций политик предлагает выработать общие механизмы в рамках ОДКБ. Подобного мнения придерживается и известный активист, учредитель общественно-политического движения «ВЕТО» Н. Малян, объявивший о борьбе против структур, связанных с Фондом Сороса в Армении. На своей странице в Фейсбук он как-то написал: «наемники Сороса гораздо опаснее, нежели армия соседней страны и коронавирус вместе взятые».

Общественные деятели и эксперты, работающие в сфере мониторинга СМИ и поддержки свободы прессы, отмечают: в стране под контролем властей действуют несколько «фейковых фабрик», которые координирует ГНКО «Центр общественных связей и информации» при правительстве Армении. Зачастую его привлекают для контроля информационных потоков Facebook¹⁷. Медиаэксперт и блогер Т. Кочарян подтверждает: есть «фабрики», которые номинально работают на правительство страны, но принадлежат определенным соросовским структурам.

«Фабрики фейков» или «фабрики троллей» находятся под управлением определенных людей в парламенте и правительстве. Суть такого подхода – каждый в своем ведомстве создает группы для оперативного мониторинга информации и реагирования на нее. Однако у членов этой группы есть определенное задание – создать от 10 до 15 фейковых аккаунтов. По оценке эксперта, в Армении общее количество аккаунтов, принадлежащим тем или иным «фабрикам», составляет от 60 до 90 тысяч, причем одна группа из 15 человек может в день генерировать минимум 1000–1500 комментариев и проставлять от трех до десяти тысяч лайков.

По мнению депутата от оппозиционной парламентской партии «Просвещенная Армения» А. Самсонян, власти страны, по сути, поддерживают лиц, снимающих ролики, тиражируемые в соцсетях и сеющие ненависть в обществе, в том числе и к карабахцам. Депутат отмечает, что на власть уже 2,5 года работает целая фейк-машина, которая старается создать информационный раскол как в самом армянском обществе, так и настроить армян против россиян и карабахцев: «Власти посредством этой фабрики создали виртуальное государство, и важные для страны решения, по сути, принимаются посредством пропаганды этой фейковой фабрики». Так что в первую очередь перед правительством Армении необходимо поставить вопрос о ликвидации «фейковых фабрик» ГНКО «Центра общественных связей и информации», если оно действительно заинтересовано в развитии российско-армянских отношений.

¹⁶ [Электронный ресурс] В рамках ОДКБ и ЕАЭС можно выработать механизмы по борьбе с сетью Сороса – Арман Гукасян (armeniasputnik.am).

¹⁷ [Электронный ресурс] Как действует в Армении «фабрика троллей»? (armeniasputnik.am); Арутюнян Л. Травля карабахцев и родителей пропавших солдат: как работает армянская «Фабрика троллей»? (<https://ru.armeniasputnik.am/society/20201126/25504854/Travlya-karabakhtsev-i-roditeley-propavshikh-soldat-kak-rabotaet-armyanskaya-Fabrika-trolley.html>).

Мало надежд на создание в Армении единой системы адекватного противодействия информационной войне против армянской государственности и России. Оппозиция не располагает хотя бы минимальными информационными ресурсами, независимыми от западных спонсоров, даже учитывая массмедиа, подконтрольные оппозиционным партиям, потерявшим власть после «бархатной революции».

«Третья сила», отражающая чаянья большинства граждан Армении, с позитивной объединительной повесткой и конструктивным подходом к возрождению республики, не ассоциированная ни с прежней дискредитировавшей себя властью, ни с популизмом и псевдореволюционной риторикой нынешних властей, лишена адекватных информационных возможностей.

Если не предпринимать ответные меры, такая стратегия Запада «мягкой силы наоборот» может принести ему успех, учитывая выявленные при соцопросах большие масштабы «поля состязания» и умелую работу антироссийских СМИ с «нейтральной полосой» – слоем неопределившихся граждан. Историческая необходимость сосуществования армян на протяжении нескольких веков в составе имперских держав порождали амбивалентность геополитического выбора, а также развивали адаптивность армянского общества как системы. В Армении всегда состязались альтернативные направления геополитической ориентации. В настоящий момент перед Арменией и армянами возникла дилемма – «или-или», нежели «и-и», которая представляет собой принципиально разные концепты. Невозможно одновременно быть членом двух противостоящих военных блоков: НАТО и ОДКБ. Практически неосуществима и идея «равной включенности» страны в экономические союзы (ЕС и ЕАЭС) с разными стандартами, процедурами и правилами.

Чтобы сохранить влияние в Армении, России необходимо системно «играть в долгую»: создавать и поддерживать качественные русскоязычные и вообще дружественные СМИ, проводить активную работу в социальных сетях, обучать активных экспертов, которые владеют реальной повесткой российско-армянских отношений, а не просто постулируют тысячелетнюю историческую связь наших народов.

Основной вопрос – кто эффективнее использует эти возможности? Общественное мнение Армении по вопросу геополитической ориентации во многом будет зависеть от информационного потока, транслируемого и управляемого различными источниками информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьев А.В. (2021) Внутриполитическое положение в Армении после карабахского конфликта // *Международная жизнь*. №2. С. 94–111.
- Грамши А. (1991) *Тюремные тетради* (часть 1). М.: Политиздат.
- Манхейм К. (1994) *Идеология и утопия* // Манхейм К. *Избранное. Диагноз нашего времени*. С. 7–276. М.: Юристъ.
- Дюркгейм Э. (1995) Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение* / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон. С. 208–243.
- Керимов А.А., Вербицкая Т.В. (2019) Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // *Вопросы управления*. № 2 (38). С. 6–15. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-1-154-161
- Манойло А.В. (2015) Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *Мировая политика*. № 1. С. 1–19. DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614 (https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12614).
- Нарочницкая Н.А. (2008) *Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека*. СПб.: Алетейя.
- Наумов А.О. (2016) «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аргатак-Медиа.

Новиков О.Г., Рыжикова Д.А., Высоцкий Р.Н. (2018) Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 8. № 1 (31). С. 41–56.

Поршнева Б.Ф. (1971) Контрсуггестия и история // «История и психология». Сборник статей. Под редакцией Л.И. Анцыферовой и Б.Ф. Поршнева. М.: Наука. С. 7–35.

Субботина Н.Д. (2018) Суггестия и контрсуггестия в обществе. М.: URSS.

Энгельс Ф. (1965) Письмо Й. Блоху. 21[–22] сентября 1890 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Политиздат. Изд. 2-е. Т. 37. С. 393–397.

Юдин Н. (2015) Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы, Т. 13. № 2. С. 96–105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7

REFERENCES

Althusser L. (1970) L'ideologie et les appareils ideologiques d'etat. *La Pensee*, no. 151, pp. 3–38.

Althusser L. (1965) *Pour Marx*. Paris: Maspero.

Ananiev A.V. (2021) Vnutripoliticheskoe polozhenie v Armenii posle karabakhskogo konflikta [The Political Situation in Armenia in the Aftermath of the Karabakh Conflict]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, no. 2, pp. 94–111.

Durkheim E. (1995) Predstavlenija individual'nye i predstavlenija kolektivnye [Sentiments Individual and Sentiments Collective]. Durkheim E. *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow: Kanon, pp. 208–243.

Engels F. (1965) Pis'mo J. Blohu. 21[–22] sentjabrja 1890 g. [A Letter to J. Bloch. 21[–22] September 1890] in: K. Marx and F. Engels. *Sochinenija* [Collected Works]. Mjscow: Politizdat. 2nd Edition, vol. 37. pp. 393–397.

Gramshi A. (1991) Tjurementnye tetradi (chast' 1) [The Prison Notebooks (Part I)]. Moscow: Politizdat.

Judin N. (2015) Sistemnoe prochtenie fenomena mjagkoj sily [A System Reading of the Soft Power Phenomenon]. *Mezhdunarodnye processy*, vol. 13, no. 2, pp. 96–105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7.

Kerimov A.A., Verbickaja T.V. (2019) Cvetnaja revoljucija kak ugroza politicheskoj sisteme gosudarstva: problemy opredelenija [The Colour Revolutions as a Threat to the Political System of the State: Problems of Definition]. *Voprosy upravlenija*, no. 2 (38), pp. 6–15. DOI: 10.18413/2075-4458-2019-46-1-154-161.

Manheim K. (1994) Ideologija i utopija [Ideologie and Utopia]. Mannheim K. *Izbrannoe. Diagnostika nashego vremeni* [Selected Works. The Diagnosis of Our Time]. Moscow: Jurist.

Manoylo A.V. (2015) Cvetnye revoljucii i tehnologii demontazha politicheskikh rezhimov [Colour Revolutions and the Technology of Dismantling Political Regimes]. *Mirovaja politika*, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.7256/2306-226.2015.1.12614 (https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12614).

Narochnitskaya N.A. (2008) *Oranzhevyye seti: ot Belgrada do Bishkeka* [The Orange Nets: From Belgrade to Bishkek]. St.-Petersburg: Aleteya.

Novikov O.G., Ryzhikova D.A., Vysockij R.N. (2018) Ob'ektivnye i sub'ektivnye predposylki vzniknovenija cvetnyh revoljucij v XXI veke [Objective and Subjective Prerequisites of Colour Revolutions in the XXI Century]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 8, no. 1 (31), pp. 41–56.

Naumov A.O. (2016) «Myagkaya sila», «tsvetnyye revoljucii» i tehnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka. [“Soft Power”, “Colour Revolutions” and the Technologies of Changing Political Regimes in the Early XXI Century]. Moscow: Argamak-Media.

Nye J. S. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books.

Nye J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Porshnev B.F. (1971) *Kontr suggestija i istorija* [Countersuggestion and History]. *Istorija i Psihologija* [History and Psychology]. L.I. Ancyferova, B.F. Porshnev (eds). Moscow: Nauka, pp. 7–35.

Strawbridge S. (1982) Althusser's Theory of ideology and Durkheim's account of Religion. *The Sociological Review*, no. pp. 125–139.

Subbotina N.D. (2018) *Suggestija i kontr suggestija v obshhestve* [Suggestion and Countersuggestion in Society]. Moscow: URSS.

СТРАНЫ ТРЕТЬЕГО МИРА: НАЦИОНАЛИЗМ VS
НЕОЛИБЕРАЛИЗМ
*THIRD WORLD COUNTRIES: NATIONALISM VS
NEOLIBERALISM*

**Восстание сапатистов:
нищие мексиканские индейцы против
мирового неолиберального капитализма**

*А. С. ФРОЛОВА**
*М. С. КУРАН***

***ФРОЛОВА Анна Сергеевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотековедения и информационных технологий ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры». Адрес: 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277. E-mail: rus.librarian@yandex.ru

****КУРАН Марина Степановна** – старший преподаватель кафедры библиотековедения и информационных технологий ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры». Адрес: 656055, г. Барнаул, ул. Юрина, 277. E-mail: kuranm@mail.ru

Изложена краткая хронология антиправительственных выступлений мексиканской леворадикальной группировки «Сапатистская армия национального освобождения» (январь 1994 г.). Ее социальная база – экономически уязвимые представители коренного индейского населения штата Чьяпас. Современные наблюдатели склонны считать восстание сапатистов поворотным для регионального общественно-политического климата событием, придавшим импульс идейной консолидации мировых антиглобалистских сил. На философских и политических концепциях главного идеолога Сапатистской армии национального освобождения – субкоманданте Маркоса (полит. псевд.) проанализировано ядро сапатизма, вобравшее в себя наряду с максимизмом марксизма-ленинизма элементы анархо-пацифизма, маоизма, геваризма, антиамериканизма, антикорпоративного активизма. Мишенью для жесткой критики сапатисты избрали мировой неолиберальный капитализм, который, согласно взглядам сапатистов, представляет серьезную опасность для суверенных национальных государств, оказавшихся на периферии мирового хозяйства. Разгосударствление мирового сообщества через избирательную либерализацию и стандартизацию национальных отраслевых законодательств приведет к радикальному усилению роли рычагов рыночного управления, игнорирующего в интересах крупнейших международных корпораций базовые национальные политико-экономические потребности. Неолиберальный капитализм логично нацелен на форсированную унификацию моделей управления государствами, отказывая в праве на существование локальным традициям политической культуры. Установлена идейная близость между лидером движения сапатистов и крупнейшими современными «левыми» философами (Ю. Хабермасом, М. Хардтом, А. Негри) по ряду фундаментальных для политической философии вопросов. Охарактеризованы различия между сапатизмом и теорией коммунизма в оценках «национального вопроса» и социальной структуры революционных сил.

Ключевые слова: Сапатистская армия национального освобождения (САНО), сапатизм, субкоманданте Маркос, Чьяпас (мексиканский штат), мексиканская революция 1910–1917 гг., мексикан-

ский анархо-коммунизм, неомарксизм, мексиканские «левые», «левое» движение в государствах «третьего мира».

DOI: 10.31857/S086904990012705-7

Цитирование: Фролова А.С., Куран М.С. (2021) Восстание сапатистов: нищие мексиканские индейцы против мирового нелиберального капитализма // *Общественные науки и современность*. 2021. № 1. С. 157–167. DOI: 10.31857/S086904990012705-7

Zapatistas' Uprising: Poor Mexican Indians Against World Neoliberal Capitalism

*Anna S. FROLOVA**

*Marina S. KURAN***

***Anna S. Frolova** – Candidate of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor, Altai State Institute of Culture. Address: Yourin st., 277, Barnaul, 656055, Russia. E-mail: rus.librarian@yandex.ru.

****Marina S. Kuran** – Senior Lecturer, Altai State Institute of Culture. Address: Yourin st., 277, Barnaul, 656055, Russia. E-mail: kuranm@mail.ru.

Abstract. The article briefly describes events history of anti-government protests (January, 1994) run by the Mexican left-wing armed opposition group «Zapatista Army of National Liberation» which had the economically vulnerable minority, communities of Indian indigenous peoples of Mexican state Chiapas, as its social support basis. The majority of today's observers tend to believe that the Zapatistas' uprising was a turning point for regional public and political climate that encouraged ideological consolidation of world antiglobal forces. The paper considers the ideological core of Zapatism that includes along with philosophical maxims of classic Marxism-Leninism elements of Anarchy-Pacifism, Maoism, Gevarism, Anti-Americanism, Anticorporate activism in various degrees. The analysis is based on philosophical writings and political declarations by Subcomandante Marcos (political pseudonym), leader of the Zapatista Army of National Liberation. The Zapatistas strongly criticized world neoliberal capitalism that embraced principles of ethic and legal nihilism towards actors of the global market. According to the Zapatistas' views, neoliberalism entails serious risks for sovereign states pushed away to the periphery of world economics: such countries are seen as a light barrier on the way toward denationalization of the world society through selective liberalization and standardization of national sectoral legislations that will help reach the strategic goal. That is a radical growth of the role of market levers which exactly will ignore basic political and economic needs of the state in favor of multinational corporations. So, neoliberal capitalism is logically aimed at forced unification of government control models refusing local traditions of political culture the right to exist. Also, the paper states the ideological congeniality between the leader of the Zapatistas and several modern outstanding left philosophers (in particular, Jürgen Habermas (Germany), Michael Hardt (USA), Antonio Negri (Italy)) concerning several key fundamental for political philosophy issues. Differences between Zapatism and the theory of Communism regarding tensions between inter-racial/ inter-ethnic communication and the social structure of revolutionary forces are outlined.

Keywords: Zapatista Army of National Liberation, Zapatism, Subcomandante Marcos, Chiapas (a Mexican state), the Mexican Revolution (1910–1917), Mexican Anarchy-Communism, Neomarxism, Mexican lefts-wingers, the left movement in the Third World countries.

DOI: 10.31857/S086904990012705-7

Citation: Frolova A., Kuran M. (2021) Zapatistas' uprising: poor Mexican Indians against world neoliberal capitalism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 00–00. DOI: 10.31857/S086904990012705-7 (In Russ.)

Политическая история латиноамериканского макрорегиона – это летопись экспериментов в диапазоне от крайне «правых» до крайне «левых» проектов. Симон Боливар – центральная фигура войны за независимость испанских колоний в Америке 1808–1833 гг. и отец политической самостоятельности южноамериканского материка. Прозревая грядущий политический раскол в рядах государств, только что обретших под его руководством автономию, он убеждал страны составить единую федерацию («Пусть нашим девизом будет единство испанской Америки!»). Однако, встретив энергичную оппозицию в лице внутрипартийных сепаратистских сил, он оставил свои попытки¹. Политической интеграции стран Латинской Америки на тот период препятствовали, как минимум, четыре причины: разность взглядов ведущих политических сил на предпочтительную форму государственного управления, отсутствие крепких межгосударственных хозяйственных связей, неготовность национальных властных элит «новорожденных» государств к утрате недавно приобретенной ими политической независимости, а также жесткая конкуренция между территориями за статус государства с функциями политического центра (государства-«объединителя»).

В начале XXI в. в отсутствие фундаментальных внутри- и межгосударственных противоречий пестрота политических предпочтений и симпатий народов латиноамериканского ареала оказалась почти полностью нивелирована². Однако политологи настойчиво предостерегают от опасности исключения из числа акторов современного политического процесса сил, представляющих «освященный» местной исторической традицией «левый» радикализм. В целом ряде латиноамериканских государств партии явной или латентной социалистической ориентации периодически переживают электоральный успех, приобретая существенный политический вес (Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Чили и др.). В некоторых государствах продолжительное время действует вооруженное «ультралевое» подполье³, пользующееся поддержкой статистически значимой доли населения. О степени симпатий к «левым» проектам можно судить по тому факту, что идейная полемика в лагере латиноамериканских радикальных «левых» нередко оканчивается взаимными обвинениями сторон в недостаточной «левизне».

Ведущие отечественные эксперты, специализирующиеся на оценке политической обстановки в странах современной Латинской Америки (как, например, В. Давыдов – научный директор Института Латинской Америки РАН), во второй половине 2010-х гг. констатировали завершение «левого поворота» в политическом настоящем Боливии, Венесуэлы, Коста-Рики, Мексики, Никарагуа, Уругвая, Чили [Давыдов 2007; Журнов, Шереметев 2008]. «Левый» крен стал реакцией на провал неолиберальной модернизации экономических систем государств в 1990-х гг. [Пашенцев 2015], повлекший за собой грубую диспропорцию в доходах населения, колоссальный рост нормы безработицы, оперативное и беспорядочное свертывание масштабных государственных программ социальной поддержки малоимущих, установление оскорбительной и губительной экономической, валютной и энергетической зависимости от североамериканских соседей, утрату крупными латиноамериканскими государствами кредитоспособности и пр.

Внимание политических аналитиков по всему миру привлекла реакция мексиканских «левых» на кризис с надеждами конвертировать энергию масс в общественный протест граждан, но, ввиду резкого понижения жизненных стандартов, – в революционный. 1 января 1994 г. Сапатистская армия национального освобождения (САНО) подняла воо-

¹ Хотя проект нельзя назвать провальным: идея все же была реализована в Великой Колумбии (нынешние Венесуэла, Колумбия и Эквадор), просуществовавшей чуть более десятка лет (с 1819 до 1831 г.).

² Все суверенные государства Центральной и Южной Америки пытаются наследовать классической республиканской традиции: доминирующая форма политического управления – президентская республика.

³ Например, колумбийская повстанческая экстремистская группировка «Революционные вооруженные силы Колумбии» (FARC), заявившая о своем возрождении в конце лета 2019 г. [Тарасенко 2019а; Тарасенко 2019б], «Народная армия Парагвая» (и ее фракция «Ассоциация вооруженных крестьян») и др.

руженное восстание против мексиканской армии. Продлившись 11 дней, противостояние завершилось переговорами с официальными властями: вопреки ожиданиям мятежников, общенациональной революции не случилось.

Методологические установки исследования

Попробуем проанализировать региональный и международный социально-политический эффект, произведенный антиправительственной активностью сапатистов. Во-первых, рассмотрим концепцию территориальности, согласно которой поведение участников политического процесса (как на национальном, так и на субнациональном уровнях), ориентированных на разные типы политического действия, продиктовано потребностью в установлении административного контроля над территорией. Во-вторых, рассмотрим теорию защиты регионального интереса, согласно которой установление регионального политического лидерства с целью обособить периферийные территории от центральной власти (с последующим обретением ими статуса субнациональной формы государственности) мотивировано соображениями защиты местных групповых интересов (политических, экономических, культурных). В контексте нашего исследования также методологически значимы теоретические наработки политико-системного подхода в рамках рационалистского направления политической регионалистики. В нем защита групповых интересов, сосредоточенных вокруг того или иного ареала (в крайнем случае как предмета внутригосударственного территориального спора) рассматривается в качестве фактора консолидации локальных политических сообществ и сил, предвещающей обретение территорией качеств и характеристик политического субъекта.

Прошлое и настоящее Сапатистской армии национального освобождения

САНО, организованная за десять лет до революционных событий, видела себя продолжателем дела Эмилиано Сапата – лидера Мексиканской революции 1910–1917 гг., начертавшей на своих знаменах проклятия крупному капиталу и славословия общинному землевладению. Социальную базу сапатистского движения составили, преимущественно, малочисленные автохтонные сообщества Лакандонских джунглей – индейцы южного мексиканского штата Чьяпас⁴. Недовольство коренного населения крайним экономическим неблагополучием стало причиной антиправительственных выступлений [Попова 2015; Морозов 2006; Berghe 2004; Orr-Álvarez 2017; Sergi 2009; Rénique 2009; Knight 2010; Krøvel 2010]. Отечественные и зарубежные исследователи напрямую связывают восстание сапатистов со вступлением в силу Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА; англ. North American Free Trade Agreement, NAFTA) [Попова 2015; Berghe 2004; Orr-Álvarez 2017; Sergi 2009; Evans 2009], ставшего, по выражению мексиканского писателя, журналиста и общественного деятеля Пако Игнасио Тайбо II, «смертельным ударом в живот общинам коренных народов [Мексики]» [Orr-Álvarez 2017]. Соглашение предусматривало радикальную либерализацию ряда положений земельного и лесного законодательства Мексики, устранявшую препятствия на пути активного освоения нефтеносных районов и вырубки лесных участков на индейских территориях.

Восстание 1994 г. не принесло сапатистам желаемый результат. Взгляды лидера движения на методы антигосударственной борьбы претерпели коренные изменения.

⁴ Мексика – страна с развитой доколумбовой культурой, имеющая среди своих граждан 21,5% коренного населения – индейцев, потомков ацтеков. Сегодня — это единственное латиноамериканское государство, в котором принадлежность к индейскому племени не считается признаком этнической или социально-экономической дискриминации. Коренное население сравнительно неплохо интегрировано в экономическую жизнь страны, парадоксально составляя при этом большинство категории малообеспеченных жителей Мексики.

В частности, пришлось отказаться от насильственного захвата официальной власти⁵ в пользу построения властной иерархии параллельно с законно избранной мексиканской администрацией [Попова 2015] в местах проживания индейских общин и компактной дислокации сил сапатистского движения – в Лакандонских джунглях. Там самовольно селились «симпатизанты» САНУ, и постепенно эта территория превратилась в очаг политической напряженности.

Главным идеологом САНУ стал человек, ныне известный в истории мирового «левого» движения под политическим псевдонимом «субкоманданте [инсургенте] Маркос» (с исп. *Subcomandante Insurgente Marcos* – «заместитель командующего повстанцами Маркос»)⁶. Вплоть до ухода с поста лидера сапатистов 25 мая 2014 г., субкоманданте Маркос, сохраняя верность однажды принятой формуле «наше оружие – слово» [Маркос 2001], активно публиковал партизанские декларации, политические эссе, философские сочинения и полевые видеообращения, которые быстро снискали популярность сначала в Латинской Америке, а потом и за ее пределами (вначале – в испаноговорящем мире). На какое-то время персона Маркоса приковала к себе живейшее внимание крупных фигур из мира политической журналистики (уже упомянутый мексиканский журналист П.И. Тайбо II, венесуэльский журналист Х.Р. Кинтеро, норвежский публицист и педагог Р. Кревель), известных писателей (Г. Маркес, К. Монсиваис) и кинорежиссеров (П. Лунгин, О. Стоун).

С подачи Маркоса социал-реформистский эксперимент по созданию автономной индейской республики уверенно вошел в информационную повестку крупнейших мировых средств массовой информации. Наблюдатели отмечали, что именно международная огласка инцидента с вооруженным выступлением сапатистов подтолкнула официальную мексиканскую администрацию к переговорам. Спустя два года после революционных событий стороны приняли мирные сан-андреасские соглашения. Маркос, следуя своему боевому кредо («Мы просто обязаны заставить всех, кто имеет власть, чувствовать себя некомфортно» [Маркос 2002]), воспользовался моментом. Он громко заявлял о бедственном положении населения штата Чьяпас, излагал свои взгляды по преодолению фундаментальных политико-экономических проблем современной Мексики, рассуждал о коренных причинах поражения январской революции, прогнозировал будущее мирового «левого» движения, жестко критиковал неолиберализм, который называл Четвертой мировой войной⁷.

Литературно-философские труды идеолога сапатистского движения задали тон читательской моде в среде «левой» молодежи, привлеченной оригинальностью взглядов и новизной авторского стиля. Его работы были попыткой реабилитировать в глазах симпатичного ему простого неученого деревенского жителя «левую» интеллектуальную традицию, перегруженную академизмом. Маркос обращался к устному фольклору индейцев – так сапатизм обретал свои идейные константы в народной мифологии, поговорках, загадках. Благодаря такому экзотичному сочетанию сапатистские тексты производят неожиданный эффект: они одновременно вызывают в читателе экстремизм и дерадикализацию, мобилизуя на мирный протест, отказ от вооруженных методов борьбы.

⁵ Часть исследователей (как, например, И. Морозов) рассматривает отказ от вооруженных методов политического сопротивления как доказательство квазиреволюционного характера сапатистского движения [Морозов 2017].

⁶ Отечественному читателю этот персонаж знаком также под литературным псевдонимом «Дон Дурито Лакандонский» (Лакандонские джунгли – «резиденция» сапатистов). Сочинения мексиканского «левого» философа выпускало екатеринбургское издательство «Ультра. Культура», главным редактором которого вплоть до своей кончины был И. Кормильцев – поэт, переводчик, литературный критик, популяризатор экстремистской литературы. Отечественным меломанам он также известен как автор текстов советской и российской рок-группы «Nautilus Pompilius».

⁷ Третья мировая война, по версии субкоманданте Маркоса, – это т. н. «холодная война», период глобального политико-экономического противостояния блоков социалистических и капиталистических государств (1946–1990 гг.).

Нельзя не упомянуть о притязаниях САНО на статус мирового центра «левого» движения: в 2005 г. руководство сапатистов пригласило к многодневной очной дискуссии представителей более шести сотен «левых» организаций (как умеренных, так и радикальных) со всех континентов. О результатах этой масштабной встречи политических единомышленников известно немного; событие, похоже, стало лишним подтверждением органической неспособности «левых» сил к консолидации. Вместе с тем уже нельзя игнорировать тот факт, что современная мексиканская «леворадикальная» мысль программирует коллективный интеллектуальный поиск стратегии борьбы мирового антиглобалистского движения с неолиберальным капитализмом.

Даже став публичной фигурой, Маркос посчитал необходимым сохранить анонимность – мировой прессе неизвестно ни его настоящее имя, ни подлинная биография; нет ни одного фото, на котором глава сапатистского движения был бы запечатлен без маски-балаклавы⁸. В своем последнем заявлении лидер сапатистов публично – в присутствии группы мексиканских и иностранных журналистов и политических активистов – объявил о «смерти» персонажа субкоманданте Маркоса [Маркос 2014] и попросил более не связывать его имя с деятельностью САНО. Вместо ставшего известным далеко за пределами «ультралевых» кругов Маркоса на арену политической борьбы вступил этот же человек, взявший себе новое имя в память об убитом соратнике – местном учителе Галеано [Orr-Álvarez 2017]. «Церемония наречения» носила выраженный постановочный характер (сапатистов, кстати, не раз упрекнули в театрализации публичных акций движения, препятствующей, по мнению критиков, достижению серьезных политических целей и привлекающей лишь праздное зрительское любопытство).

В 2017 г. по инициативе сапатистов был созван Национальный конгресс коренных народов Мексики, на котором делегаты избрали представительницу народа науа в качестве кандидата на пост главы государства от коренных народов на выборах 2018 г. [Ambrosi De la Cadena 2018; Впервые... 2017]. Некоторые зарубежные исследователи (например, Marco Ambrosi De la Cadena) усматривают в этом событии признаки очередной перемены отношения сапатистов к институционализированной форме политической власти [Ambrosi De la Cadena 2018].

Ближайшие перспективы развития сапатистского движения прогнозировать трудно. По оценке Морозова, «говорить о стратегическом успехе сапатистского движения... рано. ...Оптимистические прогнозы относительно скорого перерождения САНО из местечкового партизанского формирования в мощное международное политическое течение... так и не оправдались... Боевая организация сапатистов утратила какие-либо перспективы в масштабах Мексики: САНО не удалось даже поставить под контроль штат Чьяпас, не говоря уже о фантастических планах широкомасштабного наступления на Мехико» [Морозов 2006]. Сан-Андреасские соглашения, на которые мятежники возлагали свои надежды, остались, по существу, декларацией [Ambrosi De la Cadena 2018]. Лидер повстанцев добился не просто инстинктивной поддержки, а истовой преданности части индейского населения. Жестко критикуя политические действия проамерикански настроенного руководства страны, он заставил «левых» по всему миру отказаться от участия в публичной политике, сосредоточить силы на обустройстве быта сельских общин индейцев, переживающих хозяйственный упадок вследствие отказа от государственной поддержки [Попова 2015].

⁸ Некоторые исследователи механизмов социальной перцепции политической идентичности субъекта объясняют такой способ добровольной деперсонализации попыткой главы сапатистов сместить фокус общественного внимания со своей персоны на фигуру безликого и бессловесного обывателя [Bowman 2005; Orr-Álvarez 2017; Thomassen 2006 и др.]; в своих литературно-философских сочинениях Маркос чаще употреблял местоимение «мы» вместо «я».

Идеологическая платформа сапатизма

Деятельность САНУ нашла живой отклик у профессиональных политологов, журналистов ведущих мировых общественно-политических изданий, историков «левой» мысли и теоретиков «левого» движения, виднейших публицистов современности, интеллектуалов-одиночек, политически активной молодежи по всему миру. Каково идейное ядро сапатизма? Здесь присутствуют элементы классического марксизма-ленинизма, постмарксизма, общинного анархизма, маоизма, геваризма, антинеолиберализма (= радикального антиглобализма = антиамериканизма), антикосмополитизма, анархо-пацифизма, антикорпоративного активизма, древнеиндейской мифологии. В текстах своих главных «коммюнике» Маркос изложил основные требования анархо-коммунистического⁹ движения к официальным мексиканским властям:

- создать в стране самообеспечиваемые – импортонезависимые – аграрные системы;
- учитывать социально-экономические и культурные интересы автохтонного населения Мексики, ведущего традиционный образ жизни и сохраняющего исторически сложившийся хозяйственный уклад, в контексте промышленной модернизации государства и развития высокотехнологичных отраслей экономики;

- закрепить права коренного индейского населения на политическое самоуправление; существенно ограничить приватизацию зарубежными (прежде всего – американскими и канадскими) компаниями общинных земель и крупнейших нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий Мексики, принявшей облик агрессивной экономической интервенции.

Повстанцы не доверяют официальным заявлениям властей о решительном отказе от неолиберальной политико-экономической модели развития. Громкая «левая» риторика, по мнению руководства САНУ, служит камуфляжом для властных структур латиноамериканских государств «социализма XXI столетия», декларирующих приверженность идеям ортодоксального коммунизма. На деле же они вынуждены поддерживать неолиберальный порядок, отказываясь под давлением финансового шантажа от борьбы против унижительной и разорительной диктатуры североамериканских соседей, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации, крупных игроков энергетического, сырьевого и продовольственного рынков.

Сапатизм можно рассматривать как попытку синтеза классических идей интернациональной антикапиталистической борьбы с консервативными представлениями об абсолютной доминанте национального (в данном случае – промексиканского) начала в политике. Политические декларации лидера сапатистов изобиловали жесткими критическими пассажами в адрес мирового неолиберального капитализма, для которого «все является товаром, все продается и эксплуатируется» [Маркос 1999]. В литературных работах и публичных речах субкоманданте яростно осуждал, главным образом, этический нигилизм неолиберализма, проистекающий из тождества «рыночная экономика = рыночное общество». Приоритетная цель экспансии неолиберального капитализма – тотальная интернационализация мирового рынка, исключая заботу о партикулярных национальных социально-экономических интересах суверенного государства. Экономические доктрины неолиберализма, по мнению Маркоса, подчинены единственной сверхзадаче – оправданию радикальной унификации политического, правового и социально-экономического облика современных государств, поскольку принудительная гомогенизация

⁹ Руководство САНУ не раз подчеркивало свое презрение к классификационной дисциплине: вопросы журналистов о самоопределении движения в спектре известных политических систем и сил идеологи сапатистов оставляют без ответа, отвергая любые гипотезы о собственной принадлежности к какому-либо «лагерю». Однако флаг движения – красная звезда на черном полотнище – дает исчерпывающую характеристику его политической ориентации.

форм политического управления государствами обеспечивает жизнеспособность неолиберализма. Неолиберальный проект несправедливо игнорирует уникальный религиозно- и культурно-исторический контекст генезиса традиций политического управления той или иной территорией и отказывает государству-нации в праве на субъектность в системе межгосударственных политических связей и взаимоотношений.

Сапатисты и «левые» интеллектуалы

Каким образом эклектичная идейная платформа сапатистского движения соотносится с теоретическими взглядами на ключевые проблемы политической философии крупнейших «левых» философов современности? Взгляды главного идеолога сапатистов близки точке зрения выдающегося современного немецкого политического мыслителя, теоретика коммуникации, социолога Ю. Хабермаса, утверждающего, что «...гегемониальный либерализм не стремится к созданию правового, политически институционализованного мирового сообщества, а нацелен на создание международного порядка, предполагающего существование формально независимых либеральных государств. Они будут находиться под патронажем сверхдержавы, обеспечивающей “состояние мира”, а с другой стороны, встроены в контекст разгосударственного мирового общества и повинуются императивам полностью либерализованного мирового рынка. Согласно такой конструкции, ... мировое общество интегрируется... в пространстве рынка» [Хабермас 2008]. Схожего мнения придерживаются и современные радикальные «левые» философы – М. Хардт и А. Негри [Хардт, Негри 2006], называющие (как и Ю. Хабермас) новый мировой порядок «имперским», подразумевающим «неограниченную свободу действий мировой властной элиты, ... и ее минимальную ответственность за их результаты» [Хардт, Негри 2006] и «за судьбы [мировой эксплуатируемой] периферии» [Хардт, Негри 2006]. Ярko выраженными чертами такой системы мыслители считают «преобладание силы и экономической мощи над правом и нравственностью» [Хардт, Негри 2006] и «желание [субъектов надгосударственного администрирования] “снимать сливки” с неуправляемых процессов глобализации» [Хардт, Негри 2006].

Оздоровление власти кормчий сапатистского движения связывал с откатом к примитивной, непрофессиональной политике [Маркос 2014] (то есть с разгосударствлением политического управления) – в полном согласии с идеями либертарного коммунизма. Тех же мыслей придерживаются Хардт и Негри, связывая свои надежды на победу «левых» сил в борьбе против капиталистической системы с «созданием новой формы социальной организации, способной заменить систему суверенитетов, ... в которой личности контролировали бы через свою биополитическую активность блага и услуги, обеспечивающие воспроизводство множества. Все это знаменует переход от рес-публики (Res-publica) к рес-коммуне (Res-communis)» [Хардт, Негри 2006]. Между тем Хабермас отказывается рассматривать всерьез идеи анархического социализма, для которого идеальной моделью общественного устройства становятся стихийно интегрирующиеся социальные ассоциации, самоорганизующиеся в результате выхода из-под опеки бюрократизированного государственного управления [Фурс 2000].

Марксистская доминанта сапатизма очевидна, однако нельзя не отметить разницу идейных взглядов мексиканских революционеров на «национальный вопрос» с теоретическими конструкциями классического коммунизма. Вооруженные антиправительственные выступления САНО под командованием субкоманданте Маркоса носили черты национально-освободительного движения – основные политические требования восставших касались защиты прав коренного населения экономически депрессивного мексиканского штата Чьяпас. Именно «национальный вопрос» – наряду с требованием полной национализации природных ресурсов и промышленных мощностей Мексики – заботит руководство

сапатистов, требующих конституционного права на политическую автономию для автохтонного населения (по замечанию K.V. Berghe и B. Maddens, сапатисты предпочитают определять «социальную реальность в терминологии, скорее, концепций этнических процессов, чем теории классовой борьбы») (см. [Berghe 2004]).

Коммунизм возможен только при дефиците национального чувства, понимаемого как преданность своей этнической/гражданско-государственной общности в ущерб классовой солидарности. Сапатисты же делают выбор в пользу исторически сложившегося национального пути общественно-политического развития, выступают за сохранение самобытных традиций политической культуры нации, отвергая при этом мнимый универсализм любой – прежде всего, неолиберальной – политико-экономической модели (по сути глобальный антиглобализм). По оценке Хабермаса, постмарксистский проект «не отличается концептуальной четкостью; его жизненность определяется очевидными реалиями – исчезновением дифференциации между формами государственной власти в результате процессов глобализации, которые в условиях мирового общества, связанного сетями медийных коммуникаций и все сильнее интегрирующегося экономически, углубляют социальное неравенство и культурную фрагментарность» [Хабермас 2008].

Расхождения заметны и в определении общественной силы, выступающей в роли революционного авангарда. По замечанию современного российского исследователя Морозова, лидеры сапатистского движения – вопреки заветам К. Маркса (например, «Манифест коммунистической партии») и В. Ленина (например, «Пролетарская революция и ренегат Каутский»), вслед Мао Цзэдуном и Э. Че Геварой – сделали основной социальной базой политических переворотов отнюдь не городской пролетариат, знакомый (хотя бы поверхностно) с достижениями общественно-политической мысли, а политически безграмотное сельское крестьянство [Морозов 2017; см. также Sergi 2009].

* * *

Вооруженное восстание в начале января 1994 г. Сапатистской армии национального освобождения против мексиканской администрации привлекло внимание крупных международных информационных агентств и новостных служб к многолетним социальным проблемам коренного индейского населения экономически наименее благополучной территории латиноамериканского государства – южного штата Чьяпас. Руководителю антиправительственных выступлений сапатистов – «левому» писателю и философу субкоманданте Маркосу – удалось, «капитализировав» интерес средств массовой информации к революционным событиям, добиться некоторых политических уступок и гарантий социальных изменений со стороны государственных властей. Внимание прессы обеспечило идеологу сапатистов выход на обширную аудиторию. Свой талант политического мыслителя и агитатора Маркос употребил для развернутой аргументации ключевого для идеологической системы сапатизма тезиса: искусственное сдерживание экономического роста, рукотворный экономический упадок развивающихся стран – результат хищнических действий глобальных неолиберальных сил. Следовательно, выбор пост-неолиберального курса – единственный реальный шанс для государства сохранить политическую самостоятельность в тисках мирового рынка. Позиция мексиканского революционера находит понимание у современных «левых» интеллектуалов в лице Хабермаса, Хардта и Негри, рассматривающих антиглобализм в качестве альтернативы рыночному фундаментализму, интерпретирующему общественные взаимоотношения как акты конкурентной борьбы или купли-продажи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Впервые кандидатом в президенты Мексики стал представитель коренных народов (2017) (<https://regnum.ru/news/polit/2280832.html>).
- Давыдов В.М. (2007) Латиноамериканский поворот. № 2. С. 10–15.
- Жирнов О.А., Шереметев И.К. (2008) «Левый поворот» в Латинской Америке. Аналитический обзор. Москва: ИНИОН РАН.
- Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу (2001) (https://sceptsis.net/library/id_579.html).
- Маркос (2002) Другая революция: сапатисты против нового мирового порядка. Москва: Гилея.
- Маркос (2014) Между светом и тенью (https://sceptsis.net/library/id_3579.html).
- Маркос (1999) Четвертая Мировая война (https://sceptsis.net/library/id_576.html).
- Морозов И.Л. (2017) От Маркса до Маркоса – поиск субъекта и стратегии революции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 6. С. 8–21.
- Морозов И.Л. (2006) Попытка адаптации леворадикальной идеологии к реалиям современного мира: опыт сапатизма // Полис. Политические исследования. № 5. С. 129–143 (<https://doi.org/10.17976/jpps/2006.05.09>).
- Пашенцев Е.Н. (2015) «Левый поворот» и медиавойны в Латинской Америке // Государственное управление. Электронный вестник. № 51. С. 283–316. DOI:10.24411/2070-1381-2015-00056.
- Попова Л.Л. (2015) 20 лет восстания сапатистов в Мексике // Латинская Америка. Вып. 1. С. 59–63.
- Тарасенко П. (2019^а) «Для крайне правых политиков мы все – потенциальные террористы»: [Коммерсант]“Ъ” поговорил с бывшим бойцом FARC о возрождении колумбийской группировки (<https://www.kommersant.ru/doc/4079182>).
- Тарасенко П. (2019^б) Партизаны Колумбии оторвали топор войны: бойцы FARC вновь берутся за оружие (<https://www.kommersant.ru/doc/4074947>).
- Фурс В.Н. (2000) Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: ЗАО «Экономпресс».
- Хабермас Ю. (2008) Кантовский проект и расколотый Запад // Расколотый Запад. М.: Весь мир. С. 103–187.
- Хардт М., Негри А. (2006) Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция.

REFERENCES

- Ambrosi De la Cadena M. (2018) El Zapatismo como ‘resistencia crítica’ al neoliberalismo. *Revista Chakiña*, no. 4, pp. 28–42. DOI: .
- Berghe K., Maddens B. (2004) Ethnocentrism, Nationalism and Post-nationalism in the Tales of Subcomandante Marcos. *Mexican Studies. Estudios Mexicanos*, vol. 20, pp. 123–144. DOI: 10.1525/msem.2004.20.1.123.
- Bowman P. (2005) 3Marxism(s) and Post-Marxism(s). *The Year’s Work in Critical and Cultural Theory*, vol. 13, pp. 38–59. DOI: 10.1093/ywcct/mbi003.
- Davydov V.M. (2007) Latinoamerikansky povorot [Latin American Turn]. *Ekonomicheskie strategii*, no. 2, pp. 10–15. (In Russ.).
- Evans B. (2009) Revolution without Violence. *Peace Review: A Journal of Social Justice*, vol. 21, no. 1, pp. 85–94
- Furs V. N. (2000) *Filosofiya nezavershyonnogo moderna Yurgena Habermasa* [Philosophy of Jürgen Habermas' Unincompleted Project]. Minsk: Ekonompress. (In Russ.).
- Habermas Jü. (2008) Kantovskij proekt i raskolotyj zapad [The Kantian Project and the Divided West]. *Raskolotyj zapad* [The Divided West]. Moscow: Ves' Mir, pp. 103–187. (In Russ.).
- Hardt M., Negri A. (2006) *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Cultural Revolution. (In Russ.).
- Interv'yu subkomandante Markosa Gabrielyu Garsia Markesu (2001) [Gabriel García Márquez interviewed [Zapatistas' Subcomandante] Markos]. (https://sceptsis.net/library/id_579.html). (In Russ.).

- Knight A. (2010) The Myth of the Mexican Revolution. *The Past and Present Society*, no. 209, pp. 223–273. DOI: doi:10.1093/pastj/gtq010
- Krøvel R. (2010) Anarchism, The Zapatistas and The Global Solidarity Movement. *Global Discourse*, vol. 1, no. 2, pp. 20–40. DOI: 10.1080/23269995.2010.10707855
- Markos (1999) *Chetvyortaya Mirovaya vojna* [World War IV]. (https://scepsis.net/library/id_576.html) (In Russ.).
- Markos (2002) *Drugaya revolyutsiya: zapatisty protiv novogo mirovogo poryadka* [The other revolution: Zapatistas against the New World Order]. Moscow: Gilea. (In Russ.).
- Markos (2014) *Mezhdru svetom i ten'yu* [Between the Light and the Darkness] (https://scepsis.net/library/id_3579.html). (In Russ.).
- Morozov I.L. (2006) Popytka adaptatsii levoradikal'noy ideologii k realiyam sovremennogo mira: opyt zapatisma [An attempt to adapt the left-wing radical ideology to the realities of the modern world: the experience of Zapatism]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 129–143. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.05.09>. (In Russ.).
- Morozov I.L. (2017) Ot Marksa do Markesa – poisk sub'ekta i strategii revolyutsii [From Marx to Marcos. Search of the Subject and the Strategy of Revolution]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 22, no. 6, pp. 8–21. (In Russ.).
- Naidorf J., Martinetto A. B., Sturniolo S. A., Armella J. (2010) Reflexiones acerca del rol de los intelectuales en América Latina. *Archivos Analíticos de Políticas Educativas*, vol. 18, no. 25. DOI: 10.14507/epaa.v18n25.2010.
- Orr-Álvarez B. (2017) *Masking Revolution: Subcomandante Marcos and the Contemporary Zapatista Movement*. Performing Utopias in the Contemporary Americas K. Beauchesne (eds.). New York: Palgrave Macmillan, pp. 111–129. DOI: 10.1057/978-1-137-56873-1_7.
- Pashentsev E.N. (2015) «Levy povorot» i mediavoyny v Latinskoy Amerike [“Left Turn” and media wars in Latin America]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Electronnyi vestnik*, no. 51, pp. 283–316. DOI:10.24411/2070-1381-2015-00056. (In Russ.).
- Popova L.L. (2015) 20 let vosstaniya zapatistov v Meksike [The 20th Anniversary of the Zapatista's Uprising]. *Latinskaya Amerika*, is. 1, pp. 59–63. (In Russ.).
- Rénique G. (2009) Introduction, Latin America today: The revolt against neoliberalism. *Socialism and Democracy*, vol. 19, no. 3, pp. 1–11. DOI: 10.1080/08854300500284561.
- Sergi V. (2009) Zapatistas, EZLN, and the Chiapas Uprising. *The International Encyclopedia of Revolution and Protest*. Emmanuel Ness ed. [...]: Blackwell Publishing. Pp. 1–8. DOI:10.1002/9781405198073.wbierp1638.
- Tarasenko P. (2019^a) «Dlya krajne pravyyh politikov my vse – potencial'nye terroristy»: [“Kommersant”] pogovoril s byvshim bojcom FARC o vozrozhdenii kolumbijskoj gruppirovki [“All of us are would-be terrorists for Right-Wing persons”: “Kommersant” had a talk with a former FARC fighter about resurrection of the Columbian militant group] (<https://www.kommersant.ru/doc/4079182>). (In Russ.).
- Tarasenko P. (2019^b) *Partizany Kolumbii otryli topor vojny: bojcy FARC vnov' berutsya za oruzhie* [Partisans of Columbia dugged up a war axe: FARC's fighters turn to arms again] (<https://www.kommersant.ru/doc/4074947>). (In Russ.).
- Thomassen L. (2006) Beyond Representation? *Parliamentary Affairs*, no. 60, pp. 111–126. DOI: 10.1093/pa/gsl051.
- Vpervye kandidatom v prezidenty Meksiki stal predstavitel' korennyh narodov* [A representative of indigenous peoples became a candidate for president of Mexico for the first time] (2017) (<https://regnum.ru/news/polit/2280832.html>). (In Russ.).
- Zhirnov O.A., Sheremetev I.K. (2008) «Levyj povorot» v Latinskoj Amerike. *Analiticheskij obzor* [“Left Turn” in Latin America. Analytic Review]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ. House. (In Russ.).

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.



КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации



ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА



СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru



ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ



БАКАЛАВРИАТ Политология



МАГИСТРАТУРА Политология

Преподаватели факультета – это ведущие научные сотрудники Института философии и других академических институтов РАН, известные политические аналитики и политтехнологи.

Дисциплины по направлению «Политология» являются оригинальными разработками преподавателей Института и направлены на углубление профессиональных знаний, практическую подготовку студентов и получение конкретных знаний в сфере будущей профессиональной деятельности.

Уникальность факультета заключается в том, что он единственный среди одноименных факультетов гуманитарных университетов готовит специалистов в области фундаментальной политической теории и политической философии.

Во время обучения по программе студенты на практике знакомятся как с научно-исследовательской деятельностью в различных профильных организациях (политических партиях, Фонде «Общественное мнение»), так и с коммуникационными технологиями в информационных агентствах, редакциях и студиях отечественных медиа.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН



ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.



ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.



МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.



УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.



СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).